

Проблемы становления гражданского общества в России

*Центр демократии и
прав человека
Фонд развития
политического централизма*

Москва
2003

Научный редактор:

*С.С. СУЛАКШИН, профессор, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук.*

Редакционная коллегия:

А.И. СОЛОВЬЕВ, профессор, доктор политических наук.

Ф. ФЛУРИ, доктор исторических наук, доктор философских наук.

Е.Л. ЧЕРНИКОВ, профессор, доктор исторических наук.

А.Н. ЧИРВА, кандидат педагогических наук.

Соучредители постоянно действующего научного семинара:

Фонд развития политического центризма, г. Москва

Центр по демократическому контролю над
вооруженными силами, г. Женева

Издание материалов постоянно действующего научного семинара осуществляется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда при Правительстве РФ (проект №030315012 Г)

Издатель: Фонд развития политического центризма

Тел./факс: (095) 249-07-03, 249-80-42,

e-mail: frpc@cea.ru

[http:// www. sulakshin.ru](http://www.sulakshin.ru)

Ответственный за выпуск — А. Н. Чирва

Технический редактор — О. А. Середкина

Верстка — В. В. Сайдин

Корректор — Н. Н. Азаренкова

Сдано в набор 10. 07. 2003 г. Подписано в печать 21.07. 2003 г.

Формат 60x84 1/16. Объем 8, 25 п. л.

Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Россельхозакадемии
115598, Москва, ул. Ягодная, 12

**Издание предназначено для широкого круга читателей —
политиков, научных сотрудников, преподавателей,
студентов, практических работников.**

Содержание

Тема семинара:

**«Социальные основы формирования
гражданского общества»** (сентябрь, 2003 г.)

Доклад

**Гражданское общество, средства массовой
информации и демократия
в посткоммунистических странах**

**Душан Релжич, старший научный сотрудник.
Институт по вопросам международной безопасности,
Берлин.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Средства массовой информации зачастую называют «четвертой властью». В демократической системе считается, что они стоят на страже свободного общества. Закономерно, что средства массовой информации являются одной из наиболее значимых частей гражданского общества; они контролируют парламент, правительство и систему правосудия, а также следят за соблюдением частными промышленными и финансовыми компаниями закона, предупреждают о загрязнении окружающей среды, участвуют в предотвращении конфликтных ситуаций, а также в их разрешении. В настоящее время средства массовой информации являются вездесущей силой, возможно, поэтому люди ожидают от СМИ всемогущества.

Как сказал один из бывших председателей Федеральной комиссии связи США, телевидение, как и остальные СМИ, является «всего лишь прибором... тостером с изображением». Но это далеко не так. Конечно СМИ оказывают сильное влияние на общество и сами находятся под влиянием его механизмов. Но в то же время, работа СМИ важна для общества; она намного важнее того, что дают людям бытовые приборы. Каналы связи, учрежденные и управляемые средствами массовой информации, играют в обществе жизненно важную роль. Без пол-

ной и точной политической информации, демократические институты исчезнут. Без наличия достоверной деловой информации, рынкам грозит обвал. Без неограниченной информации о новых направлениях в искусстве, культура перестанет существовать.

Но это всего лишь аксиомы. Определить норму поведения СМИ в демократическом обществе довольно легко. Это особенно актуально в поставторитарных странах, которые все еще закладывают основы демократических институтов. Однако в данном докладе речь пойдет не о нормах. Здесь предлагается общий анализ таких вопросов, как:

- методы управления СМИ, а также
- рынки СМИ в посткоммунистических странах.

В итоге, мы должны иметь общее представление об этом сложном взаимодействии органов государственной власти, владельцев СМИ и журналистов в посткоммунистических странах. Данное исследование поможет лучше понять принцип работы СМИ в качестве важной составляющей гражданского общества в посткоммунистических странах.

Однако надо сделать некоторые оговорки.

Во-первых, возникает проблема при использовании термина «посткоммунистические страны» или «страны в процессе перехода». Центральная и Восточная Европа, и в большей мере бывший Советский Союз, довольно одинаковы в вопросах политических свобод, экономического развития, устройства СМИ, культурного роста, а также формирования организаций, составляющих гражданское общество. Следовательно, при обобщении эмпирических данных с целью определения структуры СМИ в посткоммунистических странах — пространстве, охватывающем свыше двенадцати часовых поясов может применяться базисная матрица.

Во-вторых, необходимо, собственно, разобраться в самом понятии гражданского общества. В чем его суть? Здесь на память приходит немецкая поговорка «Weder Fisch noch Fleisch» (ни рыба, ни мясо). Можем ли мы с абсолютной уверенностью утверждать, что гражданское общество состоит из исключительно благородных и бескорыстных людей, которых главным образом волнует «государственный и общественный интерес», а не коммерческая выгода? Давайте будем откровенны: во многих посткоммунистических странах понятие гражданское общество все еще неразрывно связано с помощью со стороны западной демократии, так как, очевидно, большинство неправительственных организаций не смогли бы выжить без внешней финансовой поддержки. Что касается СМИ в посткоммунистических странах, очевидно, общество не считает, что ведущие неправительственные СМИ действуют в общественных интересах. Большинство СМИ рассматриваются в качестве политического инструмента власти или же опреде-

ленной группы людей, объединенных коммерческими интересами.

Активистов неправительственных организаций «третьего сектора» зачастую иронически называют албанским словом «Sorosani», что значит отпрыски Джорджа Сороса, нью-йоркского филантропа. Если они не рассматриваются как явные иностранные наемники, то существует широко распространенное мнение, что гражданское общество в посткоммунистических странах — это нечто вроде западного экспортируемого товара, который порождает трудности в работе демократично избранного правительства. Многие люди в посткоммунистических странах считают, что Запад поддерживает СМИ и неправительственные организации в силу убежденности в том, что на Востоке существует лишь подобие демократии. Демократические выборы нередко порождают антидемократических политических деятелей или, по меньшей мере, политиков, которые не нравятся ни Западу, ни Востоку.

Иначе говоря, финансируемые Западом организации гражданского общества должны восполнить дефицит восточных организаций. Хуже того, многие наблюдатели полагают, что несмотря на финансовую помощь со стороны Запада, для осуществления демократических программ, нередко организации гражданского общества не оправдывают своего существования. Кажется, что те, кто стремится оказать помощь, и большинство россиян, украинцев, сербов, албанцев, а также других «новых демократов» сидят в двух различных поездах, идущих по двум разным направлениям, не имеющим точки пересечения.

В-третьих, существует недовольство действиями СМИ в установившемся демократическом обществе. В большинстве своем люди не верят в достоверность информации, передаваемой СМИ. Иногда возникают конфликты между властью и СМИ относительно острых вопросов (споры между корпорацией ВВС и премьер-министром Тони Блэром по поводу войны в Ираке). В некоторых западных странах организации гражданского общества, такие как FAIR (Fairness&Accuracy in Reporting — Достоверность и точность информации) в США, контролируют СМИ и часто привлекают внимание к предполагаемой или же очевидной необъективности в описании событий. Можно предположить, что предложения Запада по вопросу СМИ в некоторой степени лицемерны.

Итак, какова же цель спора о роли СМИ в построении демократии, если действительность, пусть и в уже развитом демократическом обществе, не достигает стандартов, о которых говорят политические аналитики?

В данной ситуации, многое можно сказать в пользу подхода, предложенного в конце девятнадцатого века австрийским социал-демократом Эдвардом Бернштейном: «движение — это все, конечная цель —

ничто». Важно знать, куда приведет движение общества, но еще более важно поддерживать постоянную эволюцию общества для того, чтобы его развитие не прекращалось и оно не вернулось к прежней модели.

Процесс перехода довольно непредсказуем. Мы не знаем, чем закончится отказ от авторитарной общественной формации и образа мышления в различных посткоммунистических странах, и как это изменит СМИ. Но мы знаем наверняка, что общество в основном не желает возвращения к старой системе под новым названием. Никому не нужна *Правда* без *Известий*, а *Известия* без *Правды*. Но также верно и то, что многие не хотят CNN или же Bild Zeitung. Все, что мы можем сделать — это определить, к каким результатам привели изменения и сравнить их с изначально принятой нормой. Различие между реальностью и нормой, если такое существует, является темой для политических дебатов, а возможно и предметом политической деятельности с целью изменения направления развития СМИ и различных общественных формаций.

Нормативы изменений в сфере деятельности СМИ

ВАЖНОСТЬ КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Еще до 1848 года, когда буржуазные революции подготовили почву для гражданских свобод в Европе, молодой журналист, который впоследствии стал известен в другой сфере деятельности, придерживался твердого убеждения в том, что основным условием его работы является свобода для успешного выполнения важной общественной задачи. По мнению Карла Маркса, СМИ не должны быть коммерческими, это необходимо для свободы прессы. Более чем через столетие, когда однопартийные марксистские режимы в Центральной и Восточной Европе, а также в бывшем Советском Союзе, рушились один за другим, их противники, антикоммунистические революционеры, требовали обратного? свободного развития СМИ на коммерческой основе. По прошествии десятилетий господства государства и партии над всеми областями общественной жизни с железной хваткой аппарата безопасности в социальной сфере, стало очевидным, что только прекращение контроля государства и особенно притеснений СМИ со стороны силовых структур сделают возможной свободу слова.

Другой насущной проблемой в посткоммунистических странах за последние пятнадцать лет стал вопрос о том, что СМИ были преобразованы по «европейской» модели, в условиях соответствия между правовыми нормами и административной практикой в регионе. Предполагалось, что данная модель устранил возможность возвращения государственного контроля, и вместе с тем будет лучшей альтернативой

американской коммерциализации СМИ, особенно телевидения.

Время от времени звучали заявления о том, что гражданское общество обладает большим влиянием на СМИ. В основном об этом говорила интеллигенция, которая играла самую активную роль в борьбе против социалистического режима и отвергала даже саму мысль о том, что можно поменять господство государства на порабощение интересам бизнеса.

Западные ученые обратились к старым трудам, посвященным роли СМИ процессах развития и модернизации. В пятидесятых и шестидесятых годах прошлого века, когда остро стоял вопрос о деколонизации эта тема была актуальной. Рассуждения на эту тему были довольно однообразны и сводились главным образом к нормативной роли, которую, как считается, СМИ играют в переходный период. Полвека назад западные ученые ожидали, что представление соответствующей информации в СМИ вызовет интерес к западному образу жизни в бывших колониях, это, в свою очередь будет способствовать реформам. В настоящее время ожидается, что СМИ «представят западные образцы демократии и стандарты поведения обществу и, таким образом, будут способствовать процессу политического обобществления».

Но уже полвека назад было очевидно, что продукция западных СМИ, особенно в странах Азии, Африки и Латинской Америки состоит в основном из популярных ковбойских сериалов, таких, как «Золотое дно», и американских развлекательных программ. Любой турист подтвердит, что наиболее частотными иностранными продуктами, показываемыми на телевидении от Албании до Казахстана являются если не латиноамериканские мыльные оперы, то что-то подобное популярному сериалу «Династия» о богатстве, власти и кризисе семейной жизни, или же немецкому детективу «Tatort». Образ западного мира с его ценностями, передаваемый в большинстве экспортируемых телевизионных программ, редко соответствует реальности, и, конечно же, не призван представлять обществу демократию, рыночную экономику или гражданское общество. Более того, картина мира, представленная в СМИ посткоммунистических стран, не является европейской. В посткоммунистических странах, как и в странах Западной Европы, поражает количество американских художественных фильмов на экранах. Изучение мирового потока информации показало, что освещение американской политики, экономики и культуры занимает самое важное место в международном обмене информацией.

Становится очевидно что продукция западных СМИ определенно не является тем каналом, через который общества восточных развивающихся стран могут получить решающий стимул к развитию.

Попытки интеллигенции оказать влияние на формирование СМИ

остались безрезультатными. В большинстве посткоммунистических стран деятельность некоммерческих каналов, которые представляют общественное мнение и деятельность гражданского общества очень невелика и не играет решающей роли.

ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ

Похоже, что единственным показателем, по которому можно определить успех реформирования СМИ, является то, насколько ими усвоена «европейская» модель. С одной стороны, это подразумевает наличие частных СМИ, которые работают в соответствии с законом, кодексом журналистской этики, а также правилами, установленными независимыми радиовещательными властями или же другими подобными институтами общественного контроля.

С другой стороны, европейская модель подразумевает существование общественных каналов в сфере телерадиовещания. Такие каналы транслируют программы, представляющие общественный интерес, чего коммерческие каналы либо не могут себе позволить, либо не желают делать по причине политического давления.

Следует обратить внимание на то, что некоторые аналитики все чаще рассматривают общественное телерадиовещание как «автономные государственные вещательные организации». Необходимо также помнить, что «европейская» модель — это лишь норматив. «Общественное телерадиовещание» — это скорее идеал, который удовлетворяет желания граждан и является элементом усовершенствованной демократии. Вмешательство со стороны властей и политических партий, влияние экономических интересов безответственное искажение информации в газетах и другие отклонения от этических норм существуют повсеместно.

На самом деле, соответствие между нормой и фактической работой СМИ зависит от формы государственного устройства и от множества взаимосвязанных переменных.

После того, как сверженные режимы, опять же используя выражение Карла Маркса, оказались на свалке истории, аудитория хочет не столько того, чтобы СМИ предоставляли много информации, сколько того, чтобы эта информация была правдивой. Это особенно актуально при освещении работы аппарата государственной безопасности. Тем не менее, критическое описание и попытки заглянуть поглубже в тайны мира «силовых структур», а также вооруженных сил все еще является опасным занятием.

ВАРИАНТЫ КОНТРОЛЯ НАД СРЕДСТВАМИ

МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Одной из самых очевидных перемен после падения старых режимов стало появление свободы печати. Следует заметить, что в первые годы после прекращения однопартийного правления, СМИ, как, впрочем, и все общество, оказались в состоянии хаоса и неупорядоченности. Шаги с целью контроля их деятельности были предприняты только в середине девяностых годов прошлого столетия. Развитие деятельности средств массовой информации, как правило, привлекает повышенный интерес со стороны общественности. Вследствие этого, общественность обычно особо остро реагирует на нарушение норм свободы слова. Например, в Чехии, стране, где смена режима прошла довольно спокойно, третьего января 2001 г. к удивлению всего мира, на улицы Праги вышло около ста тысяч человек, протестуя против политического давления на центральное телевидение.

Подобные события, в несколько меньшем масштабе, имели место в Венгрии, Польше, Болгарии, Словении и других странах, с более или менее «установившейся» демократической системой. В мае 2001 г. экспертная группа Международной ассоциации журналистов заявила, что бывшее тогда у власти правительство премьер-министра Виктора Орбана «вследствие политических интриг и умышленной халатности поставило под угрозу само существование системы телерадиовещания».

Ассоциация также заявила, что даже страны, стремящиеся вступить в Европейский Союз, «не смогли сделать СМИ полностью профессиональным и демократическим институтом».

Чаще всего, правительства Центральной и Восточной Европы передавали государственное телерадиовещание в частные руки. В большинстве этих стран образцом для подобной реформы послужила компания «Би-Би-Си» и ее дочерняя компания в Германии «Offentlich-rechtliche Sender».

Независимость «Би-Би-Си» часто воспринимается как идеал, однако это не всегда так.

В большинстве стран в условиях переходного периода разгорелись горячие споры о роли телевидения как наиболее сильного орудия политического влияния. Такие дебаты становились особенно актуальными в периоды выборов, так как считается, что избиратели, как правило, идут на поводу у телевидения. В таких условиях трудно достичь согласия в том, кто будет назначать на должность советника, редактора, или исполнительного директора государственной службы телерадиовещания и осуществлять за ними контроль. Чаще всего разгораются споры по вопросу распределения частот. Нередко политики, журнали-

сты и активисты гражданского общества не могут прийти к согласию в отношении ограничения на привлечение иностранного капитала.

То, что такие вопросы обычно остаются не разрешенными, говорит о том, что борьба за влияние над электронными средствами массовой информации еще не завершена. Особо интересным может стать итог перераспределения вещательных лицензий и частот в Сербии после того, как в стране был принят закон о государственном Вещательном Совете. Продолжат ли в условиях нового политического режима свое существование или, возможно, будут преуспевать, телевизионные станции ВК и TV Pink, которые прежде были полностью лояльными Слободану Милошевичу, а ныне открыто поддерживают демократическое правительство? То, что руководящие члены нового Вещательного Совета пользуются решительной поддержкой правящих партий, не может не вызывать опасений. Хотя, надо отметить, что некоторые известные специалисты ушли в отставку, мотивируя это тем, что президент этой организации был избран незаконно. Известно, что в данный момент Совет явно лоялен по отношению к существующему правительству.

Средства массовой информации в странах с «неконсолидированной президентской демократической системой», равно как и в большинстве стран бывшего Советского Союза находятся в значительно худшем положении по сравнению с Центральной и Восточной Европой. Многие события подтверждают, что нынешние правительства могут действовать в отношении добросовестных специалистов средств массовой информации также сурово, как и предыдущие режимы.

Одним из ярких примеров этому может послужить до сих пор нераскрытое исчезновение украинского журналиста Георгия Гонгадзе в сентябре 2000 г., поскольку его деятельность касалась высочайших сфер государственной власти. Позже было обнаружено обезглавленное тело, однако до сих пор точно не установлено, что это тело Гонгадзе. С этого момента многие требовали отставки президента Кучмы, ссылаясь на аудиозапись, которую предположительно сделал его сбежавший телохранитель, где президент дает распоряжение похитить Гонгадзе. Администрация Кучмы в мае 2001 г. пыталась утверждать как внутри страны, так и за ее пределами, что в деле исчезновения Гонгадзе отсутствуют политические мотивы. Власти заявили скептически настроенной общественности, что убийство было криминальным, и что лица, участвовавшие в нем были, в свою очередь ликвидированы. Согласно последней версии расследование зашло в тупик из-за грубых ошибок, допущенных на раннем этапе следствия, однако до сих пор власти не представили более или менее вразумительных объяснений этим событиям. Это далеко не единственный случай гибели журнали-

ста при подозрительных обстоятельствах. На вопрос почему иностранные компании так неохотно вкладывают свои средства в украинские средства массовой информации один из редакторов, долгое время проживающий в Киеве, ответил: «здесь убивают журналистов».

РЫНОК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В посткоммунистических странах телерадиовещательные компании стали появляться с удивительными темпами. Даже в странах с отстающим экономическим развитием, таких как Сербия или Македония сегодня насчитываются сотни местных вещательных компаний. Как правило такие компании транслируют программы самого низкого качества, за исключением тех случаев, когда они получают разрешение от иностранных спутниковых вещателей и платят им за это. Присутствие иностранного коммерческого телевидения упрочилось в Венгрии, Польше, Чехии, Словении и других странах с недавно установившимся демократическим строем.

Власти не жалеют усилий для обретения полного контроля над государственными средствами вещания, однако частным компаниям чаще всего уделяется не так много внимания. Скорее всего причиной этого является то, что коммерческим вещательным компаниям в Центральной и Восточной Европе еще предстоит оправдать надежды на их влияние и окупаемость. В будущем положение дел может измениться, однако на данный момент телекомпании с иностранным капиталом перегружены мыльными операми, игровыми шоу, низкопробными фильмами, подчас фривольного содержания с невыносимо длинными рекламными вставками.

Крупнейшая компания с американским капиталом в этом регионе Central European Media Enterprise Ltd., имеющая вещательные точки в Словении, Словакии, Румынии и на Украине, и примерно 110 миллионов зрителей, за последние несколько лет потерпела убытки, которые отчасти были связаны с затяжным судебным процессом, в котором оспаривалось право собственности на самую важную для компании чешскую радиостанцию «Нова». В конечном итоге компания выиграла процесс и получила в качестве компенсации 300 миллионов долларов, сумму, превышающую ежегодные расходы Чехии на государственную систему здравоохранения.

Будущее покажет, как сложатся дела у компании «Balkan News Corporation», принадлежащей Руперту Мурдох, которая в 2000 году получила лицензию на частоту бывшего второго канала болгарского государственного телевидения.

В Польше, Чехии и Болгарии большинство печатных изданий

очень быстро оказались в руках иностранных инвесторов. Статистика показывает, что от 60 до 80 процентов рынка печати находится под контролем преимущественно германских компаний. Основным инвестором в юго-восточной Европе является германская газета WAZ, владеющая либо полностью, либо частично множеством периодических изданий (возможно не менее двадцати издательств в Хорватии, Сербии, Черногории, Венгрии) и занимающая ведущее положение в Австрии. Германские корпорации «Springer», «Bertelsmann», «Neue Passauer Presse», британские «Maxwell» и «Murdoch», а также некоторые скандинавские компании составляют основной костяк печатной индустрии во всех посткоммунистических странах за исключением России и Украины.

Как правило, иностранные инвесторы очень быстро приводят свою политику в соответствие с линией, проводимой в данной стране, чтобы избежать резких конфликтов с властью. Многие критики считают, что такая тенденция может мешать журналистским расследованиям. С другой стороны, участие иностранного капитала является хорошей защитой от чрезмерного давления со стороны правительства, создает возможность для технических нововведений и предоставляет существенные гарантии для сотрудников. Как сказал один болгарский журналист, работающий в издательстве компании WAZ: «Платят нам немного, но зато без задержек».

В некоторых странах юго-восточной Европы наблюдается новый подход к использованию СМИ для построения демократии. Здесь средства благотворительных либо политических организаций направляются для поддержки продемократических либо антинационалистических СМИ. Например, американский мультимиллионер Джорж Сорос основал в Праге «Фонд кредитования развития СМИ» (MDLF), который на льготных условиях предоставляет кредиты неправительственным СМИ в посткоммунистических странах. Эти кредиты вместе с грантами от таких организаций как институт «Открытое общество», «Европейская инициатива в области демократии и прав человека» (ЕИДПЧ), и других строк бюджета ЕС, «Агенство США по международному развитию» (USAID), «Норвежская организация помощи мирному населению» (NPA) вместе с германскими политическими фондами и другими источниками западной поддержки чаще всего играют решающую экономическую роль в выживании продемократических СМИ. В последнее время «Фонд кредитования развития СМИ» приобрел часть акций изданий «Rijecki Novi List» и «Feral Tribune» в Хорватии и известную вещательную станцию Б-92, которая была символом сопротивления предыдущему режиму.

В России, где насчитывается около 40 000 зарегистрированных

организаций СМИ, и других странах бывшего Советского Союза, печатные издания на данный момент если не являются собственностью государства, то находятся от него в сильной зависимости. Существуют также частные холдинги, принадлежащие «индустриальным олигархам». Некоторые из них, например Гусинский и Березовский, крупнейшие информационные магнаты времен правления Ельцина, недавно были вытеснены из своей сферы влияния, в которую они вошли путем до сих пор невыплаченного государственного займа. В настоящие время эти олигархи покинули Россию. Некоторые наблюдатели считают, что арест Гусинского в Афинах связан с предстоящими выборами в РФ.

Одним из примеров превращения диссидентской газеты в процветающее акционерное общество без решающего влияния иностранного капитала в посткоммунистической стране может послужить ведущее польское издание «Gazeta Wyborcza». Хотя нельзя недооценивать, что своим успехом газета также обязана зарубежной политической поддержке, особенно со стороны США.

«БЕРЛУСКОНИЗАЦИЯ» КАК СЛЕДУЮЩИЙ ЭТАП «ЕВРОПИЗАЦИИ»

Переход государственных средств массовой информации в частную собственность имел различные последствия в посткоммунистическом мире. Благодаря введению рыночных механизмов журналисты получили новые возможности и столкнулись с новыми проблемами. Безусловно, после государственного господства частная конкуренция является наиболее важным изменением для общества, однако даже она не может полностью гарантировать, что благородные цели свободы слова будут достигнуты в обнищавшем посткоммунистическом мире.

Так или иначе, именно режим частной собственности играет главную роль в распространении средств массовой информации в этой части мира. Некоторые процессы стали в этих странах, включая государство бывшего Советского Союза, стали необратимыми. В отличие от периода однопартийного правления, сегодня читатель или зритель имеет свободу выбора, хотя нередко ему предлагают лишь самые примитивные коммерческие программы.

Процессы в странах бывшего Советского Союза наглядно показали, что во время выборов влиятельные партии по-прежнему держат государственные СМИ под строгим контролем. Очень ограничены возможности обсуждения некоторых тем, как, например, тем, связанных с государственной безопасностью, и попытки сделать это сопряжены с большим риском для журналистов. Тем не менее, в отличие от недавних вре-

мен, сегодня критика армии, милиции и секретных служб не приведет к фатальным последствиям. В большинстве стран бывшего Советского Союза, за исключением некоторых среднеазиатских государств, где установился неосталинистский режим, заинтересованный читатель или зритель может найти критические отзывы о существующей власти. Политики предоставляют свободу СМИ в зависимости от внутренней политической ситуации и силе влияния со стороны Запада.

В большинстве стран бывшего Советского Союза первоначальные планы «европизации» еще далеко не осуществились. В России (и на Украине, где во многом идут процессы схожие с теми, что идут в России) СМИ довольно быстро перешли от состояния анархии, в котором они находились после падения империи, в состояние подконтрольности Кремлю и более низким уровням власти.

В большинстве государств Центральной Азии положение дел значительно хуже. Авторитарные правители в этих странах без колебаний и очень жестко ограничивают свободу слова. Три кавказские страны оказались в состоянии экономического упадка, междоусобиц, затяжных этнических конфликтов и бессмысленных войн, что крайне отрицательно сказалось на СМИ.

«Европизация» протекает довольно успешно в тех странах Восточной и Центральной Европы, где успешно идет процесс экономических реформ и сохраняется политический консенсус в вопросах государственных приоритетов, как, например, вступление в Европейский Союз и участие в евро-атлантических альянсах по обеспечению безопасности. Однако СМИ в таких странах угрожает другой европейский вирус ? «берлусконизация». Это сочетание настойчивого государственного контроля за СМИ со стороны государства, образования частных монополий в телерадиовещательной индустрии, сильное влияние на СМИ со стороны коммерческих организаций, явное отстаивание узких интересов в печати и телевидении и множество других пороков.

В западно-балканском регионе ? бывшей Югославии и Албании ? сложилось довольно запутанное положение. Не так давно, ведущие газеты и каналы в Сербии, Хорватии и других частях этого региона разжигали пропаганду и разжигали ненависть повинуясь желаниям автократов. Теперь во всех новообразовавшихся странах правительства были избраны демократическим путем, и страны заявили о своем намерении забыть о национальных распрях и стать частью цивилизованного европейского общества, однако никто не может с уверенностью гарантировать политическую и экономическую стабильность в этом регионе, и это неизбежно отражается на деятельности СМИ.

Яркие издания западного образца соперничают с бульварными листками, а либеральные журналы ? с националистическими и попули-

стскими памфлетами. Во всех этих странах уже приняты законы о средствах телерадиовещания, однако для многих представителей политической элиты, они явно кажутся слишком демократичными.

Инвесторы компании «WAS» и другие германские и австрийские инвесторы стали владельцами большей части рынка периодических изданий, однако их «Politika» в Сербии и «Jutarnji List» в Хорватии лишь отдаленно напоминают издания западноевропейской прессы. Будущее покажет сможет ли стремительно растущее количество СМИ в посткоммунистических странах перейти в качество.

НА СТРАЖЕ ДЕМОКРАТИИ?

Иногда говорят, что СМИ – это «сторожевые псы» демократии. Так их называют, поскольку периодически журналисты проводят расследования и в результате изобличают сильных мира сего. В таких случаях они действуют на благо общества и представляют большую ценность для гражданского общества. Они способствуют созданию новых общественных институтов и формируют общественное мнение. Такими в идеале должны быть СМИ.

Однако известно, что нередко дело обстоит иначе. В этом разделе парадигма поведения СМИ сравнивается с той, что наблюдается у представителей собачьего мира.

Некоторые можно сравнить с «комнатными собаками» у сильных мира сего. Они только могут выражать восторг в адрес своих хозяев. Как правило, под это описание подходят государственные СМИ, хотя бывает, что и частный капитал играет решающую роль. В ряде стран это выставляется в качестве демократического фасада. Такое положение дел не может не вызывать сожаление, но, тем не менее, такое положение складывается слишком часто.

Нередко, также, СМИ выступают в роли «бойцовых собак», напоминая питбультерьеров. Это далеко не исключение в период выборов во многих посткоммунистических странах. Не так давно, в Сербии некоторые каналы телевидения и газеты, действуя в интересах криминальных структур, пытались монополизировать всю свою сферу. Если такие СМИ «спустить» на общество, они станут серьезной угрозой для демократии.

Библиография:

C. Edwin Baker, Media, Markets, and Democracy, Cambridge University Press, 2002.

- Patrick H. O.Neil* (ed.), *Post-Communism and the Media in Eastern Europe*, Frank Cass, London and Portland, 1997.
- Ellen Mickiewicz*, *Changing Channels, Television and the Struggle for Power in Russia*. Duke University Press, Durham and London, 1999.
- Gillian McCormack* (ed.), *Media in the CIS. A study of the political, legislative and socio-economic framework*, The European Institute for the Media, Dьsseldorf 1999.
- Gillian McCormack*, *A Model of Post-Soviet Media Control in Elections*. The European Institute for the Media, Dusseldorf, 2002.
- Dusan Reljic*, *Der Kampf um die Medien (The Struggle for the Media)*. In: *Osteuropaische Eliten im Wandel (The Transformation of Eastern European Elites)* Schoningh Verlag, Paderborn und andere, 1998.
- Dusan Reljic*, *Der Vormarsch der Megamedien und die Kommerzialisierung der Weltuffentlichkeit (The March of the Mega-Media and the Commercialization of the World Public Sphere)*, In: *Tanja Brьhl, Tobias Debiel, Brigitte Hamm, Hartwig Hummel, Jens Martens* (Hg.) *Die Privatisierung der Weltpolitik. Entstaatlichung und Kommerzialisierung im Globalisierungsprozess*. Dietz Verlag, Bonn 2001.
- Monroe E.Price & Marc Raboy* (eds.), *Public Service Broadcasting in Transition: A Documentary Reader*. The European Institute for the Media, Dьsseldorf, 2001.
- Barbara ThomaЯ, Michaela Tzankoff* (Hrsg.), *Medie und Transformation in Osteuropa (Media and Transformation in Eastern Europe)*, Westdeutscher Verlag, Wiesbaden 2001.
- Peter Bajomi-Lazar & Istvan Hegedus* (eds.), *Media and Politics*, Uj Mandatum Kiуnykiado, Budapest 2001.

Civil society, mass media and democracy in post-communist countries¹

**Dusan Reljic, Senior Researcher, German Institute for
International and Security Affairs (www.swp-berlin.org), Berlin**

INTRODUCTION

Media are often acclaimed as the «fourth power» in a democracy. They are hailed as the «watch-dogs» of democracy. Mass media are expected to play a most prominent role as part of civil society, to control the parliament, the government and the judiciary, and also to investigate whether private industrial and financial interests respect the law, to alarm if the environment is polluted, even to engage in conflict prevention and resolution.² Mass media are omnipresent in modern times, perhaps therefore people expect the mass media to be omnipotent.

Television (and other media, of course) is certainly not, as one of the former chairmen of the US Federal Communication Commission stated, «just another appliance...a toaster with pictures».³ Yet indeed, media are first of all enterprises, operating on markets, and affected by the mechanisms of the market. But at the same time, what media produce is important for the public, definitely more important than what toasters and other household appliances do. Communication channels that are established and operated by mass media are vital to society:

— Without free and balanced political communication, democratic institutions will corrupt.

¹ This is a revised and extended version of the paper „Proliferation or Pluralism? Mass Media in post-communist countries« presented by the author at the conference on „The Role of the Media in Public Scrutiny and Democratic Oversight of the Security Sector«, held in Budapest, 6-9 February 2003, organised by the Working Group on Civil Society of the Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces.

² cf. Ian Leigh, *Civil Society, Democracy and the Law, Speech at the Foundation for Democratic Centrism, Moscow, 22 May 2003, pp 12.*

³ as quoted by C.Edwin Baker. *Media, Markets, and Democracy.* Cambridge University Press, 2002, p.3.

- Without accurate business information, markets will collapse.
- Without uninhibited information about new artistic trends, culture will degenerate.

These are all truisms. It is simple to spell out what media should and should not do in democracies. Especially in post-authoritarian countries which are still building democratic institutions. However, in this paper there is little of a normative approach. It intends to offer a basic analysis of:

- the politics of media control
- and
- the media markets in post-communist countries.

The result should be an elementary overview into the complex interplay between public authorities, media owners and journalists in post-communist countries. It should offer a better understanding of the performance of mass media, as a central part of the civil society, in post-communist countries. Indeed, it is not possible to discuss civil society without discussing the role of mass media in creating a public sphere. Only informed citizens can participate in good governance, e.g. control the public authorities.

«CIVIL SOCIETY» IN TRANSITION COUNTRIES

First, the term «civil society» can be understood only in relation to a specific type of society, for instance societies typical of developed industrial economies, or societies in developing countries of Asia, Latin America or Africa, or, for that matter, civil society in post-communist countries. But: Central and Eastern Europe, and to an even greater extent the former Soviet Union, are anything but uniform when it comes to political liberties, economic development, media structures, cultural progression and the expansion of civil society organisations. Therefore, little more than a basic matrix can be applied when aggregating empirical evidence to determine the state of the media in the post-communist countries – a region spanning over twelve time zones.

The *second* problem is the very concept of civil society and even more with what civil society organisations actually do. What is civil society? Certainly an amorphous term. Something, to use a German proverb, neither fish nor meat (*Weder Fisch noch Fleisch?*). Is civil society essentially constituted by noble and unselfish groups of people concerned with the «public interest», rather than commercial gain, but with a sound distrust of the state?⁴ This sounds as if civil society is guided only by altruism versus selfishness in the other realms of society.

But who participates usually in the NGO sector? I would say the

⁴ cf. Leigh, p.3

intelligentsia and the middle levels of society. This would mean that only this social segment benefits from more participation in the democratic process, in governance, through civil society institutions both on national and international level. And that the major part of society is not included in such activities – they are out of reach for the mostly passive majority in society.

It is therefore legitimate to ask whether civil society activism is per definition always working in the public interest. Some civil society organisations are actually constituted because of particular interests – for instance the National Rifle Organisations in the USA, or Hunting societies in many countries, or xenophobic activist groups. Forms of social exclusion can be on the agenda of some civil society organisations. Some are not civil at all – they resort to forms of «direct action» occupying ecologically hazardous oil rigs or preventing whale hunters. Many are not democratic in their internal organisations but centre around a type of «personality cult» – leader who get re-elected again and again.

Thirdly, in many post-communist countries the concept of civil-society is still foremost associated with western democracy assistance because, evidently, many, if not most, non-governmental organisations would not survive without external financial assistance.

Activists in non-governmental organisations, in the «third sector» are, for instance, often ridiculed in Albanian as «*Sorosani*», meaning off-springs of George Soros, the New York philanthropist. If they are not considered outright to be foreign-paid elements, then there is certainly a wide-spread perception of the civil society in post-communist countries as a kind of Western export meant to create problems for the democratically elected government. Many people in post-communist countries suspect that the reason why the West would support NGOs, some mass media and other segments of the nascent civil society, is associated with the Western conviction that there is only an imitation of democracy in the East. Democratic elections sometimes produce undemocratic politicians, or at least politicians who are not according to the taste of some people in the West and, in fact, also in the East. In other words, western sponsored civil society organisations should help cover the democratic deficits of east European societies.

In the case of the media in post-communist countries, it is obvious that the public does not perceive the most important non-governmental media to be working in the public interest. Most mass media are regarded as political instruments of the government or particular interest groups.

Even worse, many observers believe that, in spite of much Western money being poured into democracy programmes, civil society organisations are largely irrelevant for the so-called target societies. As if the people in the aid business and the majority of Russians, or Ukrainian, or Serbs or Albanians

and other «new democrats», are simply sitting in two different trains, on two different tracks, with no intersection?⁵

Fourthly, there is dissatisfaction with the performance of mass media in established democracies. They are often not regarded as working for the public interest. Gigantic capital concentration in the media industry is going on with the creation of vertically integrated conglomerates whose foremost task is to maximise the profits of their share-holders. People widely do not believe in the veracity of information transmitted through the media. Governments often clash with mass media about sensitive issues (the ongoing debate between in the UK between the BBC and prime minister Tony Blair about the Iraq war). In some Western countries, civil society organisations, such as FAIR (Fairness & Accuracy in Reporting) in the US, monitor the media and often raise alarm about alleged or genuine bias in reporting. So objections are raised whether the Western prescriptions to new democracies concerning the role of mass media are not to a certain extent hypocritical.

So, what could be the purpose of a debate about the role of mass media in building democracy if reality, also in developed democracies, is never attaining the noble norms set by political philosophers?

In this context, there is a lot to be said in favour of the approach advanced by the late 19th century Austrian social democrat Eduard Bernstein: *movement is everything, the final goal nothing*. It is important to know where the social movement should lead to, but it is *even more* important to keep society constantly moving forward to avoid stalemates and even regression. Even if we are not at all certain that the goals will be eventually achieved.

Transition has an open end: we cannot know where the transformation from authoritarian social structures and mentality will lead to in various post-communist countries and how it will change, in this case, the mass media. But we know that there is a prevailing mood in the society *not to have* a re-creation of the old situation under a new label. No one wants *Pravda* without *Izvestija* and *Izvestija* without *Pravda* again.⁶ But it also true that most people do not want CNN or *Bild Zeitung* either. All what can be done is to determine where the transition has led to in comparison with the normative outset. The discrepancy between the reality and the norm, if there is one, offers substance for a political debate and, perhaps, political action to change the direction of the development of the media industry and the public sphere.

⁵ For this metaphor and a highly critical, and inspirational, analysis of the „democracy aid business« see Steven Sampson: What Really Happens When We Export Democracy: Experiences from the Balkans. Paper presented at the Conference on Western Aid to Eastern Europe, Helsinki, November 28, 2002.

⁶ *Pravda* means truth in Russian, and *Ivestija* news.

THE NORMATIVE STARTING POINTS OF TRANSITION IN THE MEDIA FIELD

The importance of being a business

A young journalist, who was later to become famous in a different profession, nourished a firm notion already before 1848 – the year in which the bourgeois revolutions paved the way for more civil liberties in Europe – concerning the basic condition for his trade to be really free to perform adequately its important social task. The privilege of *not being a business* was in the view of Karl Marx *the* precondition for the freedom of the press. A century and a half later, when the single-party Marxist regimes in Central and Eastern Europe and the former Soviet Union were collapsing one after the other, their opponents, the anti-communist revolutionaries, were demanding exactly the opposite: the freedom of the media to be a business. After decades of state and party dominance over every segment of public life, and especially remembering the iron grip of the security apparatus on the public sphere, it looked self-explanatory that only the elimination of state control – and especially the eradication of police oppression – over media would enable freedom of speech.

Another common demand in the post-communist countries over the past fifteen years has been that the media sector be reformed according to the «European» model, with matching legal regulations and administrative practices across the region. It was assumed that this model would counter the perils of the return of state control while simultaneously eliminating the pitfalls of US-type commercialisation of the media and above all the TV.

Sporadically one could also hear demands that civil society wield more influence over the media. Such propositions came primarily by the intelligentsia, who had been at the forefront of the struggle against the previous regime and rejected the thought of simply exchanging state domination for subservience to business interests.

Western media scholars looked at the back-ends of their book-shelves for dusty studies on the role of the media in development and modernisation – a topical issue in the de-colonisation debate in the fifties and sixties. The mantra in that discourse was quite similar, if not identical, to the normative role ascribed nowadays to media in the process of transition. Half a century ago, Western scholars expected the population in former colonies to develop an «empathy» for the Western life-style through exposure to relevant messages in the mass media and thus modernise.⁷ Nowadays, the media are

⁷ Cf. Daniel Lerner (1958, 1962), *The Passing of Traditional Society. Modernizing the Middle East*. Glencoe, Ill.:The Free Press.

expected to „transmit western democratic norms and role models to the public and thus act as a major agent of political re-socialisation«. ⁸

But even fifty years ago it was not difficult to observe that the world-wide prevalent Western media products, especially in Asia, Africa and Latin America, were cowboy serials such as *Bonanza* and other similar US-made entertainment. In modern times every accidental tourist will confirm that the most frequently foreign products shown on TV screens between Albania and Kazakhstan are, if not Latin American *telenovelas*, such smashing hits as the US eternal serial on wealth, power and matrimonial crises, *Dynasty*, or the German crime evergreen *Tatort*. The picture of the Western world and its values, as transmitted in the majority of exported TV programmes, seldom relates to reality and certainly does not intent to propagate democracy, market economy and civil society. Furthermore, the prevailing picture of the world in the media of post-communist countries is not an European one. As much as in

Western Europe, in post-communist societies there is an overwhelming presence of US-made fiction on the screens. An analysis of the world-wide news-flow confirms that reporting on US politics, economy and culture remains a foremost feature in the international exchange of information. ⁹

It emerges that exposure to Western produced media content is definitely not the channel through which societies in eastern transition countries will receive a decisive impetus to modernise.

Additionally, the intelligentsia's ambition to exert an influence on the shaping and running of the new media system has obviously been thwarted. Non-commercial media outlets such as Open TV channels, representation of the listeners and viewers in supervisory agencies of major public service broadcasters, and related forms of civil society representation in the organisation and creation of the public sphere have remained marginal in most post-communist countries.

The «European» model

The only operational criterion to measure the progress in the transition mass media seems, therefore, to be the achieved degree of introduction of the «European» model. In essence, this would denote, on the one hand, the existence of a private media sector that is acting responsibly and respecting the laws, the code of journalistic ethics and the rules set out by independent

⁸ Cf Peter Bajomi-Lazar & Istvan Hegedus, *Media and Politics*, Uj Mandatum Könyvkiado, Budapest 2001, S.

8ff

⁹ Cf. Denis H. Wu, *Systemic Determinants of International News Coverage: A Comparison of 38 Countries*, in:

Journal of Communication, Vol.50, Spring 2000, No.2, p 110-130.

broadcasting authorities and similar institutions of social control.

On the other hand, the «European» way of organising the media system also postulates the existence of public service media, mostly in the field of broadcasting. Such media is meant to provide public interest programmes that commercial media could not afford, or for other reasons would not offer, without the negative aspects of political meddling.

At this point it is necessary to call attention to the fact that some analysts tend to perceive public service media as «autonomous state media organisations».¹⁰ Also, one has to remember that the „European« model evidently exists only as a normative prescription: «Public service broadcasting is more of an ideal, more of a consummation of citizen desires and an element of a perfected democracy».¹¹ Political interfering by the public authorities and

political parties as well as the influence of economic interests, irresponsible behaviour by the tabloids and other deviations from the noble postulates are every day occurrences.

In reality, the match between the norm and the actual media performance differs from one polity to the other and depends on many interconnected variables.

After the former regimes, to use again a Marxian phrase, have all landed on history's pile of rubbish, the audiences expect from the media perhaps not as much as to enlighten them, but at least not to tell untruths again. Specially, when dealing with the security apparatus, which had sinned so much in the past. Nevertheless, critical, or even investigative reporting on the murky world of the «services» or the armed forces is still a risky business.

THE POLITICS OF MEDIA CONTROL

More freedom for the press was one of the first visible changes after the breakdown of the old regimes. Actually, in the first years after the collapse of the single-party rule, the media was in a chaotic, unstructured state as much as the rest of the society. Only in the mid-nineties and later, attempts were made to regulate the media. Media developments inherently lend themselves to more public scrutiny. Therefore, the public was generally quick to react to violations of media freedoms. The Czech Republic, which was lucky enough to experience a tranquil change of regime in 1989, astonished

¹⁰ c.f. World Development Report 2002, p.186, The World Bank, Washington, 2003.

¹¹ Monroe E.Price & Marc Raboy (eds.), Public Service Broadcasting in Transition: A Documentary Reader. The European Institute for the Media, Dϋsseldorf, 2001, p.1.

the world when on 3 January 2001, some 100,000 people took to the streets of Prague to protest against, what appeared to be, the political muzzling of the nation's public television.

Similar strife, though on a lesser scale, has erupted in Hungary, Poland, Bulgaria, Slovenia, and other more or less «settled» new democracies. In Hungary in March 2001, an expert group from the International Federation of Journalists (IFJ) accused the, then, government of Prime Minister Viktor Orban of having «weakened to the point of destruction» the national system of public broadcasting through «political manipulation and wilful neglect.»

«Regrettably, even those countries closest to accession to the European Union have not been able to fully transform public media into a genuinely professional and democratic institution,» said the IFJ.

Authorities in Central and Eastern European countries have typically moved to transform the state broadcaster into a public broadcasting service (PBS). The British Broadcasting Corporation (BBC) and its German offspring, the *Öffentlich-rechtliche Sender*, served as models for reformed radio and TV systems in most countries of that region. The BBC's celebrated autonomy was the ideal but rarely achieved goal.

In most transition countries fierce disputes have broken out over the issues of influence of TV, as the type of media with the strongest perceived political clout. Especially in times of approaching elections there were frequent clashes over the influence of TV – because it was widely assumed that voters were prone to follow the lead offered by TV stations. It was usually difficult to reach an agreement on how national broadcasting councils, editors, and

executive officers of PBSs are to be appointed and supervised. More often than not, allocation of frequencies proved a divisive issue. Politicians, journalists, and civil society activists often clashed over limits to be imposed on foreign investors and producers.

The fact that these questions in many cases remain unresolved indicates that the struggle for influence in the post-communist electronic media is far from over. It will be most interesting to watch the outcome of the debate re-allocation of broadcasting licenses and frequencies in Serbia after the law on the national broadcasting council has finally been passed. Will Slobodan Milosevic's pet TV stations such as *BK* and *TV Pink*, that are now shamelessly supportive of the democratic government, survive or even prosper under new political circumstances? It is an alarming signal that the ruling parties have stood firmly behind the leading members of the new Broadcasting Council, although several well-know media experts resigned from it pointing out that the president of this body has been elected contrary to the law. He is known for his sympathies for the present government.

The media in «unconsolidated presidential democracies» – and most

countries in the former Soviet Union can be qualified as such — have done far worse than the media industry in Central and Eastern Europe. Many incidents have proven that the current governments can deal with outspoken media professionals as brutally as the previous regimes.

The still unresolved disappearance of Ukrainian journalist Georgiy Gongadze in September 2000 in Kiev is one spectacular example because it involves the highest level of power at the state level. A headless corpse was later found, but there is still no confirmation that the body was Gongadze's. Since then, President Leonid Kuchma has been pressured to resign because of audio recordings, supposedly made by a fugitive presidential bodyguard, in which the president appears to order the abduction of Gongadze. In a bizarre twist, the Kuchma administration attempted in May 2001 to claim, in Ukraine and abroad, that there was no political aspect to Gongadze's disappearance. Criminals killed Gongadze and in turn they were killed—this is the account the authorities offered to the sceptical public. The most recent interpretation of the case blames the initial investigators of gross errors, but a credible explanation of the events surrounding Gongadze's disappearance has not been provided yet by the authorities. In the meanwhile, several other journalists lost their life under suspicious circumstances. When asked why there was not more foreign companies willing to invest in the Ukrainian media industry one veteran editor in Kiev recently replied: «You know, journalist get killed in this place».

MEDIA MARKETS IN THE POST-COMMUNIST COUNTRIES

A mind-boggling proliferation of broadcasters has occurred all over the post-communist realm. Even poor countries such as Serbia or the Former Yugoslav Republic of Macedonia count nowadays hundreds of locally owned radio and TV stations with revealing names such as *TV Pink* or *Pop TV*. As a rule, they offer programmes of poorest quality — it they do not rebroadcast without permission and paying royalties foreign satellite channels. In Hungary, Poland, the Czech Republic, Slovenia and some other new democracies there is also a well-established presence of foreign commercial television.

While authorities have paid a lot of attention to retaining some leverage over public service broadcasters, commercial broadcasters have for the most part been spared their efforts. One likely reason for this is that commercial broadcasting in Central and Eastern Europe has yet to prove that it will be as lucrative and influential as had been assumed initially. Whatever the case may be in future, up to now foreign-owned commercial TV stations were flooded with soaps, quiz games, B-movies and soft-porn with offensively long commercial breaks.

The largest television company in the region, the U.S.-owned Central European Media Enterprise Ltd. (CME), that has stations in Slovenia, Slovakia, Romania, and Ukraine and claims an audience of 110 million, announced losses in last several years that were partly connected to the ongoing legal dispute over ownership of the Czech TV station Nova, once the CME flagship. CME won finally the dispute and was awarded compensation of more than 300 million US-\$, more than the Czech state spends per year for its public health system.

It remains to be seen how the Balkan News Corporation, a company owned by Rupert Murdoch, will fare after having acquired in 2000 the broadcasting rights to the former second channel of Bulgarian state TV.

Most print media in Poland, the Czech Republic, and Hungary swiftly fell into the hands of foreign investors. There are estimates that between 60 and 80 percent of the print media market in those countries is now controlled by primarily German companies. In south-east Europe it is the German newspaper company WAZ from Essen that is the dominant regional investor – with full or part ownership of many dailies and weeklies – perhaps as many as two

dozen – in Croatia, Serbia, Montenegro, Hungary, Romania and Bulgaria (with a leading position in Austria, as well). German *Springer*, *Bertelsmann* and *Neue Passauer Presse* as well as the British *Maxwell* and *Murdoch* together with some Nordic companies constitute now the core of the print media industry in all of post-communist Europe, with the exception of Russia and Ukraine.

As a rule, foreign investors moved quickly to position their papers within the mainstream and thus avoid spectacular confrontations with the authorities. Many critics believe that this compromised the quality of investigative reporting. On the other hand foreign ownership provided a solid shield against Government intrusion in its extreme form, facilitated technological innovations and offered job security to their employees. «They don't pay much, but they pay regularly» – these are the words of a Bulgarian journalist whose weekly was taken over by *WAZ*.

A novel approach, understood as part of democracy building through the media, has emerged in some post-conflict countries of south-east Europe where capital coming from philanthropic or other Western political motivated sources was funnelled to media pursuing pro-democracy and anti-nationalistic editorial policies. The US billionaire George Soros is the founder of the Media Development Loan Fund (*MDLF*) in Prague which has sponsored through soft-loans non-government media in many post-communist countries. Such loans and non-returnable grants from the *Soros Open Society Institute*, the European Union's *Human Rights and Democratisation Initiative* and other *EU budget lines*, the US government

backed *Eurasia Foundation*, *USAID*, the *Norwegian People's Aid*, various German political foundations and other Western sources are in many cases still the most important pillar for the economic survival of pro-democracy media. In the recent past, the *MDLF* has become co-owner of some media in south-east Europe such as the *Rijecki Novi List* and *Feral Tribune* in Croatia, or the famous B92 radio and TV station, once a symbol of resistance against the previous regime.

In Russia, with some 40.000 registered media outlets, and most other former Soviet union countries, much of the print media, especially in outlying regions, still depends heavily on state subsidies — that is, if it is not owned outright by the state. There are huge privately owned media holdings as well which usually belong to some industrial *oligarch*. Some of them like Gusinski and Beresovski, who were the biggest media owners in President

Yeltzin's times have been in the meanwhile ousted from control over their assets — which were initially bought through loans from the state that were never paid back. These two *mega-oligarchs* have fled Russia in the meanwhile. Some observers abroad believe that the recent arrest of Gusinski in Athens is connected to the forthcoming elections in Russia.

The growth of *Gazeta Wyborcza*, the leading Polish broadsheet, from a dissident paper into a joint-stock company remains one of the few post-communist media business success stories in which foreign capital did not play a decisive role — although foreign political support, especially from the US, should not be underestimated.

«BERLUSCONISATION» AS THE NEXT STAGE OF MEDIA «EUROPEANISATION»?

Media transition, understood as the emphasis on private ownership and the promise to transform the former state-owned electronic media into public service broadcasters, yielded dissimilar results in different parts of the former communist world. The introduction of market mechanisms created new opportunities — and risks — for journalists and the media in post-communist societies. While private competition is certainly a most important corrective to state dominance in the public sphere, it is still not the ultimate guarantee that the noble goals of the freedom of the press will soon materialise

In any case, private ownership remains the driving force behind the proliferation of mass media in the post-communist territory. It has already produced a non-reversible change, including the former Soviet Union. Unlike in the times of one-party rule, there is choice for the reader and the viewer, although it is often reduced to an assortment of low-end commercial offers.

In the former Soviet Union, and there is empirical proof for this

statement, the state owned media are still firmly under control during elections by the parties in power.¹² Sensitive topics, such as security issues, are difficult to discuss in the media and attempts to do so still entail considerable risks for the journalists. Even so, it is not any longer lethal to criticise the army, the police and the „services« as it used to be in not so ancient times. With the exception of some neo-Stalinist polities in Central Asia, in most part of the former Soviet Union the interested reader and viewer can find information critical of the powers that be. Depending on the internal political situation and the pressure from the West, the rulers gauge how much liberty they will permit in the media channels.

The initial ambition, the «Europeanisation» of the media, still continues to be a distant goal in most parts of the former Soviet Union. With great speed Russia (and Ukraine that in many aspects demonstrates copycat similarities to Russia) has moved from an initially anarchistic media situation after the collapse of the empire towards re-asserting formal and informal control mechanisms by the Kremlin and many lower levels of the power over the media.

The situation is far worse in the majority of Central Asian countries that are firmly in the grip of neo-authoritarian leaders who do not hesitate to infringe heavily the freedom of the press. The three Trans-Caucasian countries are trapped in economic misery, civil strife, lingering ethnic conflicts and unresolved wars which all reflects heavily on the plight of the media.

«Europeanisation» has become far more factual in those countries of Central and Eastern Europe that are pursuing a successful economic transformation and retain a political consensus about national priorities such as EU accession and integration into Euro-Atlantic security mechanisms. However, they are often at the verge of a new danger – the

«Berlusconisation», a recently erupted European malaise, comprising the persistence of government control over TV, private monopolies in the broadcasting industry, strong overt and stealth collusion of business interests and media ownership, blatant partisanship in the media and other flaws.

The Western Balkans area – actually former Yugoslavia and Albania – displays a confusing mixture. Not so recently leading media outlets in Serbia, Croatia and other parts of the region were part of a huge propaganda and hate machinery closely reflecting the whims of their autocrats. Although all countries in the region have in the meanwhile elected democratically new governments and have proclaimed their willingness to cast away the nationalistic past in favour of the European future, political and economic stability is far from guaranteed. As always, media reflect this precarious state.

¹² Gillian McCormack, *A Model of Post-Soviet Media Control in Elections*. The European Institute for the Media, Dьsseldorf, 2002.

Glossy replica of Western magazines compete with smudgy tabloids, liberal news magazines try to gain ground against nationalist and populist pamphlets. Laws on public service broadcasting are adopted all over the region – but their implementation seems to over-stretch the political elite’s enthusiasm for democracy. *WAZ*, *Bertelsmann* and some other mostly German and Austrian investors have bought off huge chunks of the print media market – but their local products such as *Politika* in Serbia or *Jutarnji List* in Croatia only faintly resemble the mainstream West European press. The proliferation of mass media continues. Whether prolific quantity will transform to pluralistic quality remains to be resolved.

A CONCLUDING CANINE TYPOLOGY OF THE MEDIA

Mass media are often called *the watch-dogs* of democracy. This is when the media, through investigative reporting, uncover misdeeds by the mighty and the wealthy. In such situations they act in the interest of the public good and affirm their importance as a most valuable part of the civil society. They help build institutions in society and mobilise public opinion. This is how we would like the mass media to be.

But mass media are often found to be in other roles. Here is an attempt to develop a typology of such roles using analogous metaphors from the canine world.

Some media are definitely the *pet-dogs* of the mighty and the wealthy. They offer nothing but praise for their masters. State-owned TV and radio stations and newspapers usually fit this description. Or privately owned media that avoid any trouble. They are part of the imitation of democracy in some countries. This is how we do not want the media to be, but how they are more often than not.

Not seldom media act as *fighting dogs*, similar to pit-bull terriers. A lot of what one can see before elections in many post-communist countries resembles this. But, recently in Serbia there were examples of TV and newspapers acting in the interest of organised crime groups that were trying to throw the state into submission. It is dangerous for democracy if such mass media are unleashed on society.

Literature

C. Edwin Baker, Media, Markets, and Democracy, Cambridge University Press, 2002.

Patrick H. O. Neil (ed.), Post-Communism and the Media in Eastern Europe, Frank Cass,

- London and Portland, 1997.
- Ellen Mickiewicz*, Changing Channels, Television and the Struggle for Power in Russia. Duke University Press, Durham and London, 1999.
- Gillian McCormack* (ed.), Media in the CIS. A study of the political, legislative and socio-economic framework, The European Institute for the Media, Düsseldorf 1999.
- Gillian McCormack*, A Model of Post-Soviet Media Control in Elections. The European Institute for the Media, Dusseldorf, 2002.
- Dusan Reljic*, Der Kampf um die Medien (The Struggle for the Media). In: Osteuropäische Eliten im Wandel (*The Transformation of Eastern European Elites*) Schöningh Verlag, Paderborn und andere, 1998.
- Dusan Reljic*, Der Vormarsch der Megamedien und die Kommerzialisierung der Weltöffentlichkeit (*The March of the Mega-Media and the Commercialization of the World Public Sphere*), In: Tanja Bruhl, Tobias Debiel, Brigitte Hamm, Hartwig Hummel, Jens Martens (Hg.) Die Privatisierung der Weltpolitik. Entstaatlichung und Kommerzialisierung im Globalisierungsprozess. Dietz Verlag, Bonn 2001.
- Monroe E. Price & Marc Raboy* (eds.), Public Service Broadcasting in Transition: A Documentary Reader. The European Institute for the Media, Düsseldorf, 2001.
- Barbara ThomaЯ, Michaela Tzankoff* (Hrsg.), Media und Transformation in Osteuropa (*Media and Transformation in Eastern Europe*), Westdeutscher Verlag, Wiesbaden 2001.
- Peter Bajomi-Lazar & Istvan Hegedus* (eds.), Media and Politics, Uj Mandatum Könyvkiado, Budapest 2001.

Социальные основания гражданского общества на Западе и в России: состояние и проблемы

Л.И. Никовская, кандидат философских наук

Гражданское общество на Западе органически связано с обстоятельствами и требованиями постиндустриального развития и сопряженными с ними структурными и социокультурными сдвигами. Значимым фактором при этом является необратимая, по существу, на современном уровне социально-политического развития европейских стран победа демократии. Именно торжество демократии создало условия, благоприятствующие быстрому развитию гражданских организаций, «укоренению» их в общественно-политической жизни, возрастающему усилению их социальной значимости. Интересно, что позитивное влияние на судьбы гражданского общества оказывает как кейнсианская, так и либеральная экономическая политика, как опора на поддержку государства-протектора, так и эмансипация личности от государства. Наиболее же характерным для современного этапа эволюции гражданского общества оказывается его целостность как структурированной всеохватывающей системы гражданских институтов, проникающих во все «поры» жизни социума.

Этому этапу присущи следующие специфические моменты:

- становление и утверждение нового индивидуализма, носящего в противоположность старому не элитарный, но массовый характер, сочетающий высокое чувство личного достоинства с расширением интересов и активизацией социальных связей;
- формирование и энергичное развитие сетевых, профильных и отраслевых ассоциаций, в которых нуждается экономика эпохи глобализации;
- бурный рост современных средств массовой информации с их претензией на роль «четвертой власти» как следствие информационного прорыва и отражение тенденции продвижения к информационному обществу;
- все более полное раскрытие двойственной природы и своеобразных возможностей гражданских политических ассоциаций, а также, в условиях развернутой демократии, системы публичного управления. Благодаря этому, начинает осуществляться «конвергентный процесс

огосударствления гражданского общества и огражданствления государства», который ныне обретает совсем другой смысл, нежели подобные процессы в прошлом, поскольку он не ограничивает, но расширяет область человеческой свободы;

· бурный рост сети многообразных по значению и формам социальных и социокультурных ассоциаций, отражающий высокую степень структурированности, характерную для развитого демократического общества. Обладая возможностью выражать самые разнообразные и конкретные интересы больших и малых групп населения, они сегодня составляют наиболее разветвленный и, в совокупности, самый весомый сектор гражданской сферы, называемый третьим.

Современная модель гражданского общества типологически отличается от предшествовавших ей моделей. Гражданское общество сегодня является фундаментальным фактором совершенствования демократической государственности. Плодотворное взаимодействие государства и гражданских объединений влечет за собой и изменение соотношения социальных функций в пользу гражданского общества. Это означает, что мысль о возможном в относительно обозримой перспективе превращении государства в наемного управляющего гражданского общества (не преследующего репрессивных целей и лишённого необходимых для этого механизмов) в странах, вступающих на определенную цивилизационную ступень развития (в разряд которых, к сожалению, пока не входит Россия), перестает казаться утопической.

За эволюционными процессами меняющегося взаимодействия государства и гражданского общества выстраиваются и различные, сменяющие друг друга модели государства — от конституционно-демократического, стремящегося к ограничению суверенитета власти законом, утверждающего идею приоритета прав человека, способствующего формированию диалога между властью и обществом, структурированию гражданского общества, рационализации системы государственного управления, до появления модели правового государства. Структурированность и институциональная оформленность гражданского общества являются важными условиями построения правового государства, а правовое государство, в свою очередь, главным условием существования и развития гражданского общества.

Социальное государство стало конструктивным ответом на несовершенство «правового государства» в его классической либеральной трактовке. Провозглашение в принципе государственного приоритета индивидуальной свободы, равенства прав граждан, невмешательство государства в дела гражданского общества не смогло оградить общество от глубокого социального неравенства. Термин «социальное государство», вошедший в оборот с середины XX века, призван был под-

черкнуть способность государства осуществлять современную социальную политику – создание системы социальной защиты, социальных гарантий, социального партнерства и приоритетность этих задач. *Это отражало новые реалии взаимодействия с гражданским обществом. Государство утратило свое монопольное положение единственного инструмента социальной политики. В его недрах возникла сложная сеть общественных и политических организаций и институтов, которые сформировались в среде гражданского общества и стали по-новому выстраивать систему взаимодействия с государством. Эта система была названа межсекторным социальным партнерством — типом конструктивного взаимодействия организаций государства (первого сектора), бизнеса (второго сектора) и гражданского общества в лице НКО (третьего сектора) при решении социально-значимых проблем всего общества¹.*

Однако поиск оптимума в этом взаимодействии идет сегодня очень не просто. Социокультурные сдвиги общества постмодерна отличаются «утончением» социальной ткани, нарастанием хрупкости социальных связей, их «виртуализации». Современный мир находится под напряжением колоссального динамизма: *он постоянно творится и одновременно распадается на составные части, формируя новые комбинации социально-экономического и политического дизайна.* Но самый существенный сдвиг состоит в другом, а именно в том, что *уровень горизонтальных связей, «подгосударственных», «внегосударственных», образующих корпоративные сети в постиндустриальном индивидуализированном обществе становится важнее, чем уровень вертикальный, связанный с государством.* Социальная энергия сегодня собирается на горизонтальном уровне и там концентрируется. Локальные социальные сообщества хорошо связаны с большими планетными коммуникациями. Увеличивается своеобразная «гибридизация» мира. Это мир не прямых, открытых противостояний, а скорее мозаичная, постоянно пульсирующая сеть виртуальных зависимостей и постоянно перегруппировывающихся интересов².

В таком, принципиально изменившемся мире поддерживать позитивный баланс взаимодействия государства и гражданского общества очень не просто. *Социальный механизм осуществления государственного управления стал сложнее и противоречивее,* так как именно к горизонтальному уровню «стянулась» живая энергия развивающегося социума и именно он острее и оперативнее «схватывает» назревающие в толще реальной жизни потребности и проблемы общественного развития. В этом смысле особая роль ложится на *систему представительства социальных интересов* в рамках государственного управления, что позволяет постоянно поддерживать режим баланса во взаимоотношениях государства и общественных ассоциаций, защищая его от угро-

зы «сваливания» в деструктивное русло.

На рубеже 70-80 гг. XX столетия появились новые общественные движения и организации. (Новыми движениями западные исследователи достаточно долгое время называли некоммерческие, негосударственные ассоциации – НКО, которые стали во многом замещать старые движения, основу которых составляли профсоюзы)³ В чем их особенности?

1. *Ценности.* Новые общественные движения и организации ориентируются на проблемы экологии, территориальной общности, городской среды, условий жизни человека и выживания человечества, мира человека (его здоровье, комфорт, качество жизни и пр.). Подход к этим проблемам базируется на постиндустриальных ценностях, суть которых в установлении новых отношений человека с природой, с самим собой и социальным окружением, отличных от утилитаризма, свойственного рыночному производству. Наиболее значимыми среди постиндустриальных ценностей являются индивидуальный стиль жизни (life-style), автономия (autonomy) и идентичность (identity). Новые общественные субъекты отрицают доминирующие ценности модернизации, построенной на принципах экономического роста, товарного производства, национальной государственности.

2. Организационная структура движений представляет собой внутренний способ функционирования новой идентичности. *Структурная децентрализация, самоуправление, горизонтальная сеть коммуникаций являются организационными коррелятами ценностей-целей, которые исповедуют новые гражданские движения и организации.* Они сознательно противопоставляют себя иерархически-бюрократическим структурам институциональных организаций и старых движений. В соответствии с этими тенденциями новые организации и движения ориентируются на создание небольших неформальных групп, соединенных горизонтальными связями координации и информирования.

3. Формы коллективных действий представляют внешний способ проявления идентичности. Они носят принципиально *внеинституциональный* характер. Репертуар коллективных действий ограничен методами прямой демократии (демонстрации, митинги, марши протеста, захваты территорий и зданий, плебисциты и пр.) Формы, типичные для демократических институтов (участие в избирательной компании, альянсы с политическими партиями) или исключительно старых движений протеста (забастовки), считаются малоэффективными и (или) не соответствуют новым ценностям.

Налицо своеобразная «аполитичность», подъем политических движений и организаций, общим для которых является антипатия по отношению к существующим центрам власти и оппозиция к устоявшим-

ся «правительственным» партиям. Подъем новых социальных движений, таких, как движения за права женщин, за мир, экологию, также является частью этого феномена. Даже если они выражают свои взгляды через партийные организации (например, партия зеленых), эти движения имеют тенденцию претендовать на мандаты независимых кандидатов.

Группы, созданные «на злобу дня» — являются более мобильными и гибкими в принятии решений и привлечения новых членов и средств. Локальные группы, ассоциации, фонды и социальные движения могут быть вовлечены в процесс замещения традиционных институтов представительства интересов как «прообраз» решительной связи между правительством и обществом. Таким образом, парадоксальную задачу «организационного строительства» новых организаций и движений можно сформулировать так: *стать эффективной политической силой, не разрушая свою идентичность и автономию, не становясь формализованной, иерархически построенной организацией.*

Представительная демократия в таких условиях переживает закономерный кризис. Идет поиск новых ниш, модификаций. Новые субъекты общественной самодеятельности по-новому видят свои отношения с государством. Новые организации и движения часто строят свои отношения с институциональными политическими субъектами не в терминах компромисса и взаимных уступок, а в риторике резкой антиномии, противопоставления «мы» и «они», «теперь» и «никогда». Неспособность многих организаций и движений к договору с официальными структурами коренится в том, что они абсолютно чужды этим институтам по свои ценностям и организационным принципам. Антиинституционализм новых движений и организаций выражен в предпочтениях внепарламентских методов прямой демократии. К ним относятся:

1. легальные плебисцитные формы представительства интересов, такие, как референдумы, санкционированные митинги, демонстрации, предъявление исков официальным структурам и т.п.;

2. формы гражданского неповиновения, свободного от насильственных действий: сидячие демонстрации, бойкоты и пр.;

3. действия, сознательно включающие или провоцирующие элементы насилия и нарушения законности, например, несанкционированные митинги и демонстрации, саботаж и пр.

Репертуар акций прямой демократии используется, чтобы привлечь к выдвигаемым требованиям как можно больше внимания и сторонников.

Таким образом, новые гражданские движения и организации не имеют тех привычных форм институционализации, которые были ти-

пичны для традиционных классовых образований и групповых форм самоорганизации населения.

Новые гражданские движения и организации пока еще являются «*маргиналами власти*». Однако они бросили вызов старой политической парадигме, которая, хотя и не утратила своего влияния, однако уже встала в тупик перед последствиями модернизации. Новая политическая парадигма — это новый стиль политического мышления и поведения. Она подвергает сомнению сложившуюся в эпоху модернизации дихотомию «государство — гражданское общество». Новая политизация ориентирована на защиту гражданского общества от государственного монополизма. Политические методы, используемые движениями, хотя и не новы для общества и государства, однако новизна заключается в том, что политический репертуар движений и ассоциаций является формой выражения их ценностей — расхождения между целями и средствами в идеале здесь сводятся к минимуму. Новые общественные движения и организации не инициируют стихийные волнения и бунты и не пользуются методами электоральной политики. Они выбирают репертуар прямой демократии. И этим они способствуют изменению отношений между обществом и государством, изменению границ между личностным и общественным. Они превращают прежде закрытый для обсуждения и политических дебатов приватный мир в арену социального творчества и предмет политической борьбы. Они вырабатывают альтернативные организационные структуры, которые коренным образом отличаются от партийных политических структур, созданных как инструмент захвата власти или участия во властных отношениях.

Под воздействием этих процессов серьезные трансформации переживает и политическая инфраструктура общества. Исследователи современных западных демократий обращают внимание на кризис публичной сферы и гражданственности как *следствие разрушения прежних форм социальности*. Основными свойствами новой социальности становятся *фрагментация и универсализация, которые деформируют политические системы представительной демократии*. Некогда могучие идеологии, партии и профсоюзы, интегрировавшие большие сегменты общества, теряют свое прежнее значение, дробятся, начинают играть иные роли.

Здесь уместно привести пример смещения власти и установления новых принципов политической системы из работы Э. Тоффлера «Третья волна», описывающей возникающую «мозаичную» демократию, которая все в большей степени ориентируется на отдельного индивида. По мысли Э. Тоффлера, политическая жизнь формирующегося общества «третьей волны» строится на основе «трех ключевых прин-

ципов»:

— *принцип меньшинства*, который должен заменить принцип большинства. Вместо высокостратифицированного общества, в котором несколько крупных блоков образовывали большинство, возникает «конфигуративное общество», в котором тысячи меньшинств, существование многих из которых носит временный характер, находятся в непрерывном круговороте, образуя совершенно новые переходные формы.

— *принцип «полупрямой» демократии*. Постепенно происходит отказ от принципов представительной демократии. Фактически парламентарии исходят из собственных взглядов, в лучшем случае выслушивая экспертов. Повышение образовательного уровня и современная техника дают возможность гражданам самостоятельно вырабатывать многие политические решения, что позволяет мнению за пределами законодательных органов иметь юридическую силу.

— *принцип «разделения ответственности в принятии решений»*, который помогает устранять перегрузки, блокирующие деятельность институтов власти. До сих пор слишком много решений принималось на национальном уровне и слишком мало — на местном и международном⁴.

По мнению Р. Дарендорфа, «пока не изобретены институты, соответствующие этой новой реальности. Раньше не только партии, но и парламенты строились вокруг идеи классовой борьбы, с «правыми» и «левыми» на своих надлежащих местах. Теперь же социально-экономическое и идейно-классовое представительство вытесняется, постепенно трансформируется в персональное, региональное или политическое»⁵.

А что в России? Какие социальные процессы характерны для ее трансформации? Радикальные рыночные реформы дали толчок и запустили в обществе мощные системные процессы. На экономические нововведения реформаторов отозвалось все общество, давая обратную реакцию в виде определенного *социального результата*. Его можно выразить через характеристику нескольких системных процессов. Во-первых, значительно деформировалась социальная стратификация. Неравенство по доходу в России выше, чем в переходных посткоммунистических государствах Европы. Пропасть между бедными и богатыми стремительно увеличивается, демонстрируя растущую поляризацию населения по уровню доходов. Децильный коэффициент, показывающий соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного населения к такой же доле наименее обеспеченного, составляет сегодня соотношение 1 : 17 (а с учетом «теневых» доходов 1 : 50). Коэффициент Джини, который в значении от 0 до 1 измеряет неравенство в распределе-

нии доходов (т.е. при значении, равном 0, распределение доходов совершенно равномерно; чем выше показания, тем выше неравенство доходов) вырос с 0,256 в 1991 г. до 0,385 в 1997 г. (Данные Госкомстата). А с учетом кризиса 17 августа 1998 г. можно лишь говорить об его увеличении. Углубляется неравенство между регионами. «Различия в доходах на душу населения в 1999 г. по различным регионам достигают 1:10 (если в Москве доход составляет 392% по отношению к среднероссийскому, в Тюменской области — 224%, то в Дагестане 38%). Велика разница в доходах между Москвой (Центром) и регионами: на Центральный регион (включая Москву), где проживает 20% населения, приходится более 29% всех доходов страны, тогда как на Северный Кавказ, где проживает 12% населения, приходится лишь 6% доходов⁶.

Наблюдается рост и углубление неравенства в величине оплаты труда по отраслям экономики, достигая значений 1:6. Среднемесячная заработная плата на одного работника в 1999г. составляла: в топливной промышленности — 293% по отношению к средней зарплате, в электроэнергетике — 168%, в науке — 120%, в легкой промышленности — 47%, в сельском хозяйстве — 46%⁷.

Таким образом, тенденция «богатые становятся богаче», а «бедные — беднее» набирает обороты.

Во-вторых, масштабы бедности в России продолжают увеличиваться. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума составила в сентябре 1998 г. 44,3 млн. человек, тогда, как в сентябре 1997 г. 31,6 млн. человек. На январь 2003 г. А. Починков привел цифру в 37 миллионов. Российский экономист-демограф Н.М. Римашевская отмечала, что уже в 1992 г. граница бедности, определяемая прожиточным минимумом, рассчитанным по методике Минтруда, понизилась в 2 раза относительно 1991 г. Бюджет прожиточного минимума был построен на базе модели потребления, в котором 68% приходится на стоимость продуктовой корзины. Однако он оставался неизменным в смысле своей структуры в течение более чем 5 лет, вплоть до весны 1998 г., если не считать индексацию в соответствии с ростом цен.

Н. Римашевская точно заметила, что прожиточный минимум является не границей бедности, а границей нищеты. Лидеры профсоюзов предпочитают использовать понятие «социального минимума» при обсуждении проблем доходов и бедности с правительством и предпринимателями. Это более широкое по определению понятие, чем прожиточный минимум, ведь кроме питания еще есть расходы на транспорт, коммунальные услуги и жилье, медицинские услуги и пр. Было подсчитано, что для оплаты всех необходимых товаров и услуг доход ря-

довой российской семьи должен быть, по крайней мере, в 2 раза выше, чем ее располагаемый доход в настоящее время. Поэтому, по мнению профсоюзов, социальная политика государства должна быть ориентирована не на прожиточный минимум как показатель, обеспечивающий физическое выживание, а на социальный минимум, принимаемый как базу для расчетов. В настоящее время около 3/4 населения России имеет доход ниже уровня «социального минимума». Думается, комментарии здесь излишни.

В-третьих, становление современной социальной структуры России идет сложно — не столько путем замещения старых структурных элементов новыми, а скорее путем наложения одной структуры на другую, их взаимодействия и противостояния. Так, по мнению многих исследователей (Рывкина Р.В., Косалс Л.Я., Силласте Г.Г.) становление т.н. «среднего класса», главной опоры рыночных реформ и основного стабилизатора общества, в современных условиях просто заблокировано. Поначалу думалось, что на «входе» в рынок развитие малого и среднего бизнеса примет огромные масштабы и средний класс станет основой новой социальной структуры. Должен был возникнуть многочисленный слой высокообеспеченных, достаточно состоятельных людей, независимых от государства, самостоятельно обеспечивающих свой собственный бизнес и продающих на рынке свою высокую квалификацию (врачи, адвокаты и пр.). Однако этого не произошло. Причина в том, что этот слой как бы «сдавлен» с трех сторон: с одной стороны — государством, с другой — криминальными группировками, с третьей — крупным капиталом. И если ситуация не изменится, трудно ожидать его значительного развития, тем более превращения в цементирующую силу российского общества.

Одновременно бурно идет процесс маргинализации. Деградируют целые слои и группы (представители армии, культуры, науки, образования, медицины и пр.). Возникла категория «новых бедных», в которую попали люди, которые по своему образованию, квалификации, социальному положению никогда прежде не относились к малообеспеченным слоям общества. Своим новым статусом они обязаны мизерной зарплате в бюджетной сфере, потере работы и останков производства, хронической задержке с выплатой зарплат. Для «новых бедных» резкое изменение их социально — экономического положения стало настоящим психологическим шоком и социальной драмой.

Четвертая особенность новой социальной стратификации постсоветского российского общества состоит в том, что она в немалой мере является «теневой». Ее теневой характер связан с тем, что, во-первых, многие социальные группы (прежде всего, высшая элита) связаны с преступным миром. Эта связь, естественно, скрывается, что придает

всей новой стратификации «теневой» характер. «Теневыми» являются, например, взаимоотношения работников спецслужб, дипломатического корпуса, военных и других групп с определенными криминальными структурами. Аналогичные взаимоотношения характерны для бизнесменов. Бесспорно, что большой объем «теневой экономики» в России определяет и значительную долю «теневых субъектов» в ней.

Каков же общий рисунок складывающейся социальной структуры современной России? *Будет ли в нем доминировать социально — классовая вертикальная иерархичность, основанная на социально — экономических критериях дифференциации, или же он будет многомерным, плюралистичным?* Пока, думается, нынешняя российская социальная структура изменяется в направлении явно выраженной классовой модели, напоминающей структуру западных обществ в начале XX столетия и современных развивающихся стран. В таком случае Россия на пороге XXI века может снова стать классово расколотым обществом со всеми атрибутами и следствиями социальной поляризации.

Таким образом, Россия сейчас переживает стремительную социальную поляризацию, ведущую к выцветанию классического классового конфликта в Марксовом варианте. Примитивная дифференциация населения, при которой большинство принадлежит к низшему нищему слою, препятствует процессам формирования групповых интересов и консолидации их в различные политические институты и общности для реализации этих интересов. Для успешного развития процессов гражданской самоорганизации в обществе должен существовать довольно широкий и стабильный средний класс. Однако, как мы видим, российский вариант либеральной модернизации способствует зарождению и укреплению бюрократического капитала как основной формы коммерциализации отечественной экономики.

Именно в условиях преобладания этого типа собственности с элементами традиционности происходит становление и развитие институтов местного самоуправления. Массового слоя собственников на сегодняшний день в России, особенно в сельской местности, нет.

Чем в целом характеризуются отношения собственности при олигархически-бюрократическом капитализме, который сложился сегодня в России: — латентностью, корпоративностью, высокой степенью концентрации и централизации; — неразвитой спецификацией правомочий собственности; — неопределенностью границ между государственной и муниципальной собственностью; — эмбриональным состоянием института индивидуальной и групповой частной собственности, в особенности на землю и другие природные ресурсы; — незакрепленностью за субъектами собственности, в частности и за муниципалитетами, прав полных и исключительных собственников. Все это

позволяет квалифицировать тип собственнических отношений как бюрократически-номенклатурный. Данный тип отношений существенным образом деформирует декларируемые принципы организации и функционирования органов местного самоуправления. Например, принцип независимости структур муниципального управления от органов государственного управления на местах. Воздействие бюрократических отношений собственности способствует превращению в отдельных местах в формальность или ритуал выборов глав администраций и депутатов городских и районных собраний, приводит порой к сосредоточению всей власти на местах в руках глав администраций и пр. Следствием господства собственнических отношений названного типа являются экономико-финансовая зависимость органов местного самоуправления от государственных органов власти, невысокая налоговоспособность населения как социальной базы самоуправленческой власти на местах.

Конечный результат — высокая степень общей зависимости местного самоуправления от государственного управления и низкая эффективность деятельности местных самоуправленческих структур. А ведь еще Алексис де Токвиль заметил: *«Коммунальные институты делают для свободы то, что начальная школа для науки; они делают ее доступной для народа, позволяют вкушать ее плоды и привыкать ею пользоваться. Нация может ввести у себя свободное правление и без коммунальных институтов, но у нее не будет духа свободы».*

Далее, общественная среда и социальные отношения и связи остаются во многом прежними, меняются крайне медленно и часто воспроизводят старые социальные практики, что делает новые институты и типы поведения неэффективными. К такого рода старым социальным практикам относится система взаимоотношений «патрон-клиент». Она является препятствием на пути создания рыночных отношений и даже может породить оппозицию попыткам государства отказаться от своей роли всеобщего поставщика благ и услуг. Противодействие таким попыткам может идти и снизу, и сверху. С одной стороны, система взаимоотношений «Патрон-Клиент» мешает появлению «снизу» профсоюзного движения и препятствует формированию корпуса должностных лиц, способных отделить общественные интересы от личных. С другой — создатели нового государства, поддерживая рыночные отношения, создавая и используя сеть преданных себе граждан, продолжают выступать в качестве «патронов». Дело даже не в обилии чиновников, оставшихся от правления коммунистической партии, но в том, что и после краха старого режима порожденная им социальная практика продолжает выращивать «патронов», элитные структуры и «простых граждан». Последние в таком случае не видят ника-

кого реального смысла ни в организации, ни в политической активности.

При этом интересы «верхов», элит осознаны и представлены в гораздо большей степени, чем интересы основной массы населения. Кроме того, интересы «низов» имеют тенденцию восприниматься в патерналистском духе — как продолжение интересов тех или иных элитных групп. *Вертикальная организация общества все еще преобладает над горизонтальной — вне иерархических связей оно по-прежнему аморфно. Соревновательность разнонаправленных групповых интересов работает пока еще слабо, нарастание вертикального неравенства приводит к «растворению» групповых интересов в элитистских моделях конфликта, либо — в классовых, причем в форме дихотомии «господство-подчинение», описанной Р. Дарендорфом.* Правящий класс в целом сохранил свои позиции, устранив лишь верхний эшелон старой политической системы. Незавершенная демократизация породила некий гибрид, соединивший черты демократии и авторитаризма, называемый политологами «делегативной демократией» (Г.О'Доннелл), «плебисцитарной демократией» (Ю. А. Красин, А.А. Галкин, Э. Ожиганов). В странах с серьезными социальными и экономическими проблемами, с тяжелым наследием авторитарных режимов такой тип политического режима предстает источником нестабильности. Межэлитные сделки, основанные на личных связях и неформальном торге, подрывают власть закона, ослабляют функции политических институтов (например, парламента, политических партий). *Сложная система элит подменяет собой гражданское общество, а политический режим — с его полуперсонифицированной, иолунституционализированной системой осуществления власти — зачастую подменяет собой государство.*

Это отразилось на качестве структурных элементов гражданского общества в России: политические партии часто являются социально-политической проекцией известных политических лидеров или парламентских группировок, а в последнее время политическими «пиаровскими» проектами государственно-политической Администрации на сохранение либо видоизменение дизайна политического режима. Партийное строительство не стало средством кристаллизации политических интересов⁸, представлений, ценностей самого общества; не служит легитимным средством идейно-политического размежевания или консолидации в толще общества⁹. Многопартийности в России еще только предстоит пройти через поэтапную трансформацию корпоративных, клановых структур в полноценные партии, обладающие собственной социальной базой. Осуществляться же эта трансформация станет через взаимопроникновение партийной политики и интересов формирующихся социальных общностей.

Сложным остается положение такого традиционного элемента гражданского общества, как профсоюзы. Отличаясь способностью к массовой мобилизации наемных работников в условиях растущей социальной поляризации и конфронтации труда и капитала, профсоюзы жестче столкнулись с проблемами поддержания динамического равновесия: как только они устанавливали лояльные отношения с государством и работодателями, получали доступ к ресурсам на национальном и международном уровнях, расширяя возможности влияния на государство и работодателей, так ни тут же отрывались от своих «корней» в среде наемного труда и утрачивали функцию репрезентации и самоорганизации наемных работников, которые тут же начинали создавать альтернативные структуры. Такую судьбу прошли ФНПР, крупные альтернативные профсоюзы 90-х гг.¹⁰; как — то еще держатся малочисленные профсоюзы, права которых значительно ограничены новым КЗОТом. Таким образом, локальный уровень действий профсоюзов позволяет сохранить их альтернативность, «приницаемость» в низовой среде, независимость, оставаться формой самоорганизации наемных работников и частью гражданского общества, но при этом доступ к ресурсам и возможности участия в политическом процессе существенно ограничены.

Те же процессы наблюдаются среди некоммерческих негосударственных организаций, которые негласно маркируют тех, кто «приручен» и встроены в систему «приводных ремней» государства, и тех, кто остается истинным проводником самодеятельности.

Почему политический режим стремится расколоть гражданское общество и подменить его акторов? Да потому что понимает, что между гражданским обществом и государством имманентно присутствует конфликт, который является необходимым условием для обеспечения реальной возможности граждан и их объединений контролировать действия правящей элиты и влиять посредством своей гражданской экспертизы на функционирование государственной вертикали власти. «Прирученные» псевдоинициативы бесконфликтны, искусственно сконструированы и легко управляемы, полностью вписываются в концепцию «управляемой демократии». Но нам сегодня нужна подлинная демократия, с элементами социальной динамики (любопытен термин «стагнирующая демократия», он мог появиться только в нынешний период), а значит нам нужны не «приводные ремни», а истинные структуры гражданского общества, несущие ту конфликтность, которая лежит в основе развития и может быть представлена как социально-конструктивная сила, которая блокирует стремление государства (а точнее, сил, которые монополизируют его) подменить общенациональные интересы узкоэгоистическими, корпоративно-чиновничьими.

Между тем основные задачи, сформулированные сегодня российской властвующей элитой, действительно сложны и неоднородны. С одной стороны, поставлена задача строительства национального государства, создания нормально функционирующей экономики и вхождения России в глобальный мир на приемлемых для нее условиях. Все эти задачи, за исключением последней, характерны для эпохи политического модерна, то есть давно уже решены на Западе и на Востоке (как и в известной мере, в бывшем СССР). С другой стороны, России не просто приходится браться за них вторично, но и решать их в постмодернистский период, вступая в него вслед за Западом. *Наложение двух политических эпох не только вызывает политическое, социокультурное и психологическое напряжение там, где они взаимопроникают и пересекаются, но и чрезвычайно затрудняют понимание современной российской политики*¹¹.

Очевидно также противоречие между методами и технологиями, принадлежащими этим разным эпохам. Иерархизация и унификация политико-административного пространства как атрибут минувших эпох дополняются новыми, современными технологиями, включая, так называемую, «виртуальную политику». Но возможности использования технологий модерна, а также административного стиля управления в иную, постмодернистскую эпоху исторически ограничены, вследствие чего можно прогнозировать возникновение конфликтных полей, связанных с наложением исторических эпох.

Субъектом, особенно актуализирующим это противоречие «исторических эпох», являющаяся организации, так называемого, «третьего сектора». Именно с появлением «третьего сектора» произошла существенная структурная перестройка элементов гражданского общества в нарождающейся эпохе постиндустриального общества: более гибким и оперативным звеном его функционирования становятся, так называемые, некоммерческие, негосударственные организации (НКО) — общественные ассоциации и гражданские инициативы, которые по-новому «простраивают» социальный механизм осуществления государственного управления и ставят под вопрос традиционные институты партийно-политического представительства. В 90-е гг. неправительственный сектор сделал рывок в сторону повышения участия граждан в принятии политических решений (экологическая политика, политика в отношении женщин и семьи, безопасность граждан, проблемы меньшинств и пр.), оказывая реальное влияние на формирование общественного мнения. Вместе с тем их главной задачей остается по-прежнему решение насущных социальных проблем. «Третий сектор» зачастую работал как масштабная «служба спасения», оказываясь в нужном месте и в нужное время. Глобализация открыла перед секто-

ром неправительственных организаций новые перспективы и поставила новые проблемы. На мировой арене НКО гораздо раньше Правительств и финансово-промышленных групп объединились в международные сети, причем в целях более благородных и гуманных, нежели получение сверхприбылей и установление финансово-политического контроля за странами третьего мира.

Так, немецкие социологи дали обстоятельный и взвешенный анализ места и роли неправительственных структур ФРГ в современной политической системе страны¹². Пытаясь понять впечатляющие результаты электоральных успехов негосударственных, неправительственных движений, исследователи пришли к выводу, что достаточно значительная часть немцев начинает видеть в неправительственных организациях не только и не столько альтернативу партиям, но и тот фактор, *который формирует магистральное направление эволюции всей политической системы современной Германии*. Стабильность данной системы уже немислима без «третьего сектора» — сферы общественных объединений. Многочисленные НКО фактически стали выполнять функцию организатора диалога в социуме, являясь своеобразным «низовым» инструментом и индикатором взаимодействия государства и общества. Социальная полезность данного института была очевидной. С одной стороны, *он предоставлял гражданам возможность непосредственно участвовать в принятии политических решений, а с другой — обеспечивал «обратную связь» государства с населением, что, в конечном итоге, вело к социальной оптимизации властных решений и снижению напряженности в обществе*.

Инициативы и проекты НКО, по признанию политиков и государственных деятелей ФРГ, представляют собой элементы «социального капитала», без которого немислимо дальнейшее развитие гражданского общества и правового государства. Выступая мощным *интегрирующим фактором* в современной Германии, НКО, как оказалось, все больше начинают играть роль серьезного социализирующего института — статистические данные о численности общественных структур ФРГ позволяют сделать вывод: через НКО «проходила» наиболее инициативная часть граждан, которая оказывала прямое и косвенное влияние на процесс принятия важных политико-государственных решений.

Стремление многообразных ячеек гражданского общества к солидарности обеспечивало баланс сил, гармоничное сочетание интересов всех слоев населения и меньшинств. И деятельность НКО, выражавшая чаяния и требования граждан, конечно, же не могла остаться незамеченной. Назревшую потребность юридически закрепить статус общественных инициатив на федеральном уровне озвучили во второй половине 90-х гг. фракции СДПГ и «Союз 90/»Зеленые» (до победы на

парламентских выборах в сентябре 1998 г.), внеся в Бундестаг предложение об изменении Основного закона ФРГ. Безусловно, этот проект не ставил под сомнение принцип представительной демократии, но расширял возможности для участия граждан в управлении государством — посредством общественных организаций, общественных опросов.

Многочисленные материалы, опубликованные в российских СМИ в период подготовки и проведения Гражданского Форума в ноябре 2001 г. в Москве, выявили довольно неожиданный для многих факт присутствия на российской общественно-политической арене около 300 тыс. НКО самого различного направления, причем присутствия во многих случаях весьма активного.

Как видно, среди негосударственных и немунципальных НКО (рис.1) подавляющее большинство — это общественные и религиозные объединения (около 50%). Вместе с потребительскими кооперативами (21%), садоводческими, огородными и дачными товариществами (7%) и фондами (7%) они составляют «львиную» долю (85%) от 329 тысяч НКО¹³.

Таким образом, за прошедшее десятилетие в стране стал формироваться независимый негосударственный, некоммерческий сектор (часто называемый — «третьим»), базирующийся на гражданских инициативах в (преимущественно) непроизводственной сфере (образование, наука, здравоохранение, социальная защита, экология и пр.), главная миссия которого заключается в лоббировании общественных интересов, предоставлении социальных услуг целевым группам, общественной экспертизе и т.д. Сегодня этот «новый» сектор гражданского общества включает 3,5 миллиона активистов, объединенных в более трех миллионов организаций, услугами НКО при решении различного рода социальных проблем (социальное сиротство, борьба с наркоманией и туберкулезом, экологические проблемы и пр.) ежегодно пользуются 15% населения страны. НКО стали фактором и экономического роста — в их рамках создано более миллиона рабочих мест.

Что касается государства, то с момента подготовки к Гражданскому Форуму (лето 2001 г.) власти всех уровней стали все решительнее декларировать заинтересованность в диалоге с НКО, а также в создании различного рода структур, призванных сделать диалог органичной частью системы взаимодействия общества и государства. На региональном уровне эта тенденция выражена более ярко и сформировалась значительно быстрее, чем на федеральном: в регионах некоммерческий сектор воспринимается госслужащими и представителями органов МСУ в качестве реально существующей силы (от 80% до 100% опрошенных); у представителей власти налицо стремление научиться ци-

визированно работать с НКО (от 50% до 100%)¹⁴. Что особенно радует, в 2002 – 2003 годах на региональном уровне стали проводиться свои – региональные Гражданские Форумы: так в этом году они уже состоялись в Саратове, Екатеринбурге, Иркутске, Краснодаре и ряде других городов. Второй общероссийский Форум состоится в октябре в Нижнем Новгороде. Исходя из этих фактов, и изучив уже накопленный зарубежный опыт, группа российских ученых – Якимец В.Н., Перегудов С.П., Либоракина М.И., Флямер М. Г. пришли к определению содержательного концепта *межсекторного социального партнерства, суть которого состоит в конструктивном взаимодействии организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор) при решении социальных проблем, выгодном населению территории и каждой из сторон, обеспечивающем синергетический эффект от сложения разных ресурсов*¹⁵. Представители каждого сектора имеют разные возможности и ресурсы для участия в решении проблем социальной сферы, у них разные представления о самой природе социальных проблем. Но, несмотря на все различия, сотрудничество секторов необходимо: ни государство, ни бизнес, ни граждане не могут «в одиночку» преодолеть груз накопившихся социальных проблем и разрешить конфликты. Только опираясь на социальное партнерство в области общественных отношений, государство в новых условиях демократического транзита сможет обеспечить в полном объеме конституционно закрепленные функции социального государства.

Сегодня некоммерческий, неправительственный сектор можно рассматривать как самую гибкую и оперативную силу гражданского общества, объединяющую *социально-инновационные слои различных социальных групп общества*, которые не очень то и хотят «лезть» в политику и настроены весьма прагматически. ***Именно это существенно обострило наличие противоречия между политической и неполитической составляющей российского гражданского общества.*** Широкое распространение стал получать тезис о якобы «неполитическом» характере гражданского общества, о наличии в нем лишь «горизонтальных» связей и отношений. Многие НКО принципиально не вступают во взаимодействие с политическими партиями и структурами, более того – боятся этого, держат политический нейтралитет, считая политический момент разрушающим началом в своей деятельности. В этой позиции российских НКО зафиксировано демонстративно негативное отношение к концепту «управляемой демократии», к коррумпированной политике. Своей «низовой», гражданской активностью они хотят подчеркнуть формирование подлинно демократических условий функционирования политической системы с развитым сегментом публичной сферы и политики, равноправностью субъектов взаимодействия и сетевой

основой коммуникации. Таким образом, противоречие двух «исторических эпох» субъективируется в напряженном взаимодействии двух сегментов гражданского общества — традиционным, представленным партиями и профсоюзами, уходящими своими корнями в эпоху модерна, и новым, представленным многочисленными гражданскими ассоциациями и объединениями, обязанными своим рождением крупным социальным сдвигам в постиндустриальном обществе глобализирующегося мира.

Но парадокс ситуации состоит в том, что этот новый сегмент гражданского общества, проявляя интенции постмодернистского измерения политики, тем не менее «встроен» в социальные основания транзитного российского социума: в настоящее время неправительственный сектор представляет собой механическое множество, а не сообщество, структурированное единой целью и системой отношений. *Это множество скорее не консолидировано, а стратифицировано в соответствии с неоднозначной логикой формирования социальной структуры России — наложением нового материала на старые стратификационные образования.* Для подтверждения своей мысли приведу идентификационную классификацию НКО России, разработанную моим коллегой-исследователем, д.с.н. Якимцом В.Н.:

Во-первых, в стране существуют «элитарные» НКО (этакий некоммерческий аналог олигархического российского капитала), которые подразделяются на шесть типов.

1. Бизнес-ассоциации, представляющие интересы крупного капитала — это лоббистские структуры, созданные на средства крупного российского бизнеса, существующие за счет денежных поступлений от него, полностью покрывающих все расходы по эксплуатации зданий, сооружений, оборудования, телекоммуникационные затраты, оплату персонала и расходы на организацию и проведение форумов и осуществление лоббистских мероприятий во властных структурах; *сотрудники таких бизнес-ассоциаций идентифицируют себя с бизнес-сектором.*

2. «VIP-аэродромы» — это некоммерческие по организационно-правовой форме структуры (со статусом государственного, муниципального или некоммерческого образования), созданные по инициативе очень важных персон (VIP) — крупных номенклатурных чиновников, депутатов или политиков, «спланировавших» с достаточно высокого уровня из органов исполнительной или представительной власти на заранее заготовленные позиции (в виде выделенного здания (помещения), стартового фонда, оборудования, оговоренных с властями условий существования); чаще всего они образуются в *форме различных центров, фондов, институтов* со звучно-глобальными именами; поддержка их деятельности достаточно долгое время происходит посредством «телефонного права»; *большинство сотрудников таких НКО ско-*

рее идентифицируют себя как политические референты или политтехнологи.

3. Российские филиалы различных зарубежных фондов, благотворительных организаций, действующие в нашей стране в соответствии с отечественным законодательством, но в рамках стратегии и принципов работы головных организаций; как правило, имеют хорошо оборудованные офисы, финансовая поддержка устойчиво поступает из центральных штаб-квартир; *часто сотрудники этих организаций видят себя в роли миссионеров по строительству гражданского общества и демократии в России.*

4. Фонды-пристанища для родственников бизнесменов — это некоммерческие организации (часто в форме фондов), руководящий персонал которых почти целиком состоит из близких или родственников владельцев крупных компаний; *они идентифицируют себя с предпринимателями.*

5. Представительства международных организаций в России — это имеющие высокий статус некоммерческие структуры, как правило, размещенные в особняках или добротных зданиях, расположенные в центре Москвы или Санкт-Петербурга (где сосредоточено их подавляющее большинство), обладающие современным оборудованием; их поддержка осуществляется за счет бюджетных средств и поступлений от штаб-квартир. *Сотрудники таких организаций, являясь международными чиновниками, идентифицируют себя скорее с дипломатами (многие и являются таковыми).*

6. Смешанный государственно-некоммерческий тип — это созданные руководством государственной или муниципальной организации и существующие на ее базе (помещение, оборудование, обслуживающий персонал и др.), как правило, в форме благотворительных фондов, автономных некоммерческих организаций или некоммерческих учреждений, структуры, штатный персонал которых практически состоит из персонала госорганизации, во главе которых стоят одни и те же руководители, но имеются различные банковские счета и несовпадающие системы учета и отчетности. На счет такой некоммерческой организации поступают средства от зарубежных фондов в виде грантов, полученное при этом оборудование поступает на баланс госорганизации и становится ее собственностью в ходе выполнения проекта и по его завершению; *сотрудники таких организаций в зависимости от ситуации идентифицируют себя как «государственники» или как НКО-шники.*

Все шесть названных типов «элитарных» НКО отличаются от остальных НКО в первую очередь тем, что уровень годовых доходов (зарплаты и иные поступления) их постоянных сотрудников существенно выше доходов бюджетников, представителей малого и среднего бизне-

са и превышает доходы чиновников высокого уровня. Подавляющее большинство руководящего персонала не имеет специального образования в области менеджмента НКО. Считается, что их социальное происхождение (или статус) и/или опыт прежней работы (так и хочется сказать номенклатурной или партийной) достаточны для того, чтобы стоять у руля этих «элитарных» НКО.

Во-вторых, в рамках НКО-множества России существует группа **организаций-посредников** — это **различного рода зонтичные и квази-зонтичные некоммерческие структуры**. Выделяется три основных их типа:

1. Ассоциации (союзы) организаций.

Этот тип зонтичных структур в случае бизнес-ассоциаций¹⁶ подразделяется на отраслевые, межотраслевые и «головные», претендующие на представительство совокупных интересов сообщества предпринимателей, а также — по типу формирования — на три группы: (1) объединения, возникшие в старых отраслевых секторах; (2) ассоциации, образованные в новых сферах экономической деятельности и (3) ассоциации, созданные по инициативе существующих министерств. Следует отметить, что часть таких ассоциаций действуют как зонтичные структуры, существуя на членские взносы, другие — как клубные организации, третьи — как квази-зонтичные структуры, когда одна или несколько коммерческих фирм выступает в роли «паровоза» по оказанию поддержки ассоциации. *Сотрудники таких ассоциаций и союзов идентифицируют себя как представителей своей целевой группой, то есть предпринимателей, и лишь при некоторых обстоятельствах — как членов НКО-множества. Зонтичные структуры, элементами которых являются НКО или общественные объединения, идентифицируют себя как лоббистов некоммерческого сектора.*

2. Ресурсные центры НКО или центры поддержки НКО в регионах или субъектах РФ, которые как юридические лица регистрируются, как правило, в одной из порядка 30 организационно-правовых форм НКО или общественных объединений. В отличие от первого типа ассоциаций, поддерживаемых в основном за счет отечественных источников финансирования, ресурсные центры и центры поддержки НКО в подавляющем большинстве финансируются за счет грантов, получаемых от зарубежных фондов. Редкое исключение составляют такие центры, которые зарегистрированы местными властями как муниципальные учреждения (пример — центр общественных инициатив в Челябинске) и частично финансируются ими. Как правило, ресурсные центры — это квази-зонтичные структуры, которые чаще всего по своему выбору определяют те НКО, с которыми будут работать, реализуя тот или иной проект, поддержанный зарубежным фондом. *Сотрудники ресурсных центров и центров поддержки НКО идентифицируют себя как пред-*

ставители НКО-множества, но почти всегда резервируют за собой роль учителя и наставника низовых НКО. Во многом это связано с тем, что значительная часть усилий и деятельности таких структур состоит в подготовке и проведении разного рода семинаров, конференций, тренингов, а также в администрировании грантовых конкурсов среди НКО, проводимых в основном на средства, предоставленные ими зарубежными фондами. Нередко эти организации видят себя в роли посредников между любой донорской организацией и низовыми НКО.

3. Сетевые структуры, «объединяющие» профильные организации низового уровня и различные зонтичные и квази-зонтичные ассоциации НКО — это сравнительно новые образования, возникшие, как правило, из-за осознания низовыми НКО потребности в координировании усилий по отстаиванию интересов своих целевых групп (профиля) и некоммерческого сектора в целом в глазах общественности, исполнительной и законодательной власти, а также в подготовке и проведении актуальных для данного профиля мероприятий (информационных, законотворческих, обучающих, акций и др.). В основном сетевые структуры можно отнести к категории квази-зонтичных ассоциаций. *Представители таких сетевых структур целиком идентифицируют себя с некоммерческим сектором.*

В-третьих, самое большое подмножество НКО-множества — это **профильные (отраслевые) организации низового уровня**, действующие в своем регионе или населенном пункте в интересах своей целевой группы населения. На сегодняшний день невозможно претендовать на всеобъемлющую типологию таких организаций. Приведем (без детального описания) наиболее часто встречающийся перечень профильных (отраслевых) НКО:

правозащитные; экологические; социальной сферы (в том числе, работающие с пожилыми, безработными, инвалидами, многодетными семьями, беженцами и др.); женские; детские и молодежные; национальные объединения; образовательные; религиозные; спортивные;

клубные; потребительские кооперативы; садоводческие и дачные товарищества и т.п.

Как видно из этого перечня, уже из самого названия становится понятным профиль деятельности НКО и ее целевая группа (часть населения, которая относится к данному профилю). Очевидно, что категории населения (целевые группы), с которыми работают названные НКО, могут пересекаться. Например, экологические организации защищают экологические права мужчин и женщин, образовательные организации могут работать в рамках стандартной системы обучения с акцентом на обучение социальных работников разной квалификации, на воспитание подростков и др. *Для нас важно то, что сотрудо-*

ники и добровольцы таких низовых профильных НКО в большинстве случаев идентифицируют себя как представителей некоммерческого сектора.

Резюмируя, отметим следующее:

- представители практически всех 6 типов «элитарных» НКО предпочитают идентифицировать себя с породившими их или финансирующими их деятельностью коммерческими структурами или международными организациями;
- сотрудники многих бизнес-ассоциаций зонтичного или квази-зонтичного типа также скорее идентифицируют себя с профильными бизнес-структурами, чем с некоммерческими организациями;
- активисты ассоциаций НКО и других зонтичных и квази-зонтичных структур типа ресурсных центров, а также участники сетевых организаций видят себя в роли посредников между НКО и донорами, а также в роли лоббистов и наставников, хотя в большинстве своем идентифицируют себя с некоммерческим сектором;
- персонал абсолютно всех профильных низовых НКО идентифицирует себя с некоммерческим сектором¹⁷.

Иными словами, в настоящее время мы пока еще не можем говорить об НКО-сообществе. У множества российских НКО не сложилась практика, когда какая-то НКО не просто берет на себя функции координатора стратегических задач, но управляет изнутри третьего сектора возможностями и привлекает ресурсы, а также отвечает за их расходование. Опыт подготовки и проведения Гражданского форума в 2001 году показал, что создать такой орган управления для всего НКО-сектора вряд ли возможно вообще. В лучшем случае можно надеяться на формирование временных координационных структур, предназначенных для достижения определенных целей, согласованных между собой разными НКО.

И все-таки объединительные тенденции в среде некоммерческого сообщества начали проявлять себя в рамках подхода «неполитической политики», призванной создавать условия для формирования демократического «политического общества»: 6 апреля 2002 г. в Перми состоялось подписание *Пермской гражданской декларации* представителями трех «открытых партнерств»: «Народной ассамблеи» (Москва), Санкт-Петербургской «Гражданской ассамблеи» и «Пермской ассамблеи». Декларация определяет принципы взаимодействия гражданских организаций и институтов государственной власти. Создаваемые по всей стране гражданские ассамблеи ставят перед собой задачу, достигая конструктивного диалога с властью, добиваться повсеместного внедрения в общественную практику технологий гражданских переговоров, гражданской экспертизы и гражданского контроля. В ассамблеи

входят наиболее авторитетные федеральные и региональные гражданские организации¹⁸. Таким образом, Пермская декларация показывает, что крупные сетевые организации не хотят идти в политику и превращаться в партию. Они предпочитают оставаться неполитическими. Открытые коалиции, ассамблеи, которые создаются ad hoc, для решения какой-либо конкретной задачи — это гибкая форма, существующая и в европейских странах: гражданское общество там время от времени «засыпает», но когда возникает какая-то острая проблема, люди быстро мобилизуются с тем, чтобы после ее разрешения вновь уйти в частную жизнь. Безусловно, форма открытой ассамблеи гражданских союзов и ассоциаций взамен партийного строительства — это попытка найти легитимный механизм отстаивания тех политических целей, которые пока, к сожалению, не выражают парламентские институты.

Можно долго спорить о том, существует ли гражданское общество в России или оно только-только формируется, несомненно одно — *именно взаимодействие с властью составляет основную движущую пружину гражданского общества*. Вступая в диалог с властью, отстаивая свои права и интересы, гражданские организации неизбежно вступают на политическое поприще. Каждая отдельная организация может быть вполне аполитичной, но гражданское общество не существует вне контекста политики. Более того, оно приносит с собой в политику новые начала, самим своим появлением изменяет принятые традиционными политическими силами правила и представления. Здесь логично подчеркнуть, что политика предполагает *гетерогенность* общества, поскольку в социально однородном обществе она не нужна, точнее, для нее нет основы. Политика в истинном смысле этого слова может быть только публичной деятельностью, свободным обменом позиций, точек зрения, программ и платформ. Уже сегодня политики в этом смысле, то есть политики полноценной, в России фактически нет, ее заменила псевдополитика: бюрократические интриги, пропаганда, пиар и политтехнологии.

Для политической системы и государственного управления России центральной проблемой является *демократизация, выстраивание на принципиально иной основе отношений между государством и гражданами, их объединениями*. Вопрос о социальных основаниях гражданского общества в России во многом зависит **сегодня только от политических решений. Никакие варианты сугубо экономических мер не будут достаточны, пока мы не пересмотрим основы нашей политической системы.**

Действуй в нашей стране нормальная, здоровая политическая система, коррекция социально-политического курса и нынешнего режима произошла бы намного раньше и с меньшими издержками. Раздуваемая ныне радикал — либералами «опасность коммунистического

реванша» существует только благодаря проведению провального экономического курса и упорного нежелания замечать общественные настроения.

Суммируя, можно сказать, что форма партнерства и диалога во взаимоотношениях современных демократических государств и гражданского общества сегодня не оспаривается. И более того — признается нормой цивилизованности общественно-политического строя. Проблемой выступает другое — *как сделать эффективной систему социального представительства интересов в условиях нового, постиндустриального мира, как приспособить управленческий механизм государства к заметным сдвигам в гражданском обществе, чтобы суметь более адекватно учесть возрастающий плюрализм социальных групп и их социокультурных, национальных предпочтений.* А с другой стороны, само гражданское общество задается вопросом — насколько оно эффективно, насколько оно структурировано и компетентно для принятия или отрицания тех или иных импульсов, идущих как «снизу», так и «сверху», чтобы обеспечить подлинную стабильность общества как синтез преемственности и развития, чтобы удержать то динамическое равновесие, в рамках которого только и возможно онтологическое бытие государства и гражданского общества.

¹ Якимец В.Н. Взаимодействие государства с обществом в регионах: оценки и проблемы. В кн.: Социальное партнерство в индустриальном регионе России (на примере Челябинской области), Златоуст, 2000. С. 60–76;

² Материалы методического семинара « Существует ли единая социологическая теория сегодня?» ИС РАН — М., ИС РАН, 2003

³ См.:С.П. Перегудов Копорации, общество, государство: эволюция отношений. М.: Наука, 2003, с. 308-332

⁴ Э. Тоффлер «Третья волна». М.: ООО «Издательство АСТ», 2002, с. 435-436

⁵ Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе — Путь. Международный философский журнал. 1994, № 6 , с.76

⁶ Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М.: ОАО «Изд-во «Экономика», 1999, с.565-633

⁷ Мониторинг «Доходы и уровень жизни населения» II квартал 1999г. — М.: Министерство труда и социального развития РФ. Всероссийский центр уровня жизни, 1999г. — с.67

⁸ Так, по данным социологических исследований группы «Циркон», электорат «Единой России» до сих пор представляет из себя довольно **неустойчивое (рыхлое) образование.** Достаточно большая часть избирателей «ЕР» оказалась в стане ее сторонников в силу общей тенденции,

а не на основе осознанного выбора. Соответственно, многие из сегодняшних избирателей «ЕР» электорально «мобильны» и еще могут сменить свою политическую ориентацию. — Межрегиональный электоральный мониторинг. Вып. 1, Фрагменты, М., Исследовательская группа Циркон, 2003, с. 6

⁹ См.: Холодковский К.Г. Партии: кризис или закат? — Политические институты на рубеже тысячелетий. — Дубна: ООО «Феникс», 2001, с. 45— 61

¹⁰ Аксенова О.ВА. Профсоюзы России в публичной политике. — Сборник программ и тезисов участников секции № 11 «Публичная политика как инструмент российского выбора» III всероссийского Конгресса политологов «Выборы в РОССИИ И РОССИЙСКИЙ ВЫБОР» 28-29 АПРЕЛЯ 2003 Г. В Г. Москве — М., Центр публичной политики, 2003, с. 25-28

¹¹ Политическая конфликтология перед новыми вызовами. Воронеж, ВГУ, 2001, с. 33

¹² См.: Нечаев Д.Н. От «государства партий» к «государству общественных объединений». — Полис, 2002, № 2, с. 157

¹³ Сведения взяты из доклада Якимца В.Н. «Принципы и механизмы межсекторного социального партнерства в России: федеральный и региональный уровни» на конференции «Корпоративная этика и ценностный менеджмент». М., 20.11.2002.

¹⁴ Опрошено 300 государственных и муниципальных служащих в 2000г. Данные соц.опросов взяты из ст. Якимца В.Н. Взаимодействие государства с обществом в регионах: оценки и проблемы. — в сб.: Социальное партнерство в индустриальном регионе России (на примере Челябинской обл.). Златоуст, 2000, с. 60-67

¹⁵ См.: Либоракина М., Флямер М., Якимец В. Социальное партнерство. Школа культурной политики. М., 1996, с. 115; Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство (государство-бизнес— некоммерческие организации). М.: ГУУ, 2002, с. 6. Перегудов С.П. Копорации, общество, государство: эволюция отношений. М.: Наука, 2003, с. 310

¹⁶ Система представительства российского бизнеса: формы коллективного действия. М., ЦПТ, 1997; Российские объединения предпринимателей. Вып.1. Сост. Л. Соловьева, Д.Мачулин, М., ИПиИ, 2001

¹⁷ Якимец В.Н. Теория и практика межсекторного социального партнерства в России — доклад на Международной научной конференции «государственное управление в XXI веке: концепция, методы, технологии» — МГУ им. Ломоносова, 26-29 мая 2003 г.

¹⁸ В Московскую «Народную ассамблею» входят Социально-экологический союз, Союз журналистов, Общество «Мемориал», Московс-

кая Хельсинская группа, Международная Конфедерация обществ защиты прав потребителей, движение «За здоровую Россию», Фонд защиты гласности и др. В Санкт-Петербургскую «Гражданскую ассамблею» входят Санкт-Петербургский Пен-клуб, Общественная экологическая организация «Зеленый мир», Общественная организация помощи беженцам и переселенцам «Евразия», Всероссийское объединение добросовестного бизнеса, Общество потребителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Общественная правозащитная организация «Гражданский контроль», Центр независимых социологических исследований и др. — Гражданское общество: взгляд изнутри. М.: Центр развития демократии и прав человека, 2002, с. 197.

Вопросы к Душану Релжичу:

(В.В. Серебрянников):

У меня вызвало внутреннее несогласие положение о взаимоотношении гражданского общества и СМИ. Докладчик говорит о том, что СМИ призваны формировать общественное мнение. Мне думается, что такая формулировка не совсем корректна. Во-первых, потому что общественное мнение есть относительно самостоятельный феномен со своими внутренними законами развития и механизмами действия. Общественное мнение обычно находится в особой позиции ко всем ветвям власти — и по отношению к государству, и по отношению к другим ветвям власти, в том числе, по отношению к средствам массовой информации. Правильнее наверное говорить, что СМИ, так же как и другие ветви власти, должны создавать условия, предоставлять информацию и содействовать формированию зрелого общественного мнения.

Каково же между ними взаимоотношение: СМИ – фактор, призванный определять общественное мнение или это фактор, обслуживающий общественное мнение?

(Н.Ю. Лапина):

С чем связана коммерциализация СМИ в постсоветских странах Центральной и Восточной Европы?

(С.П. Перегудов):

Вы сказали, что без поддержки Запада в России гражданское общество не смогло бы существовать. Хотел бы узнать на базе каких источников Вы делаете такое заключение?

Ответы Душана Релжича

Спасибо за вопросы. Первый касается представлений о гражданском обществе, два других — о средствах массовой информации.

Сначала несколько слов о гражданском обществе. Я уверен, что большинство средств массовой информации не могут существовать без поддержки Запада, то есть я не говорю, что абсолютно все. Но посмотрите на денежные переводы, к примеру, Сороса. Он вложил 1,5 млрд. долларов в гражданские общества стран переходного периода. К тому же, я высказываю своё мнение, а не говорю о результатах какого-то исследования. Я заходил на сайт российского объединения журналистов с тем, чтобы посмотреть информацию об экстремальных журналистских ситуациях. Сайт возглавляется Олегом Панфиловым, который достаточно честно изложил свои программы и заявил об источниках финансирования каждой из программ. Ни одна из них не осуществляется без западной поддержки. В отличие от подобных организаций, есть другие, которые в шутку можно было бы назвать организованные правительством неправительственные организации. Например, тот институт, в котором я работаю в Берлине, на бумаге числится абсолютно неправительственной организацией. Финансирование, однако, поступает от федерального канцлера.

Я уверен, что такая же практика существует и в России. Большая часть неправительственных организаций организованы правительством, они финансируются правительством. И это явление имеет совершенно законный характер. Но я сильно сомневаюсь, что какое-либо правительство будет финансировать ту организацию, которая критически относится к его действиям.

Теперь относительно двух вопросов, связанных со средствами массовой информации. Первый из них коммерциализация СМИ. Сегодня существует 5-6 компаний, которые являются владельцами всего содержания того, что появляется в СМИ. Приведу пример. Четвертая в мире по величине оборота компания Бертельсман с годовым оборотом примерно 18 млрд. долл. имеет лицензию на трансляцию в 150 странах и регионах. Их программы занимают 17500 часов. Итак, частная компания владеет содержанием того, что вы смотрите и она не собирается за дешево продавать свой продукт. Происходит так называемая вертикальная интеграция. Компания производит фильмы, показывает их в кинотеатрах, создаёт сеть телевиденья в Польше и Чехии с тем, чтобы снова показать те же фильмы, у них есть свои каналы Интернета. Таким образом, то, что они хотят показать снова и снова мы видим в газетах, в книгах, на телевидении и т.д. Еще немного информации – крупнейшая мировая компания Тайм Уорнер, транслирующая свою информацию через Интернет, была создана в 2000 г., благодаря слиянию Тайм Уорнер и компании, которая действует через Интернет. Эта компания стоит 350 млрд. Долларов, её годовой доход составляет 45 млрд. долларов. Безусловно, крупнейшие компании заинтересованы в том, чтобы расширять сферу своего действия, они ищут новых партнеров. Поэтому в идеале хорошо было бы, что-

бы гражданское общество имело собственные средства массовой информации. Что касается формирования общественного мнения. Я совершенно согласен с тем, что общественное мнение формируется не только посредством СМИ. Прежде всего у каждого человека есть свой личный идеолог. Личность формируется родителями, школой, вузом, религией и другими инструментами общества. Существует достаточно подтверждений следующей гипотезе: основные личные ценности каждого человека формируются примерно до 25-27 лет. После этого политические взгляды и склонности очень редко меняются. Средства массовой информации задают темп в политической сфере. Что значит следующее: если больше говорить о преступности в данном городе, то все будут считать, что уровень преступности гораздо выше, чем на самом деле, потому что об этом больше говорят. Но это отнюдь не значит, что отношение к преступности будет точно таким же. Люди настроенные либерально предложат для решения этой проблемы создание большего количества социальных работников. Люди, настроенные авторитарно предложат более строгие виды наказания за преступления. Вот что делают средства массовой информации — они как бы задают темп политическим убеждениям. Они безусловно могут управлять людьми.

(А.П. Кочетков):

В своем выступлении вы сказали, что сомневаетесь в способности гражданского общества выражать и отстаивать интересы всего общества. Скорее всего, как я понял, интересы среднего класса. Получается, что идет расчленение гражданского общества. Гражданское общество – это какая-то особая социальная среда, особые объединения людей, которые имеют отличительные от всех граждан черты? На мой взгляд китайской стены между обществом и гражданским обществом не существует, это скорее научные понятия.

(О.А. Бельков):

Вы в своем выступлении расчленили средства массовой информации на частные, которые выражают, популяризируют и защищают интересы конкретного медиамагната, и общественные, которые по замыслу должны выражать интересы всего общества. У меня вопрос: могут ли быть средства массовой информации, которые выражают интересы всего общества? Особенно если учесть, что общество дифференцировано, расслоено, поляризовано, атомизировано и т.д.? Вы сказали о том, что гражданское общество должно иметь свои средства массовой информации. Объясните, пожалуйста, кто будет владеть и определять политику средств массовой информации, принадлежащих гражданскому обществу и кто их будет финансировать?

(А.И. Соловьев):

Насколько качество информации СМИ может влиять на качество

политических процессов? Вы сказали, что многие материалы СМИ утрачивают критичность, аналитичность, создаются эффекты «желтизны». Таблоидная пресса — насколько она может обеспечить электоральные процессы, процессы давления гражданского общества на центры принятия решений? Или это связано только с аналитическими комментариями специалистов?

Ответы Душана Релжича

Прежде всего о том, что касается гражданского общества. Безусловно, я считаю, что гражданское общество является сектором общества. Гражданское общество состоит из активистов, из тех, кто действует в интересах общества и хочет повлиять на решение тех или иных проблем. Например, организации, которые помогают женщинам, ставшими жертвами насилия. Это особая часть общества. Например, Фонд демократии в странах переходного периода — это организация, которая хочет расширить демократический процесс в отдельно взятой стране. Но так или иначе — это группы людей, которые говорят, что они действуют в интересах всего общества. Единственная сфера, о которой можно говорить, что действует в интересах общества — это парламент. Есть политическая система и центром этой политической системы является парламент. Даже несмотря на то, что некоторые члены парламента спят во время заседаний, или, наоборот, ведут себя экстремистски, как например, в Германии требовали, чтобы членов Правительства перед заседанием парламента проверяли на наличие алкоголя в крови.

Вопрос в том, как представители гражданского общества могут повлиять на общество, им ведь необходимо действовать в каком-то определенном направлении. Я приведу такой пример. Министерство радиовещания США в июле поменяло правила: теперь компании могут иметь долю 45% в каком-то отдельно взятом направлении, раньше разрешалось только 35%. Кроме того, были сделаны шаги по либерализации общей политики. Это не вызвало возмущения ни в правительстве, ни в парламенте. Возмутились организации гражданского общества. И к моему великому удивлению наиболее активно протестовала организация, защищающая интересы владельцев оружия. В США ведутся большие споры о том, можно ли позволить гражданам держать оружие дома или нет? И организация, защищающая права владельцев оружия, очень отрицательно отнеслась к либеральным средствам массовой информации. Для них большинство самых крупных каналов телерадиовещания являются именно либеральными организациями. После них, наиболее резко против либеральных средств массовой информации выступила конвенция католических епископов в США. Она считает, что в средствах массовой информации плохо освещаются вопросы, относящиеся к католицизму. Подоб-

ные организации оказывают такое большое влияние на парламент, что сейчас процесс либерализации средств массовой информации приостановился и суд вынужден пересматривать некоторые вещи. Это пример того, как элементы гражданского общества могут влиять на все общество.

Что касается собственности на средства массовой информации, то в данном случае можно сослаться на популярную поговорку: кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Что же касается рынка СМИ, то большинство людей не придерживается экстремистских взглядов, поэтому они не желают пользоваться услугами экстремистских средств массовой информации. Сошлюсь на издательство «Шпрингер» (Германия). Это антикоммунистическое издательство, содержащее две большие газеты, вообще же у него более сотни газет, но две достигают 5 млн. экземпляров. Ежедневный тираж в пять миллионов в государстве, которое насчитывает всего 18 млн. человек. Эти газеты не вызывают сильного возмущения, на первой странице они могут изобразить обнаженную женщину, они говорят о спорте, о скандалах, поддерживают центристские взгляды. Кроме того, у издательства есть ежедневная газета «Мир» (160 тысяч экземпляров), где выражаются именно правые взгляды – поддерживают общераспространенную религию, выступают против абортот и т.д. Это говорит о том, что можно повлиять на формирование взглядов большинства людей, почувствовать основной поток общественного сознания и создать политический уклон, который будет настолько привлекателен для большинства людей, что они последуют за этим.

Приведу еще один пример. В ходе Федеральных выборов в Германии в прошлом году Шредер и социал-демократы очень сильно отставали от своих конкурентов и, казалось, ситуация для них совершенно безнадежная. Но вот Америка объявила о подготовке к войне в Ираке. Германия, которая всегда была близким союзником Соединенных Штатов и всегда была покорна США, вдруг устами Шредера заявляет – нет, никакой войны в Ираке не должно быть, мы против. И он победил на выборах в течение каких-то двух недель, потому что подавляющее большинство немцев были против войны. Средства массовой информации выступали против этой войны. Таким образом, за две недели изменилась политическая ситуация и правительство зеленых пришло к власти.

Отвечу на следующий вопрос: какими средствами массовой информации могут владеть гражданские общества? Теоретически, система общественного телерадиовещания должна иметь организацию, контролирующую ее действия. И внутри этого формирования должны быть различные представители религии, общественных организаций и т.д. Это теоретически. Что касается практики, то в Германии есть различные правила для СМИ – это федерация. Считается, что те орга-

низации, которые осуществляют контроль над средствами общественного телерадиовещания должны иметь не более 25% представителей как правило политических партий. Что же касается профсоюзов, церкви или гражданского общества, то там есть также представители каких-либо партий. Таким образом как бы делегируются полномочия гражданского общества. На практике, например, в течение последних 50 лет в Германии ситуация складывается так: если директор общественного телерадиовещания — консерватор, то главный редактор — социал-демократ. Достигается политический консенсус. Именно так действуют политики в зрелых демократиях. Приходят к согласию, не допуская серьезных политических разногласий. А затем уже идет борьба с коррупцией и всем остальным.

Вопросы к Л.И. Никовской

Вопрос (А.Л. Андреев):

Хотелось бы уточнить, что вы понимаете под термином «средний класс»?

Следующий вопрос о модерне и постмодерне. Постмодерн я вижу, а вот модерн – не очень. Авторитарно-административные методы регулирования прекрасно сочетаются с новыми технологиями. В этом смысле являются ли они элементом модерна? Нельзя ли более подробно пояснить в чем суть противопоставления?

Ответ:

Понятие среднего класса сегодня в социологии самое, пожалуй, дискуссионное и классическую матрицу критериев можно представить так:

а) к среднему классу относятся люди, которые имеют какое-то отношение к мелкой собственности, к мелкому среднему бизнесу;

б) уровень квалификации и образования достаточно высокий, который позволяет идентифицировать со средним классом;

в) характер потребления, который позволяет говорить о том, что мы имеем дело со средним классом и т.д.

Известно, что средний класс в структуре развитых капиталистических стран представляет собой совокупность социальных слоев, занимающих промежуточное положение между основными классами (высшим и низшим) в системе стратификации, характеризуется неоднородностью, противоречивостью интересов, сознания и политического поведения. С экономической точки зрения средний класс – это люди со средними доходами, а точнее, с доходами ниже самых высоких, но выше самых низких. Считается также, что принадлежащие к среднему классу имеют существенные сбережения, которые позволяют приобретать предметы длительного пользования и иметь пристой-

ное жилье. Словом, образ среднего класса, как он сложился на Западе, это не только профессия, требующая хорошего образования и квалификации, но еще и определенный стиль потребления. Различают также старый средний класс (средние и мелкие собственники) и новый средний класс, включающий управляющих, профессиональных работников умственного труда – «белые воротнички» или менеджеров.

Практически во всех развитых странах доля среднего класса составляет общественное большинство (до 60-80%). Одинаковой остается и его роль стабилизатора положения страны в условиях динамизма политики и экономической конъюнктуры. Образно говоря, *средний класс в структуре развитых обществ можно уподобить позвоночнику в человеческом организме*, благодаря которому организм сохраняет равновесие, устойчивость, несмотря на огромную подвижность тела, взлеты и падения духа. Аналогично, при всей динамичности элиты, сменах политических программ и режимов власти средние слои продолжают свои традиционные занятия, обеспечивая обществу все, что нужно для его нормального существования: от рабочих мест и потребительских товаров до медицинской помощи и научных открытий.

Какова ситуация со средним классом в сегодняшней России? В постсоветской России эти черты среднего класса еще далеко не сложились, их практически нет.

По мере развития в России капиталистических отношений, «по идее» должен был начать формироваться средний класс. Его экономической базой должен был стать малый и средний бизнес. «На входе» в рынок ожидалось, что развитие этих форм бизнеса примет огромные масштабы, и что средний класс станет основой новой социальной стратификации. Его главными слоями в России должны были стать фермеры, владельцы мелких предприятий всех отраслей – от торговли (магазины, кафе, рестораны) до транспорта (бензоколонки, ремонтные мастерские); от строительства до адвокатуры. Должен был возникнуть многочисленный слой высокообеспеченных, достаточно состоятельных людей, независимых от государства, самостоятельно обеспечивающих свой собственный бизнес и продающих на рынке свою высокую квалификацию (врачи, адвокаты и др.). И, главное, составляющих социальную базу, фундамент российского рынка и российского общества.

Однако эти ожидания в ходе реформ не реализовались. В реальности динамика социальной структуры приняла иной характер: сформировались полярные слои, тогда как слоя, размещенного между ними, практически не оказалось или он оказался малочисленным, экономически и политически слабым и не сыграл стабилизирующей функции, не стал базой развития ни экономики, ни общества. Сегодня социально-экономическое положение среднего класса весьма дале-

ко от такого, при котором его можно было бы считать «опорой и надеждой отечества». Причина в том, что этот слой как бы «сдавлен» с трех сторон: с одной стороны – государством, с другой – криминальными группировками, с третьей – крупным капиталом¹. Поэтому при сохранении нынешней ситуации трудно ожидать его значительного развития, тем более его превращения в цементирующую силу российского рынка. Социальная структура современного российского общества выглядит как «придавленный к основанию треугольник» (в отличие от «лимона» в развитых странах). Таким образом, *нынешняя российская социальная структура пока изменяется в направлении классовой, конфликтной модели общества.*

Конкретные социологические исследования в России показывают, что сегодня четко зафиксировать и уловить, и отследить средний класс практически невозможно. В последнем выступлении на конференции в Москве «Куда пришла Россия» Н. Лапина называет цифру — в 16% среднего класса, а директор института комплексных социальных исследований М.К. Горшков привел цифру на Втором Всероссийском социологическом конгрессе — 30%. Многие социологи говорят, что «поймать» реально средний класс можно только по самоидентификации, куда сегодня пытаются сами себя отнести значительные массы людей, которые не относят себя к ниже стоящим слоям. На самом деле проблема дискуссионная, методически-инструментарно решается крайне сложно, поэтому назвать четко и однозначно цифры присутствия среднего класса в нашей структуре социальной невозможно. Насколько мне известно, некоторые ученые используют сочетание двух методов – самоидентификации и объективного подхода, которые значительно уменьшают цифру относящих себя к среднему классу в России по трем критериям – среднедушевой доход; характер профессиональной деятельности; уровень образования. В целом, наш средний класс это, выражаясь языком известных классиков, «класс в себе», он еще слабо осознает свои интересы, а тем более борется за себя.

Теперь о постмодерне и модерне. Как идет сочетание методов авторитаризма. Соглашусь, что в условиях постмодерна и постиндустриализма авторитарные методы, административные методы присутствуют, но они модифицируются, выражаются, по словам теоретика так называемого нового структурного насилия, шведа Йохана Галтунга в проблему «культурного насилия», которое тонко и стилистически адекватно подкрепляет прямое и структурное насилие в новых условиях. Авторитарные методы воскрешают себя в «новом деспотизме» — изоцированно-рафинированной форме манипулирования обществом с помощью современных технологий коммуникаций, массовой культуры, политического процесса. Согласно, что авторитарно-административные методы сочетаются с новыми технологиями, но модифици-

руются существенно со стилистикой постмодерна и его особенностями. В докладе я говорю о том, что наложение ритмов модерна и постмодерна в России может породить конфликт инструментального ряда, так как жесткие вертикальные административные структуры будут всячески вытеснять «новую стилистику» нарождающегося постмодерна.

Вопрос (Ю.А. Красин):

Известно, что в России сильны авторитарные тенденции. Сколько их не ломали, но они все-равно живучи. Это видно по выборам губернатора в С.-Петербурге и президента в Чечне. Авторитарные тенденции сильны и практика показывает, что есть два пути преодоления авторитаризма: либо революция (что мало вероятно в наших условиях, когда народ и так устал, пассивен и т. д.), либо власть что-то должна сделать. Другой перспективы нет. Что может сделать власть? Сошлюсь на интервью в «Независимой газете» блестящего политолога Л. Шевцовой. Смысл интервью такой: по прежнему напролом осуществляется радикально-либеральная линия! С этих позиций она резко критикует президента, называя его дирижером. Политолог подчеркивает, что наш президент выполняет роль дирижера, умиряет столкновения внутри самой власти и ничего другого от него ждать не приходится. Значит автору очень хочется, чтобы был другой президент, который бы совершил новый прорыв в радикально-либеральном направлении. Я хочу знать ваше мнение – что может власть, а что бесполезно от нее требовать?

Ответ:

Основная тенденция в развитии гражданского общества связана с появлением нового динамичного компонента в его структуре – «третьего сектора», так называемых гражданских ассоциаций. Сегодня он дорос до императива конструктивного взаимодействия с властью, выстраивания продуктивных отношений с ней, используя принцип взаимодополняемости ресурсов. Так родилось новое научно-практическое направление – межсекторное социальное партнерство. Третий сектор — это и мощные ассоциации крупного бизнеса, типа РСПП, Союза менеджеров, и среднего бизнеса, типа Гильдии предпринимателей, и мелкого бизнеса, а также различные по численной масштабности профильные и «зонтичные» организации различного направления. При всей своей заинтересованности в партнерских отношениях с властью, многие сильные гражданские организации третьего сектора пытаются сами инициировать консолидацию на основе «неполитической политики», противопоставляя себя коррумпированной, монополизирующейся политической практике нынешней власти. Официальная власть все-таки увидела нарождающуюся силу постепенно консолидирующегося гражданского сектора, и сама возглавила прак-

тику Гражданских Форумов (в октябре, кстати, прошел второй Гражданский Форум в Н. Новгороде). Отрадно, что на региональном уровне влияние третьего сектора намного сильнее, чем на федеральном. Почти в более, чем 40 регионах, деятельность организаций третьего сектора по нормативно-правовым механизмам встроена в совместную деятельность исполнительной власти для решения многих острых проблем регионального сообщества. Более того, на региональном уровне и крупный бизнес активно сотрудничает со многими НКО. За последний год стали бурно обозначать себя так называемые Гражданские Форумы в региональных центрах – в Н. Новгороде, Екатеринбурге, Иркутске, Саратове и др.

Что может сделать власть? Вслед за политологом Л.Шевцовой можно сказать, что политическая власть в России сегодня по своей сути не изменилась, она очень архаична. Она не сменяется: наследование власти не есть сменяемость. Нет институционально отработанных цивилизованных методов сменяемости власти. Отсюда накапливающаяся напряженность, отсюда авторитарная реконверсия, отсюда вседозволенность политической и бюрократической верхушки, отсюда все, что мы сегодня наблюдаем на Олимпе предвыборной кампании. Власть всячески воспроизводит жесткий инстинкт самосохранения. Поэтому гражданские организации того же С.-Петербурга хотели бы видеть и других представителей на должности губернатора, но они сегодня очень ограничены «управляемой демократией» — феноменом, который называется «единизм».

Вопрос (К.Г. Холодковский):

Поддерживая ваш основной пафос относительно роли горизонтальных связей и организаций нового типа, я все таки ставлю вопрос: не преувеличиваете ли вы внеинституциональность новых западных общественных организаций и движений? Может все-таки это характерно для первоначального периода деятельности этих организаций? Мы видели как это было с экологами, теперь мы видим что происходит с антиглобалистами: процесс не выламывания, а уже протягивания руки, конструктивной деятельности в этом направлении. Вы, собственно, сами говорите, что НКО избирают такие формы как санкционированные митинги и демонстрации, а разве это не институциональные формы? И у вас есть в другом месте формула огражданствления государства и огосударствления гражданских организаций. Я думаю, что это более точно отражает то, что происходит.

Второй вопрос касается России. Вы говорите об отношениях между государством и гражданским обществом. Это несомненно очень важная проблема. Но есть еще другая ключевая проблема, касающаяся взаимоотношений между структурами гражданского общества и остальным обществом, неструктурированным, аморфным, которое

даже не подозревает о том, что существуют эти структуры. Как вы считаете эта проблема решаема в наших условиях в ближайшее время или нет и что здесь является фактором решения?

Ответ:

Не преувеличиваю ли я внеинституциональность? Очень непростой вопрос. Действительно, третий сектор пережил три периода: романтический, институционального оформления и профессионализации. Поэтому сегодня романтические формы проявления и присутствия третьего сектора все больше заменяются на отработанные, институционально апробированные, эффективные способы взаимодействия и с политическими, и с государственно-управленческими структурами. А вот относительно внеинституциональных форм манифестирования третьего сектора скажу следующее. Для конфликтологии — это проблема сложная. Все перечисленные в докладе формы — и забастовки, и демонстрации, и пикетирования — являются формами гражданского неповиновения. И хотя они санкционируются, это не меняет сути. Это — гражданское неповиновение, форма не парламентская, а ей противоположная — ультимативного предъявления своих требований. При этом организационные последствия такого массового выражения интересов часто непредсказуемы, имеют «элемент улицы». Все эти формы гражданского неповиновения и их проявления никакая власть, в том числе и государственная, не очень-то любит. Поэтому она пытается найти институциональный язык, уловить стилистику, которую предъявляют новые организации и общественные движения.

С другой стороны, сами организации третьего сектора заявляют: когда мы не можем добиться всеми доступными средствами того, чего хотим, мы идем на внеинституциональный эпатаж. Для того, чтобы нас услышали. И они этого не скрывают и считают, что особенно в России это метод привлечения и прямой канализации тех запросов, которые не могут быть услышаны «верхами».

Отношение между гражданскими структурами и обществом — это проблема соотношения гражданского общества и массового общества. Когда гражданское общество сформировано, как это произошло в развитых странах демократии, оно может на некоторое время «засыпать», чтобы проявить себя в решающих моментах. Но все-равно, цифра волонтеров на Западе впечатляет. А если учитывать, что труд волонтеров включается в стоимость валового национального продукта, тогда их деятельность становится востребована и признана. Хочу привести две цитаты известных авторов. Так, по мысли дважды лауреата Пулитцеровской премии, историка Мерли Карти, именно опора на добровольческую инициативу помогла Америке приобрести национальную идею. А по утверждению современного американского писателя Дж. Гарднера, любая значимая социальная инновация

в Америке имеет свое происхождение в недрах добровольческого сектора.

В России все сложнее – у нас, на мой взгляд, массовое общество родилось или рождается быстрее, чем гражданское. Во-вторых, нормативно-правовая база или несовершенна или почти полностью отсутствует – многие российские НКО при введении новых статей в Налоговый Кодекс не только полноценно развиваться не смогут, а дай бог, чтоб выжили, чтоб штаны не свалились. Я уже не говорю о волонтерах и добровольцах... Поверьте в России волонтеров много и связь с простым населением присутствует и значима. Другое дело, что сегодня канал информации и доведения присутствия себя на гражданском поприще идет не через федеральные или электронные СМИ, а через Агентства социальной информации (АСИ), которые существуют на достаточно скромные средства самих гражданских ассоциаций или какие-то гранты, которые им удастся получить. Через собственные печатные издания. Большое значение имеют массовые акции, о которых хорошо осведомлены горожане. Например, акция «Белая ромашка», которая направлена на борьбу с туберкулезом. Во многих регионах организации третьего сектора – влиятельная сила, она может даже идти на конфликт, добиваясь гражданских целей и решения общезначимых проблем; они могут судиться и добиваться нужных решений, они, наконец, могут организовывать местные референдумы, а по острым экологическим проблемам замахиваться и на федеральный уровень организации плебисцитов. И о них знают, знает активная часть общества, а уж пассивно следит – по местным газетам – каждый второй. Это подтверждают мои исследования степени конфликтности НКО и региональной, местной власти в 2002 — 2003 гг. Я приведу еще один пример. Летом этого года я была в Иркутске, там есть некоммерческая гражданская организация «Накорми голодного». Так вот она кормит в год 362 тысячи беспризорников. Работают они на свои деньги, которые собирают с благотворительных бизнес-организаций, простых людей, местных церковных приходов и, наконец, копейки, которые им выделяют власти. В том же Иркутске сама власть кормит всего 160 тысяч детей-беспризорников. Беспризорники едут в Иркутск из Новосибирска, Томска, Челябинска и т.д. Их спрашивают: откуда вы узнали о благотворительности? Существует видимо какая-то информация, которая позволяет достаточно активно собирать сегодня эту отверженную социально беспризорную массу и стягивать ее в Иркутск. Власть поняли, что конкурировать и соревноваться с такой организацией бесполезно, поэтому ей выделено место, выдаются в рамках социального муниципального гранта деньги. И власть, и люди, и бизнес-организации знают, что она чистая, в смысле денежных расходов проверенная.

Есть и свои каналы распространения информации, включая Интер-

нет, куда заходят постоянно до 5 млн. человек. Эту цифру Глеб Павловский приводит на своих заседаниях ФЭПа.

Завершая ответ, хочу сказать, что для нормального функционирования гражданских структур и общества должен быть создан комплекс условий – от политических до социально-психологических — самооценности собственной жизни, собственной активности, отход от состояния замордованного выживания.

Вопрос (С.Н. Пшизова):

В начале вашего сообщения говорится о том, что необратимая победа демократии создала условия для развития и укоренения гражданского общества. Так что же все-таки, — гражданское общество становится предпосылкой формирования демократии или наоборот? Необратимая победа меня тоже очень смущает, если можно, то поясните мотивы необратимости. И еще: так уж безразлично для судеб гражданского общества какая экономическая политика проводится – либеральная или неолиберальная?! Действительно ли гражданскому обществу все-равно что, например, делается в области экономики? Хотелось бы получить ответ, что такое «старый элитарный индивидуализм». Для того, чтобы иметь представление о новом массовом индивидуализме. Я не очень поняла что такое огосударствление гражданского общества, огражданствление государства.

И что такое горизонтальный уровень и вертикальный уровень? Это вопрос не праздный, потому что сказано, что именно на горизонтальном уровне социальная энергия концентрируется, собирается как живая энергия развивающегося социума, именно он острее и оперативнее схватывает назревающие в толще социальной жизни потребности и проблемы общественного развития. То есть имеется в виду направление социальных связей.

В сообщении встречаются противоречия, например, говорится о том, что старые методы считаются неэффективными (среди них обозначена забастовка), а дальше по тексту забастовка отнесена к числу новых методов.

Ответ:

Считаю, что гражданское общество может развиваться как при кейнсианской модели экономической политики, так и при неолиберальной. То есть и при государственном протекционизме и при неолиберальном государстве гражданское общество развивается. Но есть особенности, своя специфика.

Ваш вопрос о том, что чему предшествует: демократия гражданскому обществу или гражданское общество — демократии. Хочу сказать, что инверсия происходит. На Западе демократия явилась итогом развития либерализма и либеральных идей. Сначала сформировалась частная собственность, институты гражданского общества. Они

завершились полноценным формированием институтов демократии, позволившим на политическом уровне снять расколы и эффективно отобюрократизовать политическую представительную систему. В России все происходит наоборот. Мы, к сожалению, проблемы построения демократии решаем одновременно с проблемой создания условий, предпосылок для этой демократии. У нас происходит своеобразная инверсия задач, и вытекающая отсюда специфика. Не буду спорить о том, что модели развития капитализма рейнская и неоамериканская оказывают существенное влияние на гражданское общество. Об этом прекрасно пишут в своей книге Ю.А. Красин и А.А. Галкин, рассуждая о судьбах публичной политики.

Вопрос о горизонтальных связях *versus* вертикальные связи – это вопрос о крупных социетальных сдвигах постиндустриального общества. Социосфера постиндустриального общества под действием ускоренных изменений приобретает новый облик. Межличностные отношения, отношения к окружающим вещам и потребляемой продукции, связи с местом обитания, отношение к ценностям и информационным потокам в обществе, связи в рамках социальных институтов и организаций – все претерпевает трансформацию, особенно бурно в 80-90 гг. XX столетия. Все эти элементы становятся все более индивидуализированными, «мозаичными», а, следовательно, становится все более «мозаичной» и сама структура социально-политической практики. Ускорение изменений и неустойчивость социальных связей стимулируют высокую социальную мобильность, возникает множество независимых ценностных систем и многочисленные субкультуры. Такая «мозаика» ценностных ориентаций отображает высококодифференцированную социальную структуру нового общества, и, что немало важно, высококодифференцированную структуру общественного интереса, его распад на множество мелких индивидуализированных, ассоциированных интересов.

В политической жизни происходит кризис массовой демократии в той форме, которую породила индустриальная цивилизация. Возрастающая социальная неоднородность разрушает само основание идеи массовой демократии – понятие массы и большинства. Об этом блестяще пишут многие социологи и социальные философы. Например, Э. Тоффлер в книгах «Третья волна» и «Метаморфозы власти».

Представительная демократия переживает кризис партийно-политической системы, которая уже не способна отражать высококодифференцированный, «мозаичный» интерес. С этим я с вами соглашаюсь. Но как исследователь-эмпирик выводы делаю несколько другие – я утверждаю, что мы пока не можем сказать со всей определенностью, контуры какой системы представительства и формы самоорганизации власти складываются на Западе, какие субъекты будут играть определяющую роль в новых условиях. Мой, да и очевидно ваш, исследова-

тельский опыт пока несuverенен в своих выводах. Идет трансформация, движение нового общества «вглубь самого себя», что сложится на выходе – покажет первая треть XXI столетия.

¹ См.: Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Социология перехода к рынку в России. М.: Эдиториал УРСС, 1998, с.274-279

Выступления

Отличительные особенности российского медийного рынка

Н.Ю. Лапина, кандидат исторических наук

Мне хотелось бы высказаться по поводу двух докладов. В первом докладе удачно, как мне кажется, проанализированы проблемы развития медийного пространства в странах Центральной и Восточной Европы. В России проблемы, связанные с развитием средств массовой информации, стоят очень остро. За последние 15 лет Россия пережила полный цикл трансформации СМИ от централизованной системы управления медийным пространством к созданию общественных СМИ в годы перестройки и в начале 90-х годов. В пору «демократического романтизма» появились общественные СМИ, не принадлежавшие крупному капиталу и выражавшие позицию коллективов журналистов. К середине 90-х годов начался новый период — «олигархизация» средств массовой информации, когда масс-медиа стали превращаться в особый вид бизнеса и включаться в крупнейшие финансово-промышленные империи. С приходом власти В.В.Путина ситуация меняется: власть пытается восстановить контроль за средствами массовой информации. И хотя сегодня, особенно в условиях предвыборной кампании, ситуация для СМИ складывается не совсем благоприятная, я убеждена, что возвращения к прежней модели централизованного управления практически невозможно. Хотя бы в силу того, что в России сегодня выходит 33 тыс. газет и существует 3 тыс. телеканалов.

Хотела бы сказать и о некоторых особенностях медийного рынка в России, поскольку здесь, насколько я могу судить, есть свои серьезные отличия. Во-первых, в России в СМИ практически отсутствуют иностранные инвесторы, а если они и есть, то занимают далеко не центральные позиции. Ситуация в странах Восточной и Центральной Европы иная. Во-вторых, в России сложилась своеобразная зависимость

между формой собственности и политикой телеканалов. Частные каналы в России с самого начала были информационно-аналитическими, а государственные — преимущественно развлекательными. В-третьих, в России СМИ не стали настоящим бизнесом. Единственной медиа-империей, где медиа стали самостоятельным видом бизнеса, являлась империя В. Гусинского. Все остальные (так называемые «олигархи») приобретали газеты и журналы с тем, чтобы создать собственную систему защиты. В России медиа — это не обычный бизнес, как во всем мире, но политический способ защиты бизнеса от власти. Сегодня в российских регионах происходят те же процессы, что мы наблюдали на федеральном уровне в середине 90-х годов: финансово-промышленные группы приобретают средства массовой информации, чтобы иметь способ противодействовать власти.

Что касается второго доклада, то скажу о том противоречии которое, на мой взгляд, имеется между первой и второй частью. Доклад посвящен третьему сектору, в нем много и хорошо говорится о роли третьего сектора, его потенциале и возможных перспективах развития. Но в разделе, который посвящен социальной структуре, автор почему-то акцентирует внимание лишь на негативных социальных последствиях российских реформ и практически ничего не говорит о среднем классе — той социальной среде, откуда черпает свои кадры третий сектор.

Не идеализируем ли мы гражданское общество Запада?!

С.П. Перегудов, доктор исторических наук

Доклад Л.И.Никовской мне понравился тем широким контекстом, в который она пытается встроить проблематику гражданского общества, его формирование, функционирование, социальный бэкграунд и т.д. Такой подход удачно сочетается с рассмотрением конкретных проблем российского гражданского общества. Я бы только посоветовал, чтобы во второй части были более четко прописаны результаты собственных изысканий и собственные выводы автора.

С другой стороны, доклад ставит под сомнение, мягко говоря, тезис предыдущего доклада, где утверждается, что российское гражданское общество в основном существует благодаря поддержке Запада. Я должен сказать, что действительно посредством ресурсных центров, которые в основном финансируются зарубежными фондами, российским НКО оказывается существенная помощь. Но утверждать, будто

наши гражданские некоммерческие организации в основном существуют благодаря поддержке Запада неправильно. Я на этом настаиваю. В прошлом году мне довелось быть на конференции в Сыктывкаре и посетить ресурсный центр. Он деньги получает, но очень мало делает для того, чтобы поддержать местные организации. Несмотря на это данные организации достаточно активны. В ходе конференции и общения с активистами я убедился, что организации спонтанно возникают и действуют, благодаря определенной поддержке местной власти и муниципалитетов.

Теперь о втором моменте, который хотел бы затронуть. В докладе налицо явная идеализация состояния гражданского общества в странах Запада. Я не согласен с тем, что нет разницы в том, какая модель, либеральная или кейсианская (я бы назвал ее социально-рыночной) реализуется на практике и что они в одинаковой мере способствуют развитию гражданского общества. Социально-рыночная модель или рейнская модель, в рамках которой функционируют так называемые компании участников, стимулирует развитие институтов гражданского общества. Ведь что такое компания участников? Это компания или корпорация, которая в орбиту своего взаимодействия с обществом вовлекает не только свой собственный персонал, но и местное сообщество, некоммерческие организации и другие институты гражданского общества. Что же касается либеральной модели, то судя по материалам доклада по проблеме корпоративного гражданства в США (автор этого материала возглавляет Бостонский центр по корпоративному гражданству) американская индивидуализированная модель создает серьезные проблемы для развития гражданского общества. И это действительно так. Я могу также сослаться на книгу Баумана «Индивидуализированное общество», где еще более резко ставится тот же вопрос. Эти моменты отнюдь не второстепенные, и когда мы говорим и пишем о характере и принципах функционирования гражданского общества на Западе, мы не должны исходить из того, что там «все благополучно». Хотел бы еще раз подчеркнуть, что неолиберальная модель, в рамках которой действуют так называемые компании акционеров, (где правила игры определяют только собственники и где прибыль и конкуренция превыше всего) самым негативным образом воздействует на развитие гражданского общества.

Как я полагаю, в условиях, когда и на национальном, и на региональном, и на глобальном уровнях крупные корпорации все активнее вторгаются в общественно-политическую жизнь и влияют, а нередко и определяют ее, рассматривать проблематику гражданского общества в отрыве от проблематики корпоративного бизнеса не только нецелесообразно, но и контрпродуктивно.

И еще один момент, связанный с дискуссией по докладу. Здесь упоминался президент ЮКОСа Ходорковский, который якобы из предвыборных соображений сейчас спонсирует гражданское общество и его организации. Я полагаю, что причины гораздо глубже. Наш бизнес сейчас учитывает тот поворот в отношениях с государством, который символизирует «дело ЮКОСа». Этот поворот побуждает бизнес идти на более тесное взаимодействие с гражданским обществом. Тот форум, который состоится в Новгороде, будет уже тройственным: наряду с государством и институтами гражданского общества там будет представлен и бизнес. И если в России возобладает не неолиберальная модель развития экономики, а начнет реализовываться модель корпоративного гражданства, которая сейчас активно разрабатывается на Западе, то институты гражданского общества в России получат гораздо более прочную основу для своего развития, нежели та, которая существует сейчас. Заодно начнет уходить в прошлое и та явно ненормальная ситуация, когда в роли основных спонсоров многих наших НКО выступают благотворительные фонды западных корпораций.

Впрочем, проблематика корпоративного гражданства — это особая тема, которая заслуживает и особого разговора.

Кризис институтов гражданского общества

С.Н. Пшизова, кандидат исторических наук

Очевидно, что функционирование средств массовой информации в современном обществе, которому посвящен доклад г-на Релжича, с одной стороны, определяется состоянием самого гражданского общества, с другой — в немалой степени определяет направления его развития.

При демократическом режиме, безусловно, предполагается, что СМИ выступают в качестве одного из институтов гражданского общества. Однако сегодня можно видеть серьезные препятствия, мешающие осуществлению ими функции гражданского контроля над деятельностью властей. Ведь ответ на вопрос о роли средств массовой информации в значительной мере зависит от ответа на другой, очень простой вопрос: кто их содержит? Кто вообще может сегодня содержать СМИ? В докладе были перечислены возможные варианты: государство, общество или бизнес. Что бывает, когда СМИ принадлежат государству, мы не плохо себе представляем. Да и странно было бы ожидать, что государство будет культивировать независимость институтов гражданского общества, которые призваны его же контролировать. Российское общество, либо не может (в силу бедности), либо не

хочет брать на себя финансирование общественных средств массовой информации. Возможно по сходным причинам, не лучшие времена переживают ныне и общественные СМИ в странах Запада. Похоже, что граждане современных государств вообще не склонны материально поддерживать деятельность традиционных политических структур гражданского общества, включая такие как политические партии или профсоюзы. Ведь если смотреть правде в глаза, о сколько—нибудь массовой гражданской активности россиян можно говорить только там, где за это хорошо платят. Выступавшие приводили примеры успешной работы каких-то организаций, которые, по их мнению, иллюстрируют процесс бурного становления гражданских ассоциаций в нашей стране. Однако, позволю себе заметить, что фондам, какими порой располагают эти неправительственные, некоммерческие организации, могли бы позавидовать иные правительственные или вполне коммерческие структуры. Естественно, что за хорошую зарплату наши люди готовы культивировать гражданские инициативы, развивать разного рода гражданские ассоциации, участвовать в публичных акциях и вообще делать все, что потребуются. Проблема, однако, в том, откуда берутся деньги, на что существуют эти «гражданские ассоциации».

Уже не раз говорилось о таком источнике как иностранные фонды. Было отмечено, что при прекращении финансирования из этого источника гражданская активность соответствующих организаций либо резко сокращается, либо исчезает вовсе.

Другим источником является финансовая поддержка государства (особенно в регионах). О ней здесь тоже говорилось. «Конструктивное сотрудничество» с властями, которое является естественным следствием такого рода связей, вполне может быть полезно для общества. Однако, функцией собственно структур гражданского общества должно быть давление на власть снизу, контроль за деятельностью государственных органов. Вряд ли эта задача может эффективно выполняться при отсутствии материальной независимости от этих самых властей.

Я разделяю мнение С.П. Перегудова по поводу необходимости включения определенных политических структур в состав гражданского общества. Эти структуры собственно и обеспечивали функционирование представительной демократии на Западе, являясь инструментами продвижения интересов гражданского общества во власть. Они, между прочим, не так давно содержали и немалую часть общественных средств массовой информации. И именно эти политические структуры гражданского общества, прежде всего политические партии и профсоюзы, сегодня переживают не лучшие времена. Вместе с ними трудности испытывают и соответствующие СМИ. Умирают (как умерла, например, бывшая одной из лучших и популярнейших в стране,

газета «Унита»), сокращают тиражи или меняют направленность партийные газеты и журналы.

Однако, я не согласна с С.П. Перегудовым в оценке новых концепций, которые предлагаются сегодня на Западе в качестве альтернативы или дополнения системы партийно-политического представительства. На мой взгляд, внедрение системы «функционального представительства» и расширение внутри корпоративной демократии в принципе не может возместить упадок традиционных демократических институтов. Теория «корпоративного гражданства», вопреки декларированным целям, подрывает самые основания плюралистического общества. Фактически предполагается делегитимация социального конфликта путем выведения его из поля политического взаимодействия общества и государства и превращения в объект внутри корпоративного регулирования. Показательна в связи с этим судьба профсоюзов. Они оказались съеденными, поглощенными корпорациями. Вместо организованных групп интересов, опосредующих отношения между управляющими и управляемыми, оказывающих давление снизу на властные структуры, мы наблюдаем использование профсоюзов как инструмента корпоративного управления, проводника властных импульсов сверху вниз. Переоформление системы политических отношений на базе «корпоративного гражданства» отнюдь не всегда совместимо с традиционными политическими формами гражданского общества.

Мне кажется, что можно говорить об общей проблеме: кризисное состояние традиционных институтов гражданского общества и инструментов их политического влияния (в том числе СМИ) требует выработки новых подходов для обеспечения демократического контроля над властями и бизнесом.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале, можно сказать, что ни один из способов финансирования средств массовой информации не может сегодня обеспечить такой контроль. Общественный — ввиду его сокращения по объективным причинам. Государственный и частный — в силу своей природы. Каков выход? Эндрю Арато, например полагает, что ввиду той огромной роли, какую играют СМИ в современном мире, они должны быть независимы как суд и автономны как университеты. Думаю, что для нашей страны это не решение проблемы, поскольку ни суд, ни университеты у нас не являются образцами независимости и автономности. В нашей ситуации надежда может быть только в множественности, отсутствии монополии, в конкуренции между различными средствами информации и их собственниками. Они должны быть разные и их должно быть много: и государственных, и общественных, и частных. Даже если будут преобладать государственные и частные, шанс для общества сохраняется в случае

большого количества и разнообразия самих СМИ и, что не менее важно, их хозяев.

Гражданское общество: тенденции развития медиа-индустрии

Ю.А. Красин, доктор философских наук

Вопрос о соотношении гражданского общества и средств массовой информации не может решаться однозначно. Антонио Грамши рассматривал средства массовой информации в качестве структур гражданского общества. Видимо, однако, это относится не ко всем СМИ. Часть из них прямо принадлежит государству, им финансируется и открыто выражает интересы государственной власти. Это — государственные СМИ и они входят в структуру государства, а не гражданского общества. Вряд ли безоговорочно можно относить к гражданскому обществу и те средства массовой информации, которые принадлежат частному капиталу.

Вместе с тем нельзя государственные и частные СМИ полностью отделять от гражданского общества. Ведь эти СМИ рассчитаны на то, что их будут читать не только и даже не столько их владельцы, сколько широкий круг граждан. А это значит, что они в той или иной мере должны затрагивать интересы этих граждан. Иначе широкие слои населения их не будут воспринимать. Поэтому даже средства массовой информации, выражающие интересы государственной бюрократии или олигархов, вынуждены для достижения своих целей давать информацию, на которую есть спрос в обществе. Да и с коммерческой точки зрения — а СМИ сегодня являются одной из важнейших сфер коммерческой деятельности — просто необходимо подчиняться определенной логике подачи информации, часто выходящей за рамки узко партийного интереса.

Поэтому, хотя непосредственно к структурам гражданского общества можно отнести лишь сравнительно небольшую часть независимых СМИ, артикуляция гражданских интересов осуществляется через всю их систему, включая и те органы информации, которые находятся под контролем государства и корпораций. Их воздействие на общественное сознание противоречиво: навязывая гражданам тенденциозные взгляды и интерпретации, они вынуждены одновременно давать и такой материал, который просвещает людей и при сопоставлении разных источников информации позволяет добиваться собственного видения происходящих событий и собственных их оценок.

Приходится, правда, признать, что информационная революция и многократно возросшая сила воздействия СМИ на общественное сознание, политизация общественной жизни и расширение возможностей манипулирования политическим поведением граждан ставит под угрозу саму возможность персональной автономии в политическом процессе. В лучшем случае личность в политике идентифицируется как составной элемент группы (класса, нации, социального слоя, партии, движения). Между тем основные параметры нарождающегося информационного общества (высокий уровень образованности, возрастание социальной активности, расширение культурного и мировоззренческого кругозора, плюрализм взглядов и позиций) требуют автономии личности в политической жизни общества. Возникает необходимость в персональной политической идентификации граждан. Автономный выбор политической позиции создает потребность в том, чтобы в приватном пространстве каждого гражданина была зона самостоятельного осмысления политических реалий, сопоставления и критического анализа событий и поведения игроков на общественно-политической арене, выработки своей собственной оценки.

Теоретически эта важнейшая, можно даже сказать центральная, проблема демократии была сформулирована в 1784 году (еще до Великой французской революции) крупнейшим немецким философом Иммануилом Кантом. Свобода выбора — писал он, — это «свобода во всех случаях *публично пользоваться* собственным разумом»¹. Как бы предостерегая от столь распространенного в наше время патерналистского отношения к гражданам, он подчеркивал, что только «*публичное* пользование собственным разумом... может дать просвещение людям»².

Таким образом, главный интерес человека, личности, гражданина заключается в том, чтобы деятельность СМИ максимально способствовала свободе публичного пользования собственным разумом. Что для этого нужно? Во-первых, — разнообразии информации, позволяющей сопоставить различные

способы видения событий, точки зрения и оценки, составить собственное мнение о происходящем вокруг. Во-вторых, нужен определенный уровень знаний, умений, компетентности для того, чтобы проанализировать информацию, соотнести ее с реальными интересами, найти отвечающую гражданским позициям меру в соотношениях частных и публичных интересов. Словом, нужен определенный довольно высокий уровень политической культуры.

Сначала скажем о второй предпосылке. Высокая гражданская культура — это продукт длительного процесса демократического развития. Как бы ни действовали СМИ, они не в состоянии создать ее в одно-

часе. Но они могут и должны содействовать решению этой задачи. На этот счет существуют две противоположные точки зрения. Одна ориентирует СМИ на зависимость от читателя, слушателя, зрителя, усматривая в этом условия подлинной независимости средств массовой информации. Другая же, наоборот, рассматривает потребности пользователя информацией как результат деятельности СМИ. Что раскручивается в информационном поле, то и наполняет сознание людей.

Как это ни парадоксально звучит, обе позиции в чем-то правы. Все зависит от уровня политической культуры. Первая точка зрения верна в той мере, в какой политическая культура общества гражданственна. Эта позиция рассчитана на общество граждан, сознающих свою общественную ответственность за состояние дел в государстве. К сожалению, в российском обществе пока превалируют частные и корпоративные интересы. Поэтому зависимость от потребителя по большей части проявляется как зависимость от эгоистически групповых интересов или как попустительство из коммерческих соображений низким вкусам и интересам. Поэтому вторая позиция, подчеркивающая формирующую роль СМИ по отношению к сознанию населения, кажется более убедительной применительно к нынешнему состоянию политической культуры российского общества. СМИ обладают у нас колоссальной силой воздействия на умы и чувства людей. Это возлагает на СМИ огромную ответственность за формирование у нас гражданского общества.

Какой отсюда вывод? Он в том, что независимость СМИ состоит не просто в зависимости от потребителя. Можно привести тысячу примеров, когда такая зависимость порождает желтую прессу или превращает тот или иной орган информации в рупор клановых устремлений. СМИ независимы в той мере, в какой они способны занять гражданскую позицию. Важнейший критерий их общественной ответственности определяется их реальным вкладом в формирование гражданского сознания, политической культуры общества.

СМИ – важнейший компонент публичной сферы, можно сказать ее несущая конструкция. Между тем, публичная сфера в российском обществе еще только формируется, она очень слаба. Поэтому гражданский долг тех СМИ, которые претендуют на независимость и демократичность, прежде всего в том, чтобы поддерживать и развивать публичную сферу, которая, кстати, служит эффективным средством формирования гражданского общества и ограничителем устремлений государственной бюрократии и корпораций к тому, чтобы полностью подчинить СМИ своему жесткому контролю.

Теперь несколько соображений о плюрализме информации и тенденциях развития медиа-индустрии.

Исследователи современного коммуникативного процесса и информационных структур констатируют, что в этой сфере сегодня все большую роль играют мультимедийные концерны. Происходит вертикальная и горизонтальная интеграция СМИ. Возникают гигантские информационные холдинги, охватывающие производство информационной аппаратуры и соответствующих программ. Попытки заблокировать интеграцию с помощью антимонопольного законодательства пока нельзя считать успешными. Об этом говорят и случаи вмешательства в этот процесс антимонопольных структур Европейского Союза и американский опыт по разделу корпорации Microsoft. Многие специалисты считают, что стратегия концентрации на информационном поле императивна с экономической и технологической точек зрения. Утверждают, что только мощные медийные холдинги, имеющие гетерогенную структуру, способны идти в ногу с технологическим прогрессом коммуникаций, вовремя адаптироваться к быстро меняющимся информационным потребностям и гибко реагировать на новые запросы.

Однако создание и деятельность медиа-холдингов требует больших финансовых инвестиций. Как показывает практика, государственные инвестиции в этом случае не оправдываются, они отягощают бюджет и не эффективны из-за бюрократических методов управления, неадекватных требованиям оптимального и новаторского функционирования и совершенствования новейших коммуникативных технологий. Именно поэтому все большую роль на информационном поле играет крупный частный капитал, порождающий тенденцию к монополизации.

Отмеченная тенденция отчетливо просматривается и в нашем обществе. Здесь также под эгидой государства или крупных корпораций возникают медиа-холдинги, которые начинают доминировать в информационном пространстве. В СМИ все более выпукло отражаются лишь некоторые группы корпоративных и государственно-корпоративных интересов, и все большее число частных групп интересов вытесняется на обочину, не получает осязаемого резонанса в публичной сфере.

Все это создает угрозу для информационного плюрализма, для этой необходимой предпосылки свободного выбора гражданами материала из разных источников информации, а также ее автономного осмысления в своем «приватном пространстве». Вместо возможности свободного выбора все чаще говорят о манипулировании общественным мнением в частных или клановых интересах путем навязывания личности тенденциозных интерпретаций происходящих событий. Повисают в воздухе либеральные иллюзии об информационном плюрализме как простом автоматическом следствии приватизации СМИ и включения их в рыночные механизмы.

Всякая гегемония на информационном поле создает благоприятную атмосферу для монополизма. Плюрализм в подборе и толковании информации ограничивается, расширяются возможности манипулирования общественным сознанием.

Приватизация СМИ обосновывалась в свое время необходимостью их освобождения от государственной опеки и обеспечения тем самым их свободы и независимости. Теперь же на иной основе воспроизводится система монополизма, ограничивающая свободу и независимость СМИ.

Конечно, реальная картина в информационной сфере России выглядит несколько сложнее. На информационном поле нет одного монополиста, здесь сталкиваются несколько сильных групп интересов; существует партийная пресса; сохраняется некоторое количество независимых источников информации; коммерческие соображения вынуждают зависимые СМИ считаться с запросами граждан и давать объективную информацию, избегать слишком тенденциозных интерпретаций. Тем не менее, в целом в информационном пространстве утверждается гегемония крупных холдингов, находящихся под влиянием сильных групп частных интересов и ускользающих от общественного контроля.

Для серьезных исследователей и специалистов становится очевидным, что информационный плюрализм, а значит и необходимые условия публичного пользования собственным разумом для граждан нельзя сохранить без применения нерыночных регуляторов — общественных и государственных. Только так можно обеспечить демократический плюрализм информации в современных обществах.

В российском обществе, видимо, также следует двигаться к созданию гибкой и представительной системы общественно-государственного регулирования информационной сферы для обеспечения плюрализма СМИ, их независимости от сильных групп частных интересов. Конечно, необходимо при этом считаться с российской спецификой. У нас любые институционализированные структуры быстро бюрократизируются и становятся послушными инструментами либо властных структур, либо сильных корпоративных групп. Поэтому, быть может, нам надо, в первую очередь, наладить по всем этим вопросам широкий и конструктивный диалог разных общественно-политических сил и самого информационного сообщества. Это стало бы действенным рычагом создания в России нормально функционирующей публичной сферы.

В заключение одно частное замечание в отношении гражданского общества. В первом докладе прозвучала мысль о том, что гражданское общество — это выражение общего интереса. Я хочу подчеркнуть, что

гражданское общество и исторически, и по своей структуре в любых странах, в том числе в западных, это, прежде всего, выражение частных интересов. Важнейшая предпосылка возникновения гражданского общества – это структурирование устойчивых частных интересов. Если этого нет, то о гражданском обществе и говорить нечего. Другое дело, что для гражданского общества одних частных интересов недостаточно. На одних частных интересах возникает корпоративное общество. Мудрый Гегель, хотя хорошо понимал значение частного интереса, подчеркивал, что для становления гражданского общества необходимо соединение частного интереса с публичным и для этого нужны долгие годы борьбы с частным эгоизмом.

Беда и проблема России в том и состоят, что частные интересы у нас до сих пор не структурированы. Радикально либеральная модель приватизации помешала этому процессу. Вместо структурирования частных интересов развитие пошло по линии формирования узких олигархических групп и их срастания с кланами государственной бюрократии.

Постоянные жалобы, что у нас нет среднего класса как необходимой социальной опоры гражданского общества – наглядный показатель пробуксовки структурирования частных интересов. В этом заключается одна из главных причин застойных процессов и роста авторитарных тенденций. Конечно, структурирование частных интересов стихийно идет снизу. Но в сложившихся условиях это происходит медленно и сопряжено с большими деформациями в экономическом и социально-политическом развитии общества.

¹ Кант И. Соч., Т.6, М. 1966, С.29

² Там же.

Гражданское общество: разнонаправленность интересов

Бельков О.А., доктор философских наук

Гражданское общество – явление многогранное, внутренне противоречивое. Это вполне убедительно было показано докладчиками на анализе как социальных основ гражданского общества, так и роли средств массовой информации в его становлении и функционировании. Кстати сказать, глубокие и очень интересные доклады, вызвали немало вопросов, которые свидетельствуют о том, что высказанные в них позиции не дают ни исчерпывающей характеристики рассматри-

ваемых в них проблем, ни всеми разделяемых оценок складывающихся реалий. Это совершенно естественно. Профессор Душан Релжич напомнил, что гражданское общество — неоднозначное понятие. И ни приказом, ни голосованием, ни каким другим рациональным способом привести демократическое научное сообщество к единомыслию и обязать всех придерживаться «единственно верного» понимания рассматриваемого феномена невозможно, да и вряд ли целесообразно. Как писал К. Поппер, необходимо «отказаться от наивной веры в то, что некоторое множество исторических фактов может быть интерпретировано одним единственным способом»¹.

Однако вследствие такого положения очень часто бывает так, что исследователи говорят одними словами о разных вещах. В этой связи, раскрывая какую бы то ни было грань любой стороны гражданского общества приходится вновь и вновь уточнять, с каких методологических, концептуальных, мировоззренческих позиций рассматривается исходный феномен. Я свое видение гражданского общества изложил на апрельском заседании семинара. Развивая сформулированные тогда положения, хотелось бы обратить внимание на мысль Л.И. Никовской о том, что новым общественным движениям и организациям, появившимся в последней четверти прошлого века, свойственны принципиально внеинституциональный характер, даже антиинституционализм и структурная децентрализация. Но если это так, то является большой натяжкой представление о гражданском обществе как целостности — структурированной всеохватывающей системе гражданских институтов, проникающих во все «поры» жизни социума.

Слов нет, гражданское общество в социуме, если можно так сказать, вездесуще. Однако оно не образует целостности, поскольку, с одной стороны, включает себя социально активных граждан и их объединения, во-первых, ориентированные на поддержку государства и его начинаний; во-вторых, действующие параллельно с государством, но независимо от него; в-третьих, организовано противостоящие государственной власти. С другой стороны, гражданское общество охватывает структуры, открыто вторгающиеся в сферу политики и общественной жизни, стремящиеся создать и занять «теневые ниши» в них, остающиеся откровенно аполитичными; в нем есть как образования, нацеленные на артикуляцию общественных, публичных интересов, так и объединения, призванные служить решению сугубо частных и ситуативных проблем. Но если согласиться со столь мультиплицированной и диверсифицированной системой гражданского общества, придется признать, что социальную основу его возникновения и функционирования составляет социальная дифференциация и стратификация общества, его демографическое, этнонациональное, религиозное и т.д. мно-

гообразии.

Причем усложнение общественной жизни и усиление внимания людей к собственным индетичностям становится причиной нарастающей фрагментации. А разнонаправленность групповых интересов объясняет возможность (и неизбежность) не только сотрудничества, но и конкуренции, соревновательности, и даже противостояния различных структур гражданского общества. В силу этого оно не может быть описано с помощью каких бы то ни было постоянных лекал или маркеров. Ясно, однако, что как «энергия общественной самодеятельности» (Ю.А. Красин), оно будет постоянно оставаться наряду с государством, но всегда отличной от него формой самоорганизации населения. Поэтому мне представляется, по меньшей мере, спорной идея «конвергентного процесса огосударствления гражданского общества и огражданствления государства». Как говорится, богу богово, а кесарю — кесарево.

Такое размежевание прослеживается во всех сферах жизни общества, включая информационную. Сбор, формирование, распространение и использование информации — неотъемлемая часть и необходимое условие успеха любого вида человеческой деятельности во всех сферах жизни. В ходе технического прогресса эта зависимость продолжает увеличиваться, что ведет к неуклонному повышению роли средств массовой информации. Последние выступают не только как источник сведений для неограниченного круга лиц об окружающем их мире. Они формируют мнения и оценки людей, определяя их поведение в различных социальных ситуациях, активно влияя на состояние и динамику всех социальных и политических процессов. Иными словами, средства массовой информации обладают огромным потенциалом, в силу которого, говорил докладчик, люди ожидают от них всемогущества. Объективный анализ, однако, не подтверждает этих ожиданий.

Я ставлю под сомнение расхожую ныне фразу о средствах массовой информации как о четвертой власти. Во-первых, власть, по определению, есть право и возможность принимать решения, распоряжаться кем-либо, чем-либо. И когда говорят о трех ветвях власти, имеются в виду государственные структуры и институты, которые определяют нормы и правила, обязательные для граждан, организаций и учреждений, за несоблюдение которых могут последовать самые серьезные санкции. СМИ не наделены такими прерогативами. Их властные полномочия не оговорены в конституциях, законах и других правовых актах. И вряд ли удастся найти пример, когда средство массовой информации на свой страх и риск издает обязательное для всех распоряжение. В лучшем случае СМИ формируют общественное мнение, по-

буждающее государственные структуры действовать соответствующим образом. Но сами они не принимают законы, не осуществляют оперативные управленческие функции, не вершат правосудие в установленном в государстве процессуальном порядке. Сказанное не означает, что СМИ не обладают в обществе никакой властью. Но их власть — не государственная, она лежит в иной плоскости, нежели законодательная, исполнительная и судебная власти государства. Если искать определения, то можно сказать что власть СМИ — информационная (добавив, что информационной властью обладают и все три ветви государственной власти).

Во-вторых, сами средства массовой информации представляют собой паушальное смешение значительно отличающихся явлений, к тому же подчиняющихся совершенно разным организационным, финансовым, мировоззренческим и другим принципам. Не вызывает никаких возражений тот факт, что СМИ являются одной из несущих конструкций гражданского общества. Но правомерно ли все средства массовой информации квалифицировать в качестве части гражданского общества? Сегодня средства массовой информации в стране создают структуры гражданского общества, государство, отечественный частный капитал, иностранные акторы. Но ведь хорошо известна поговорка «кто платит, тот заказывает музыку». Политическая позиция конкретного средства массовой информации во многом зависит от собственника. СМИ создают или ниспровергают кумиров, пропагандируют патриотические или космополитические идеи, сеют страх или вселяют оптимизм. Они могут, адекватно освещая ситуацию, способствовать рационализации действий государства и общества по обеспечению национальной безопасности; но могут, манипулируя информацией (дезинформация, сокрытие или искажение информации), дезориентировать людей, ослаблять их способность противостоять возникающим угрозам.

Следует согласиться с тем, что реальную опасность для общества представляет деформация системы массового информирования как за счет монополизации средств массовой информации, так и за счет неконтролируемого расширения сектора зарубежных средств массовой информации в отечественном информационном пространстве. Вот и Душан Релжич констатирует: продукция западных СМИ определенно не является тем каналом, через который общества восточных развивающихся стран могут получить решающий стимул к развитию. К тому же знак и модальность воздействия на общественные настроения средств массовой информации, созданных структурами гражданского общества, не являются однозначными.

Следовательно, и гражданское общество и средства массовой ин-

формации являются необходимым и неотъемлемым элементом цивилизованного мира, но их существование и функционирование не обеспечивает абсолютных гарантий утверждения свободы и социальной гармонии в мире.

¹ *Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – М., 1992. – 307 с.*

В поисках российского «среднего класса»

В.В. Журавлев, доктор исторических наук

Уже не первый год проблема «среднего класса» широко обсуждается на всех уровнях и во всех структурах российского общества. С его появлением, укреплением, развитием связывают перспективы благоприятных перемен в самых различных областях жизни. О нем говорят как о залоге стабильности страны, гаранте необратимости демократических перемен, необходимой предпосылке и условии становления гражданского общества и правового государства. Вместе с тем, разброс мнений относительно нынешнего состояния и перспектив эволюции российского «среднего класса» чрезвычайно велик. От полного пессимизма со ссылкой на отсутствие в нашей стране веками нарабатываемых Западом традиций общества зрелых частных собственников до «глубокого удовлетворения», когда речь заходит о «сенсационных» результатах последних социологических опросов, в соответствии с которыми уже чуть ли не 2/3 россиян готовы идентифицировать себя в качестве представителей искомого класса (задумаемся, многие ли решатся открыто признать себя бедными или нищими?). При этом у каждой из отмеченных выше оценочных противоположностей находятся сходные по своей значимости и убедительности аргументы.

А что если попытаться в этой патовой эвристической ситуации подойти к анализу проблемы как бы с обратного конца?

Мне импонирует в этой связи сформулированное Ю.А. Красиным в ходе настоящей дискуссии положение, в соответствии с которым гражданское общество – это не структура публичного интереса, а структура интереса частного, не замкнувшегося, однако, на этом последнем. Если посмотреть на проблему состояния и перспектив эволюции «среднего класса» в России как основы гражданского общества с этих позиций, то можно с полным основанием констатировать, что общество наше еще не преодолело дезинтеграционного этапа россий-

ского «транзита», а, следовательно, не успело выделить из своей среды сколь либо значимых социальных слоев или сил, которые отвечали бы сформулированным выше требованиям в качестве субъектов гражданского общества. Тем не менее...

Вспомним, как в дореволюционные годы начала XX века виделся обывателю облик типичного представителя того социального слоя, который сегодня — в новых исторических реалиях — мы называем «средним классом»? Это — «господин в котелке и с тростью», собственник-нувориш в отличие от собственника «благородного» в дворянской фуражке с малиновым околышем. Новая социальная страта утверждала себя в подспудном противостоянии с дворянским сословием в качестве промежуточного, «среднего» слоя между ним и основной массой народа. Конфликт между ними, однако, развивался в довольно четко и последовательно разрабатывавшемся правовом пространстве пореформенной капитализирующейся России.

Как сегодня видится представитель «среднего класса» в обстановке коррумпированного и криминализованного общества с аналогичным массовым сознанием? Это — достаточно, но не «излишне» состоятельный человек молодого и среднего возраста, полный планов, сил и стремления двигаться вверх по лестнице социального самоутверждения и материального достатка. Для тех, кто не достиг его уровня, он — вождельный объект, которого можно «прижать» (то ли в темном углу, то ли на посту ДПС, то ли в чиновничьем кабинете) и «расколоть» на кошелек. Сверху на него давят олигархи и крупный капитал. В отличие от последних он беззащитен в обстановке коррупции и криминального террора. Государство достаточно прозорливо, чтобы возносить его на уровне идеологических деклараций, но недостаточно сильно и последовательно, чтобы подкреплять эти декларации реальными действиями.

Сложность ситуации, в которой сегодня находится представитель «среднего класса», несет в себе зерна разнвариантного сценария дальнейшего развития событий.

С одной стороны, оказываемое на него как «сверху» — сильными мира сего, так и «снизу» — разнопорядковыми маргинальными элементами давление делает перспективы превращения «среднего класса» в эпицентр устойчивости социальной структуры трансформирующегося российского общества достаточно туманными.

С другой же стороны, частный интерес представителя «среднего класса» в сложившейся ситуации — выстоять и самоутвердиться — не является лишь его личным интересом. Он в главном совпадает с широко понимаемыми интересами общества в целом, ориентированными на стабильность и согласие, укрепление законности и искоренение

коррупции и криминала, стирание острых социальных антагонизмов и т.д. И это делает его активным и перспективным субъектом формирующегося гражданского общества.

Судьба гражданского общества в России напрямую зависит от того, какая из двух вышеупомянутых тенденций победит.

Заключительное слово докладчика Душана Релжича

Во-первых, хочу сказать, что на меня произвел самое благоприятное впечатление тот уровень, на котором идет обсуждение. Во-вторых, все участники дискуссии угодили в ловушку. Тема гражданского общества очень привлекательна. Но она и сложна. Говоря о гражданском обществе, мы можем упустить из виду самые важные проблемы, присущие модернистскому и постмодернистскому обществу. А именно: государство, сила государства, власть государства и то как это связано с гражданином. Главное в концепции гражданского общества на Западе состоит в том, что граждане не довольны своим отчуждением от власти. Протестуя против этого, молодые люди не участвуют в выборах. Однако они участвуют в демонстрациях неправительственных организаций.

Скажем, все интересуются тем, что делают глобалисты, но никто не обращает внимания на отношения, складывающиеся между гражданами и государством. Достаточно сослаться лишь на один пример. На то, что происходит в Америке во время президентства Буша. Одна из самых сильных демократий в мире ограничивает права человека, проводит агрессивную международную политику, вводит жесткую цензуру, навязанную как извне, так и внутри самих средств массовой информации. Из-за увеличения дефицита бюджета в США произошли очень серьезные изменения в международной экономической политике. По этой причине важно говорить о гражданском обществе и защищать его статус. Не упуская из поля зрения тип общества и политическую систему, которую мы обсуждаем.

Тема семинара:

«Судьбы гражданского общества и информационную эпоху» (Октябрь, 2003 г.)

Доклад

E-демокрасу и электронная демократия:
западная концепция в российском
контексте

А.Н. Кулик, кандидат технических наук

В июле 2000 г. В.Путин вместе с другими лидерами «Большой восьмерки» подписал Окинавскую хартию глобального информационного общества. Лидеры взяли на себя ряд обязательств, в числе которых обязательство «...*полностью реализовать потенциал ИКТ в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления*». Лидеры заявили, что каждый человек должен иметь возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям», и обязались такую возможность предоставить всем гражданам.

Для достижение этих целей Хартия предполагает разработку эффективных национальных и международных стратегий. США и Великобритания уже объявили о разработке государственных программ по обеспечению стопроцентного доступа к Сети.

Существует мнение, что Интернет как инструмент коренной модернизации общественной и государственной структур позволит «новым демократиям» осуществить рывок в процессе модернизации. Соответственно, и за пределами «G8», в таких странах, как Мексика, Венесуэла, Индия, а также в странах Прибалтики, в последнее время расширение использования Интернета превращается в приоритетное направление государственной политики. В Эстонии действует программа обеспечения бесплатного доступа к Интернету для *всего* населения в 2005 г.

В России во исполнение обязательств по Хартии в 2002 г. была принята Федеральная целевая программа «Электронная Россия 2002-2010». [1]

В информационном обществе условно можно выделить две взаимо-

дополняющие составляющие — экономическую («экономика, основанная на знании») и политическую — *электронная демократия*. Программа «Электронная Россия» должна обеспечить формирование в стране *электронной демократии* — такова по крайней мере официальная точка зрения (<http://www.iOne.ru/>)

Хотя **понятие e-democracy** еще не получило словарного определения, большинство специалистов сходятся в том, что основная смысловая нагрузка в нем приходится на *democracy*, и что оно предполагает использование новых ИТ для защиты и развития основных демократических ценностей, прежде всего, *участия граждан в процессах принятия решений органами власти, т.е. вовлеченности в политический процесс*. Это участие должно быть организовано таким образом, чтобы граждане могли ощутить свою причастность к политике и увидеть результаты своих усилий [2].

Очевидно, что когда будет реализована поставленная в Окинавской хартии цель — обеспечить каждому человеку доступ к информационным и коммуникационным сетям, а это не за горами даже для такой страны как Эстония, определение *электронная* отпадет само собою, так как иной, **не электронной, демократии просто не останется**.

Авторитетные немецкие исследователи Д.Фухс и М.Каазе отмечают, что термин *e-democracy* относится, прежде всего, «к технологическому аспекту в том смысле, что современная демократия изменилась или может измениться посредством сетевого взаимодействия граждан, организаций и институтов через электронную коммуникационную систему.. Эти изменения в демократическом процессе в конечном счете следует оценивать по ряду параметров; в частности, они должны (1) *обеспечить принятие более эффективных политических решений*, и (2) *повысить легитимность демократии в смысле принятия и поддержки гражданами демократического режима*». [3]

Коммуникационной средой, в которой осуществляется «сетевое взаимодействие граждан, организаций и институтов в политическом процессе», является Интернет, а для России прежде всего — Рунет, русскоязычный сегмент Интернета.

Для оценки степени и перспектив развития электронной демократии в России, в соответствии с уже сложившимся подходом в мировой практике [4], можно использовать три характеристики: (1) *уровень развития телекоммуникационной инфраструктуры и доступность Интернета для широкого круга пользователей*, (2) *ресурсная база (наполнение) политического Рунета*, (3) *развитие человеческого капитала, определяющее реальный спрос на ресурсы для политического участия*.

Телефонная плотность в России по состоянию на 2002 г. составляет 21 телефонный номер на 100 человек [5]. Для развитых стран этот по-

казатель превышает 60 номеров. Качество телефонных линий в России, по которым осуществляется коммутируемый доступ в Интернет, в большинстве случаев не обеспечивает работу с основными ИКТ, которые используются в мультимедийных политических ресурсах (проблема *последней мили*), а подключение по выделенным широкополосным линиям, которым располагают многие коммерческие структуры, слишком дорого для частных пользователей.

Эксперты существенно расходятся в оценке **численности аудитории** Интернета в России. Так, Минсвязи РФ, которое пытается сводить данные из разных источников, считает, что в 2002 году количество *постоянных* (т.е. выходящих в сеть хотя бы *раз в неделю*) пользователей Интернета в стране достигло 6 млн., что составляет около 4% населения. Но по данным Госкомстата в первом квартале того же 2002 года их было всего чуть более 0,5 млн. Уверенно можно говорить о том, что *регулярно*, а только при регулярном, а не раз в неделю, пользовании возможно какое-либо влияние, Интернетом пользуются 2-3% населения. При этом 74% пользователей приходится на крупные и средние города. Так, на долю Москвы и Санкт-Петербурга приходится 66,3%. В основном это молодые, хорошо образованные, обеспеченные лица мужского пола. Они адаптировались к изменившейся экономической и политической системе, мобильны, обладают высокими запросами и ориентированы на достижение успеха. [6]

Как показывает опыт, Интернет становился значимым фактором политики и экономики, когда **число пользователей превышало 10-15-ти процентный порог**. По программе «Электронная Россия» уже к 2005 г. к Интернету должны быть подключены все вузы, а к 2010 г. — и все средние учебные заведения. [7] Как полагают в Министерстве экономического развития и торговли, которое разрабатывало эту программу, чтобы достигнуть к 2005 г. 15% охвата населения, каждый год нужно создавать 12 тыс. общественных пунктов доступа в Интернет (киосков) (<http://www.iOne.ru/>). Если это удастся осуществить, аудитория Рунета достигнет критической массы. Но решит ли это проблемы становления электронной демократии?

Ресурсная база политического Рунета составляет по разным оценкам от 0,5% до 1,5% от общего количества ресурсов сети [8], до 3% сети занимают новости и СМИ. Несмотря на достаточно скромную долю, занимаемую СМИ, они быстро становятся функциональными информационными ресурсам. В Рунете появились сетевые версии всех основных печатных изданий. Более того, величина аудитории таких чисто он-лайн-проектов, как www.gazeta.ru и www.lenta.ru ставит их вне конкуренции с традиционными изданиями в качестве источника новостной информации. Следующим шагом в освоении Рунета

СМИ стала организация трансляций общенациональных радиостанций и телеканалов, что должно завершить его превращение в альтернативную традиционным СМИ масс-медийную среду, позволяющую пользователям с минимальными затратами быть в курсе событий, включая, естественно, и события политической жизни.

Хотя чисто политические ресурсы занимают достаточно скромное место в Рунете, большинство оф-лайн-субъектов политики обозначили в нем свое присутствие. Самым крупным из них является государство. Многофункциональный портал «Официальная Россия» (<http://www.gov.ru>) входит в 100 наиболее часто «цитируемых» сайтов Рунета — ссылки на него установлены на 1400 сайтов. С реализацией программы «Электронная Россия» портал должен стать основой *электронного правительства*.

Электронное правительство здесь — калька с английского *e-government*, понятия, тесно связанного с *электронной демократией*. Однако подход к концепции *электронного правительства* в программе «Электронная Россия» значительно отличается от концепции *e-government* на Западе.

Американское общество государственной службы (ASPA), европейские организации и структуры ООН, вовлеченные в сферу исследований и практической деятельности по развитию *электронной демократии*, используют термин *government* прежде всего в смысле *правление как процесс, действие*, а *e-government*, соответственно — как *формы и методы деятельности государственных структур по обеспечению доступа различных групп граждан к оказываемым ими услугам и информации на основе сетевых ИКТ*.

При этом, акцент в определении *e-government* стоит на *предоставлении информации и услуг гражданам*, а технологии являются только средством реализации этой функции.

Сама **концепция e-government** возникла в русле усилий, которые в начале 90-х годов XX в. стали предприниматься США и рядом других стран по реформированию органов и систем государственного управления с тем, чтобы они *«работали лучше, а стоили меньше»*. Причина в том, что в 70-80 годах они столкнулись с такой проблемой, как рост расходов на деятельность госучреждений при снижении их эффективности и неудовлетворительном выполнении своих функций, полном отсутствии ответственности чиновников. Реформы включали сокращение численности госаппарата, внедрение в практику госучреждений стандартов качественного обслуживания граждан, свойственных бизнесу, уменьшение количества внутренних нормативных документов и пр. (Кстати, рабочая группа при Администрации Президента по разработке Концепции реформирования государственной власти в России

в 1997 г. подробно анализировала эти проблемы и западный опыт их решения, но результаты ее деятельности были «положены под сукно»).

В рамках институциональных теорий основной причиной существования любой организации, в т.ч. государства, считается **сокращение стоимости транзакций**. Сетевые ИКТ кардинальным образом снижает издержки, связанные с государственным управлением. [8] Когда стало ясно, что они могут существенно способствовать тому, чтобы органы и системы государственного управления стали «работать лучше, а стоить меньше», в программах реформ появились информационные технологии, а концепция *e-government* получила ориентацию на обслуживание граждан.

Эта концепция нашла отражение в Окинавской хартии. Одно из ее положений включает «...активное использование *ИКТ* в государственном секторе и содействие предоставлению в режиме реального времени услуг, необходимых для повышения уровня доступности власти для всех граждан».

В идеале *e-government* должно обеспечить всем гражданам быстрый и простой доступ ко всем услугам государственных учреждений, а также возможность реализовать все свои конституционные права на участие в управлении государством. Помимо облегчения коммуникации граждан с государственными учреждениями концепция *e-government* предполагает **усиление контроля граждан над деятельностью органов государственного управления, введение публичных оценочных показателей**, в результате чего управление, как это зафиксировано в Окинавской хартии, должно стать *транспарентным и ответственным*. И так же как в случае с *e-democracy*, со временем приставка *e*— себя изживет.

Что же касается России, то *E-government*, переведенное на русский как *электронное правительство*, ассоциируется обычно с совокупностью министерств, комитетов, федеральных служб и агентств, т.е. с органами исполнительной власти верхнего уровня, а не с процессом, формами и методами деятельности *по обеспечению доступа граждан к услугам и информации на основе сетевых ИКТ*. Концепция *электронного правительства* оторвана от структурной реформы административной системы, которая осуществляется в соответствии с Указом Президента РФ «О мерах по проведению административной реформы в 2003—2004 годах», и имеет своей целью в первую очередь *повышение операциональной эффективности административного аппарата за счет оснащения его сетевыми ИКТ*. [8] Что волнует в первую очередь? По оценке Министерства экономического развития и торговли 95% государственных информационных ресурсов сегодня закрыты не только для широкого круга пользователей, но и для смежных госструктур, в результате чего министерства и департаменты зачастую дублируют фун-

кции друг друга и работают неэффективно, то есть издержки транзакций не сокращаются, а мультиплицируются. Программа «Электронная Россия» предусматривает создание единой метабазы данных, объединяющей информационные ресурсы, что, как утверждается, позволит добиться экономии до \$1 млрд. бюджетных средств в год (<http://www.iOpе.ru/>). Но ни о какой прозрачности, контроле граждан за деятельностью госаппарата, открытости данных мониторинга деятельности правительства, как это предусматривает концепция и практика *e-government*, нет даже речи.

E-government является важным элементом «электронной демократии», но далеко не исчерпывает ее, так как последняя включает не только взаимодействие граждан со структурами управления, но и всю сферу *сетового взаимодействия граждан, организаций и институтов через электронную коммуникационную систему*, т. е. всю сферу публичного или сферу *гражданского общества*. В этом плане Интернет-сообщество рассматривается иногда как некое киберпродолжение *гражданского общества*. С расширением доступа к Интернету до всеобщего, как это предполагается Окинавской хартией и уже успешно реализуется во многих странах, включая постсоветские, различие между ними исчезнет.

Современное общество характеризуется высокой степенью фрагментации и многочисленными группами давления, отстаивающими свои корпоративные интересы перед государством, социальные движения и инициативы становятся не менее, чем партии, значимыми акторами политического процесса. Интернет с его коммуникационными возможностями выступает в качестве мультипликатора фрагментации общества на самоорганизующиеся виртуальные группы интересов, не зависящие (или, по крайней мере, в меньшей степени зависящие) от времени и административно-географического пространства распространения информации и общения, и обладающие большим мобилизационным потенциалом. Эти интернет-сообщества людей с общими интересами определяют во многом социальную и политическую повестку дня и изменяют дискурс социальных и политических дебатов по широкому кругу вопросов. Их масштабы и потенциал влияния хорошо демонстрирует движение антиглобалистов (People's Global Action), собирающее сотни тысячи своих сторонников со всех стран для проведения акций протеста в различных странах мира.

Сетевые ИКТ порождают новые способы мобилизации, примером которых может служить движение *Flash-Mob* — «мгновенная толпа», охватившее сегодня такие страны как США, Германия, Англия и Канада, и недавно дошедшее до России. *Flash-Mob* использует для подготовки и проведения массовых акций своих сторонников Интернет-сайты, электронную почту, рассылку текстовых сообщений с персо-

нального компьютера на мобильные телефоны и в обратном направлении (в формате *SMS*).

Наиболее успешно используют ИКТ для организации политических акций виртуальные протестные группы, многие из которых не обладают ни материальными ресурсами, ни даже физическим местом существования. В США сторонники ужесточения контроля над огнестрельным оружием в День матери в 2000 г. организовали посредством пропагандистской кампании на интернет-сайте и с помощью электронной почты знаменитый «Марш миллиона матерей», собравший несколько сот тысяч участников в Вашингтоне и в 70 других городах Америки. Другая группа, «Сестры второй поправки» (к Конституции США, разрешающей хранение и ношение оружия) провела с помощью своего сайта многочисленную контрдемонстрацию — «Марш вооруженных матерей».

В Рунете также представлены правозащитные, экологические, гендерные и другие многочисленные НКО/НГО, провозглашающие целью построение гражданского общества в России, включая и те, что были созданы при поддержке и участии международных организаций, как например, Международный фонд избирательных систем (IFES). Свои сайты имеют все 48 политических партий, зарегистрированных Минюстом в соответствии с новым законом о партиях.

В роли контрагента власти в Рунете выступают многочисленные информационные проекты Фонда эффективной политики. Среди них, такие как *Страна.ru*, *Форум сторонников Президента* и «Единой России» *ВВП.ru* (<http://www.vvp.ru/>), *Политическая экспертная сеть Кремль.Org*, которая, как заявлено, «спроектирована как система удаленной экспертизы политических процессов, коммуникативная площадка экспертного сообщества и власти» (<http://www.kreml.org/>).

Выступление Б.Ельцина в Рунете в мае 1998 г. положило начало интенсивному освоению политической элитой этой коммуникационной среды. Интернет-конференции привлекают политиков эффектом массовости общения, не ограниченного как у СМИ временем приема и регионом вещания, беспрецедентным снижением транзакционных издержек, сравнительной простотой организации и, что немаловажно для политиков, возможностью фильтровать неудобные вопросы и избегать уточнений, сводя тем самым до минимума вероятность негативного эффекта общения. Политики и администраторы разного уровня активно создают свои персональные страницы в Интернете.

Однако, *электронная демократия* — это не только совокупность ресурсов сети, созданных субъектами политического процесса, но и их регулярная аудитория, использующая ИТ для политического участия, т.е. *человеческий капитал*.

Каков же реальный спрос на эти достаточно скромные, как уже отмечалось выше (05-1,5%), ресурсы Рунета для политического участия среди тех 2-3% молодых, активных, настроенных на успех россиян, что являются его регулярными посетителями?

Согласно данным, приведенным в работе [6], количество востребованных аудиторий политических ресурсов исчисляется даже не двухзначными, а однозначными числами, и большинство из них имеет низкую посещаемость. К политическим сайтам обращается менее 1% интернет-пользователей. В Рунете существует не более двух десятков «живых» форумов на политические темы, количество сообщений (реплик) в которых превышало бы 100 в месяц. Практически возможности Интернета используются главным образом для информационного обмена внутри самой политической элиты.

В чем причины низкой востребованности политического Рунета? Их следует искать в *политической культуре* постсоветской России, а также в тесно связанной с нею причинно-следственной зависимостью политической системе. Под культурой я здесь имею в виду, прежде всего, *доминирующие политические установки, включая поддержку демократии, отношение к политической системе, к выборам, многопартийности как институту, вовлеченность в политический процесс,*

Одним из главных универсальных мотивов политической вовлеченности граждан является стремление оказать влияние на власть для защиты своих интересов, изменения социально-экономического положения индивида или группы. При слабости институтов гражданского общества основным способом массового политического участия остаются *выборы*, а основной легальной формой — *членство в политических партиях.*

В опросе на сайте www.v2003.ru в августе этого года 76,3% опрошенных заявили, что не доверяют результатам подсчета голосов на выборах, а согласно данным опроса общественного мнения агентством *WPS Monitoring Agency* (2003 г.), 60% россиян уверены, что их участие в выборах не может что-либо изменить.[9]

В ходе другого, всероссийского опроса (1998 г.) на вопрос «какие способы отстаивания собственных интересов Вы считаете наиболее результативными в нынешних условиях?», 36,5% опрошенных заявили, что не видят никаких, 32,2% указали на использование личных связей, еще 18,7% — на «решение проблем с помощью вознаграждения» (эвфемизм взятки, предложенный организаторами опроса). К участию в деятельности партий для отстаивания интересов в течение предшествовавшего опросу года реально прибегали 0,5%. [10]

В отсутствии действенных политических способов влияния на власть, исчезает стимул к политическому участию. По данным РО-

МИР, около 3/4 российского общества характеризуют себя как «пассивных наблюдателей за политической жизнью», тогда как активная часть не превышает 7 % и лишь 0,7 % граждан входят в партии и организации. И только 0,3 % ведут в них активную работу. [11]

Политический Рунет отражает эти тенденции: новостные сайты остаются наиболее востребованным ресурсом, удовлетворяющим любопытство «пассивных наблюдателей», тогда как интерес пользователей Рунета, а это, как я уже говорил, наиболее мобильная и социально активная часть общества, к участию в политической жизни спустился к нулевой отметке. [6] Фактически это указывает на закат публичной политики.

Такое отношение общества к политическому участию в значительной мере предопределено конституционным дизайном 1993 г., который вернул Россию к моноцентрической модели власти, где глава государства (сегодня это — президент) обладает наибольшим влиянием на процесс принятия решений, тогда как полномочия парламента крайне ограничены. Парламент не может формулировать государственную политику, оказывает минимальное воздействие на формирование институтов исполнительной власти, почти не влияет на их деятельность.

Адекватно реагируя на политические реалии, российское общественное мнение ставит Президента на первое по значимости место среди субъектов политики, на второе — «олигархов, банкиров, финансистов». [12] Сегодня, когда история с «ЮКОС» указала «олигархам, банкирам, финансистам» на их должное место, президент фактически остается единственным субъектом политики. Президент в прямом эфире телевидения, которое служит основным источником информации для 79% населения [13], общается с народом и здесь же на месте решает все жизненно важные проблемы конкретных граждан — предоставления гражданства, увеличения пенсии, газоснабжения поселка. Президент подписывает указы о повышении зарплаты бюджетникам, а исполнительная власть повышает тарифы на электроэнергию, газ и коммунальные услуги. Рейтинг доверия общества президенту растет, а другим институтам представительной демократии — падает.

Неудивительно поэтому, что по данным ВЦИОМ 2002 г., только 5% населения верили, что Дума принимает нужные для страны законы и решения, тогда как 27% полагали, что, хотя Дума обсуждает нужные законы и решения, она все равно не в состоянии обеспечить их реализацию, а 50% — что Дума занимается бесполезным выяснением отношений с исполнительной властью. [12]

Неудивительно также, что в 1999 г. 49 % россиян были убеждены, что «для страны хорошо иметь сильного лидера, который бы не беспокоился о парламенте и выборах». [14]

Там, где нет нужды в парламенте и выборах, нет места и самостоятельным политическим партиям. По данным Фонда «Общественное мнение», на конец 2000 г. 55% россиян считали, что партии «не приносят пользы», и только 25% придерживались противоположного мнения. Абсолютное большинство россиян воспринимало межпартийную борьбу как помеху эффективной работе власти. [15] Такое восприятие партий объясняет отсутствие значимого интереса к партийным сайтам Рунета.

Политический Рунет является в какой-то степени зеркалом политических процессов, происходящих в России. Так, ВЦИОМ в аналитическом обзоре за 2002 г. констатирует, что «Основным содержанием политических процессов в стране стали попытки стабилизировать («выстроить») все факторы и сферы активности вокруг «административного центра» власти, т.е. президентского аппарата со всеми его специальными и локальными рычагами (прокуратура, ФСБ, представители в округах и др.)». [12] Рунет, как показывает динамика посещаемости ресурсов, отреагировал на это политическое развитие вытеснением на второй план собственно политических ресурсов и замещением их политическими новостями. *Снижение интереса интернет-аудитории к политике*, как констатирует исследование [6], *имеет безусловную точку отсчета — избрание В.Путина президентом России.*

Россия подписала Окинавскую хартию в качестве полноправного члена «Большой восьмерки», клуба самых влиятельных в мире постиндустриальных стран. Не подписать ее она не могла — членство в клубе обязывает. Но российские проблемы «электронизации» демократии, т.е. использования сетевых ИКТ для защиты и развития основных демократических ценностей, и, прежде всего, *участия граждан в процессах принятия решений органами власти, транспарентного и ответственного правления*, это — проблемы страны, переживающей процесс постсоветской трансформации. Они лежат, прежде всего, в сфере отношения к этим ценностям как управляемых, так и управляющих, в социально-психологическом состоянии общества, для которого характерны политическая апатия и патерналистские установки массового сознания, персонафикация национальной политики в фигуре Президента. Это состояние сложилось с завершением переходного периода в политической истории России от советской декоративной демократии, через демократию беспорядка к постсоветской управляемой демократии. [16]

Что касается управляемых, то, согласно данным опроса общественного мнения агентством *WPS Monitoring Agency*, только 14% россиян полагают, что Россия является демократической страной, тогда как 54% таковой ее не считают. [10] Более того, международный монито-

ринг фиксирует низкое значение поддержки демократии в российском обществе, даже на вербальном уровне. Так, если медианное значение публичной поддержки демократии по 70 странам мира, включая 10 исламских, составляет 92 %, то в России — 62%. Это меньше даже чем в Пакистане, где в поддержку демократии высказалось 68%. [14]

Другая сторона проблемы заключается в том, в какой мере заинтересованы управляющие в формировании демократии в терминах *информированной, ответственной и осмысленной (делиберативной) вовлеченности управляемых и ответственного, подотчетного обществу и легитимного правления управляющих*.

По оценке независимых экспертов *Freedom House*, неправительственной организации, осуществляющий мониторинг политического развития по 27 посткоммунистическим странам, в России (аналитический отчет за 2003 г.) не происходит консолидации институтов демократии. Напротив, отмечается существенный по сравнению с 1997 г. (начало мониторинга) откат по таким параметрам, как *электоральный процесс, гражданское общество, независимые СМИ* и др. [10]

Реализация целей информационного общества, провозглашенных Окинавской хартией, таких как «укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления», открытого для диалога с гражданами, вполне может поставить под сомнение легитимность политического режима в том виде, в каком он существует сегодня. Готов ли он пойти на это? И насколько искренне его стремление выполнить обязательства, накладываемые Хартией?

Даже если взять только проблему «электронного правительства», как она поставлена в программе «Электронная Россия», т.е. как проблему повышения эффективности работы административного аппарата посредством внедрения сетевых ИТ, которые сделают ненужными множество бюрократических структур и их функций, неизбежно возникает вопрос, а готова ли бюрократия добровольно расстаться со своей статусной рентой, служащей источником криминальных доходов, и пойти на сокращение своих рядов, или же она своим скрытым сопротивлением сведет на нет социальные результаты внедрению ИКТ в условиях гражданской пассивности общества?

Наконец, последнее замечание. Интерес к e-government на Западе не в последнюю очередь вызван стремлением преодолеть затяжной кризис доверия постиндустриального общества к институтам представительной демократии — выборам, парламентам и традиционным политическим партиям, — возникшим в эпоху модернити. Так, например, участие в выборах в Великобритании упало за период с 1997 до 2001 гг. с 71 до 59,5 процентов, а в категории избирателей от 18 до 24 лет в выборах 2001 г. приняли участие только 40%. Численность Кон-

сервативной партии к 2001 году сократилась с конца 80-х годов более чем в три раза. В выборах Европейского парламента участвуют обычно не более трети избирателей. Эта тема кризиса звучит лейтмотивом в большинстве дискуссий о проблемах электронной демократии на Западе.

Государство и политические организации стремятся приспособиться к новым реалиям постиндустриального общества и использовать возможности сетевых ИКТ для укрепления своей легитимности, снятия отчуждения граждан от власти, расширения их политической вовлеченности. Многие страны, и не только лидирующие в технологическом развитии, но и такие, как, например, Эстония, ставят своей ближайшей целью обеспечить 100% бесплатный доступ населения к Интернету.

В какой мере им это удается? Одним из последних исследований влияния Интернета и ИКТ на политические процессы стал проект Совета по экономическим и социальным исследованиям Великобритании (ESRC) «Интернет, политические организации и участие – 2001-2003» (*Internet, Political Organisations and Participation Project, 2001-2003*). Его цель — анализ того, как различные политические организации — основные партии и партии второго плана, НКО/НГО, протестные движения — используют ИТ для вовлечения граждан в политическое участие [17]. В целом оно показало, что даже в тех странах, где значительная часть населения уже имеет доступ к Интернету, а в Великобритании это около половины, ИКТ сегодня оказывают еще *достаточно скромное влияние* на расширение политического участия. Национальный опрос 2002 г. выявил, что в онлайнное политическое участие в Великобритании вовлечено около 17% тех, кто когда-либо участвовал в традиционных политических мероприятиях.

Представляется, что эти результаты подтверждают наше предположение, что проблемы формирования электронной демократии лежат, прежде всего, в социально-политической сфере, и тем серьезнее они выглядят в российском контексте.

1. Окинавская хартия глобального информационного общества. Принята 22 июля 2000 года лидерами стран «Большой Восьмерки». <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html>

2. «Проект электронной демократии». Government Online International Network. <http://www.governments-online.org/projects/e-democracy/>

3. Dieter Fushs and Max Kaase. *Electronic Democracy*. Paper prepared for delivery at the XVIIIth World Congress of the International Political Science Association (IPSA), August 1-6, 2000, Quebec City, Quebec, Canada

4. Алексей Кузьмин. Два измерения «электронного правительства»:

потенциал и практическое использование.

<http://www.processconsulting.ru/project/TwoChg.pdf>

5. «СМИ постсоветской России». Под ред. Я.Н. Засурского. М., 2002. С. 20

6. *Б.В. Овчинников*. Виртуальные надежды: состояние и перспективы политического Рунета // «Полис», М., 2002, № 1

7. *С.Лесков*. Семимильные шаги Интернета // «Известия», 26,10,2001

8. *Д.Песков*. Интернет в российской политике: утопия и реальность // «Полис», 2002 № 1

9. Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999. С. 206

10. <http://www.freedomhouse.org/research/nattransit.htm>

11. *Е.И. Башкирова*. Трансформация ценностей российского общества // «Полис», 2000, №6 (<http://www.politstudies.ru/fulltext/2000/6/5.htm>)

12. Общественное мнение 2002. М.: ВЦИОМ. 2002 <http://www.wciom.ru/vciom/info/cnew/opinion2002.htm>

13. Опрос ноября 2000 г. на выборке 1500 человек в 23 регионах России

14. Данные международного мониторинга публичной поддержки демократии World Values Survey, приведенные в *R. Inglehart*. How Solid is Mass Support for Democracy – And How We Can Measure It? // Political Science and Politics Vol XXXVI No. 1. 2003. pp. 53

15. Фонд «Общественное мнение». Политические партии в современной России. Всероссийский опрос 08 Ноября 2000 г.

16. Россия в избирательном цикле 1999-2000 годов. Под ред. М.Макфола, Н.Рябова и А.Петрова. – М.: «Гендальф». – 2000 (<http://pubs.carnegie.ru/russian/>)

17. <http://www.ipop.org.uk/>

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (Г.И. Вайнштейн):

Вы говорите о двух аспектах информационного общества: экономическом и политическом. Называя программу «Электронная Россия», Вы имеете в виду только политический аспект или я неправильно понял?

Ответ: Неправильно. Цели и задачи программы сформулированы на базе основных положений Окинавской хартии глобального информационного общества, с учетом стратегии социально-экономического

развития России на период до 2010 года, а также некоторых других отечественных нормативных документов. В преамбуле программы констатируется, что «применение ИКТ имеет решающее значение для повышения конкурентоспособности экономики, расширения возможностей ее интеграции в мировую систему хозяйства, повышения эффективности государственного управления и местного самоуправления». Программа ориентирована, прежде всего, на экономику и органы государственного управления. Но, как заявлено в программе, ожидаемым результатом ее реализации должно стать также «создание правовых, организационных и технологических условий для развития демократии за счет реального обеспечения прав граждан на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации». Предметом моего сообщения является *электронная демократия*. Ссылаясь на Программу, я ограничился только одним этим аспектом информационного общества.

Вопрос (Н.Ю. Лапина):

Просила бы уточнить: вы говорите, что Окинавская хартия и Программа «Электронная Россия» в перспективе будут способствовать повышению операционной эффективности деятельности правительства. Это всего лишь доброе намерение или уже в мире ИКТ используются в процессе принятия решений правительствами? Я не случайно задаю этот вопрос, потому что знаю: в Европе существует очень серьезная проблема — функционирование административных органов европейского сообщества стоит безумных денег. Например, документы из Страсбурга в Брюссель и обратно возят целыми поездами и это приводит в шок, как политиков, так и налогоплательщиков. Какая же перспектива ждет нас?

Ответ: *E-government* — не только концепция, но и реальность, результат последовательных усилий по реформированию органов и систем государственного управления с целью повышения их эффективности, которые предпринимаются в странах Запада (и не только) уже на протяжении длительного времени. В США, например, реформы административного аппарата начались еще в первый срок президентства Б.Клинтон. Но, хочу подчеркнуть, в концепции *e-government* речь идет не только и не столько о сокращении численности госаппарата и уменьшении объема внутреннего документопотока на основе ИКТ, а о более серьезных вещах, о том, чтобы, обеспечить *всем* гражданам быстрый и простой доступ ко *всем* услугам государственных учреждений, сделать государственную власть прозрачной и ответственной, и дать возможность гражданам реализовать свое конституционное право на участие в управлении государством. В США и многих других странах для обозначения этих радикальных реформ использовался термин *reinventing the government*, который можно пере-

вести как «создание правительства заново».

Трансформация *government* в *e-government* – не одноразовый акт, а поэтапный процесс. В США в нем выделяют четыре «волны прогресса». Если на первом этапе, относящемся к 2001 г., акцент ставился на использование электронной почты и предоставление гражданам информации, то конечной целью (2005 г. и далее) является создание «правительства по требованию» (*government on demand*).

Обязательным элементом программ *e-government* является *мониторинг и оценка* – систематический сбор информации по определенному набору количественных индикаторов о выполнении программы и ее успешности, т.е. о том, насколько улучшается (улучшилась) жизнь граждан в результате перевода услуг государственных структур в электронную форму; насколько облегчается (облегчилась) деятельность бизнеса; насколько повышается (повысилась) эффективность работы правительственных учреждений.

Одна из ведущих мировых консалтинговых компаний в сфере менеджмента и информационных технологий Accenture провела анализ развития *e-government* в мире. По результатам исследования группу лидеров в 2002 г. составили Канада, Сингапур и США.

Европейским Союзом еще в 1995 году была инициирована программа «Электронная Европа», включающая в качестве компонента *e-government*. Европейское Сообщество профинансировало Проект SIBIS — «Статистические индикаторы для информационного общества» («Statistical Indicators Benchmarking the Information Society») корпорации RAND, и раз в два года с помощью служб Европейской Комиссии, и данных «Евробарометра» осуществляется мониторинг выполнения и оценка эффективности результатов программы.

Программа «Электронная Россия» создавалась Министерством экономического развития и торговли. Может быть поэтому в ней изначально доминирует инструментальное начало – повысить конкурентоспособность экономики и эффективность работы госаппарата за счет оснащения сетевыми информационными технологиями. Я уже говорил, что ожидаемый экономический эффект только от объединения информационных ресурсов министерств и ведомств должен составить порядка 1 млрд. долларов в год.

Вопрос (В.В. Серебрянников):

Об эффективности правительственных решений с использованием Интернета можно судить из практики. Но можно ли сказать, что Интернет и информатика позитивно влияют на разработку программ политических партий, они активно используют такую возможность и у них есть свидетельство того, что без использования Интернета они не смогли бы достичь необходимого уровня? Есть ли данные по нашей стране, что использование Интернета способствует научным исследо-

ваниям?

Ответ:

Начну со второй части вопроса. Мне не известны какие-либо обобщенные количественные оценки влияния Интернет на отечественную науку. Рассуждая на содержательном уровне, можно утверждать, что Интернет создает беспрецедентные возможности для научной коммуникации и обмена информацией, которые составляют основу получения нового научного знания. В Рунете, по моим оценкам, сегодня имеется порядка тысячи сайтов с материалами по политической науке и политическому процессу, включая отечественные и зарубежные периодические издания, различного рода аналитические материалы, теоретические исследования, эмпирические данные и данные социологических опросов, информацию о субъектах политики. Часто эти материалы существуют или доступны только в электронном виде, что делает Рунет практически безальтернативным источником информации для исследований (подробнее смотри: *А. Н. Кулик*. «Всемирная паутина» для политической науки, образования и политического участия. // «Политическая наука», М., 2002, №1). По собственному опыту знаю, что когда меня в ИНИОНе в середине каждого месяца отключают от Интернет за «перерасходование лимита трафика», продуктивность работы падает на половину.

Что касается политических партий. В Великобритании, например, партии стали создавать сайты в конце 90-х гг. Первоначально это была скорее символическая дань моде, но с расширением числа пользователей Интернета сайты взяли под свой контроль PR-разделения партий и включили их в стратегию коммуникации. Сайты выполняют три основных публичных функции:

— эффективное распространение информации: на сайтах можно получить гораздо большее количество новостной информации, чем через СМИ без каких-либо затрат со стороны пользователя;

— повышение информированности общества: сайты позволяют партиям и политическим организациям донести свои сообщения до общества без цензурирования и редактирования, неизбежного в СМИ мейнстрима;

— интерактивность участия: через технологии чата, интернет-конференций и почтовых списков партии и организации могут способствовать установлению диалога со своими сторонниками и между ними и, тем самым, способствовать вовлечению в процесс принятия решений людей на уровне «корней травы», расширению «демократия участия».

Лейбористская партия провела в 2002-2003 гг. на своем сайте несколько он-лайн-кампаний «вопрос-ответ» с участием ведущих деятелей партии. Подобные сессии с участием членов кабинета по вопросам пенсионного обеспечения провела крупная общественная

организация «Проблемы пожилых» (Age Concern). Лучше всего сайты справляются с информированием общества – они предлагают детальную информацию о партии (организации) и профильные подборки новостей. Они способствуют также повышению собственной организационной эффективности, информируя членов партии о планируемых мероприятиях и потребности в услугах волонтеров. Хуже всего – с рекрутированием новых членов, мобилизацией сторонников и организацией активных кампаний. Тем не менее есть и положительные примеры. Так около трети членов общественного объединения «Сельский Альянс» (Countryside Alliance) отметили при опросе, что сайт объединения стимулировал их участие в широкомасштабной акции «Поход на Лондон 2002». ¹

В США партии в дополнение к функциям информирования, организации и мобилизации активно используют сайты для сбора пожертвований на проведение избирательных кампаний.

В России сегодня все партии, зарегистрированные Минюстом в соответствии с требованиями Федерального закона «О политических партиях» от 14 июля 2001 г., имеют сайты в Интернет. Лучше всего сделаны и наиболее часто посещаемы сайты Союза правых сил и «Яблока». Но беда всех отечественных партийных сайтов, о чем я говорил в своем сообщении, в том, что к политическим сайтам в целом обращается менее 1% пользователей Рунета, а число «живых» форумов на политические темы, не превышает двух десятков.

Вопрос (К.Г. Холодковский):

Откуда взялась цифра что именно 15% пользователей Рунета создадут критическую массу.

Ответ:

Данная цифра основана на опыте, полученном странами, продвинувшимися в своей информатизации далеко за указанные пределы. Она стабильно переходит из публикации в публикацию и используется для оценки перспектив формирования информационного общества в России, в частности представителями Министерства экономического развития и торговли. Причем, существуют два варианта – называются 10 процентов и 10-15% процентов. Принято считать, что когда к Интернет начинают регулярно обращаться 10-15% населения, наступает так называемый *факс-эффект*, при котором увеличение влияния ИКТ на экономику и политику принимает характер цепной реакции. Но существует и другая сторона проблемы. Может ведь произойти и так, что при обеспечении доступа 15 % населения к Интернет, спрос на ресурсы для политического участия окажется гораздо ниже. Так, по данным мониторинга [Rambler's Top100](#) предпочтения пользователей Рунета за июль 2003 распределилась по тематике следующим образом: Компьютеры и Интернет – 21%; Развлечения –9% (порно и зна-

комства); Новости и СМИ – 2% (Ирак, фабрика звезд); Бизнес – 14% (из рук в руки, работа); Общественная жизнь – 4% (социология, таможня)²

Вопрос (Ю.А. Красин):

Название доклада говорит о том, что мы как бы идем вслед за Западом. Но там задумывались об отношении электронных средств информации к демократии еще в 70-х годах. Тогда прошла широкая дискуссия в СМИ, была выпущена книга А. Этциони, где отмечены были как позитивные стороны так и несостоятельность самого этого понятия «электронная демократия». В связи с этим вопрос: к каким выводам пришло западное общество?

Ответ:

Будет точнее сказать, что не «автор исходит из того, что мы как бы за Западом идем», а то, что Россия разделяет изложенные в Окинавской хартии концептуальные положения, и берет на себя обязательства по их реализации наряду с другими странами — членами «Большой восьмерки». Но, как я говорил, национальные программы формирования информационного общества, в основе которых лежит общая концепция, реализуются и далеко за пределами «Большой восьмерки». Так сравнительный анализ и мониторинг реализации этих программ на 2002 год проводился на основе единого набора индикаторов по 23 странам.

Что касается академической дискуссии относительно плюсов и минусов «электронной демократии», то любая такая дискуссия относительно социальных инноваций неизбежно содержит аргументы за и против. В этом ее смысл. И А. Этциони далеко не единственный автор, который высказывался на данную тему. Так, Д. Белл в своей книге «Социальные рамки информационного общества» (Bell D. The Social Framework of the Information Society. Oxford, 1980) говорит о необходимости принятия законодательных мер для обеспечения свободного доступа к информации, с одной стороны, и предотвращения угрозы политического и полицейского наблюдения за индивидами с использованием информационной техники. Отменить Интернет и ИКТ невозможно и только от самого общества зависит не дать власти использовать их для тотальной слежки за гражданами и сокращения их возможностей влиять на политический процесс. Кроме того, сухой остаток академических дискуссий в открытом обществе реализуется в принимаемых политических решениях. В той же Хартии зафиксировано в качестве одного из ключевых направлений «развитие эффективного и значимого механизма защиты личной жизни потребителя, а также защиты личной жизни при обработке персональных данных, обеспечивая при этом свободный поток информации», а ее основным постулатом выступает доступ к информации «всех без исключения

людей». Я ни в коей мере не идеализирую западные политические системы, но стоит ли думать, что опасности для демократии, связанные с ИКТ, осознаются западным обществом в меньшей степени, чем российским? Академическая дискуссия на этот счет продолжается. В Американской ассоциации политической науки существует специальная секция «ИТ и политический процесс», а со следующего года начинает выходить специализированный журнал «Journal of E-Government» (The Haworth Politic Press).

Вопрос (С.С. Сулакшин):

На днях А.Вешняков на одном из международных форумов в Англии заявил, что Россия впереди планеты всей. Она обошла многие страны, более богатые, продвинутые, способные себе позволить (но по каким-то причинам не позволившим) создать электронную систему выборов – ГАС-Выборы. В этой связи вопрос: что это за такой нелинейный прорыв страны, которая по количеству телефонов, интернет-пользователей, компьютеров далеко отстала от продвинутых стран. И второй вытекающий отсюда вопрос: не есть тут какое-то неясное смещение двух существенно разных производных функций электронизации — электронного управления, администрирования, государственного управления и электронной демократии, сутью которой может быть электронная антидемократия. Ведь в сеть каждого пользователя можно подключить наушничек, а в каждую систему ГАС-Выборы поставить «красную кнопку». Одну единственную на всю страну и управлять процессом в пользу владельца этой «красной кнопки». И никто не сможет проверить наличие «красной кнопки» и установить достоверность результатов.

Ответ:

Я не знаю, какие технологические прорывы были воплощены в создании ГАС-Выборы, но не думаю, что там было открыто что-то принципиально новое. Мне кажется, в основе появления ГАС-Выборы лежит финансовый фактор. Нашлись, очевидно, люди, которые сумели убедить власть имущих в том, что такая система будет для них полезна, и получить финансирование. Трудно увидеть прямую связь между электронной (или не электронной) демократией и этой частной технологической проблемой подсчета результатов голосований, если, конечно, отвлечься от проблемы «красной кнопки». Одно различие очевидно: электронная демократия делает акцент на прозрачности политического процесса и деятельности государственных структур, а идеологи ГАС-Выборы считают ее первейшим достоинством изолированность от Интернета, а целью – повышение операциональной эффективности аппарата Центральной избирательной комиссии.

Вопрос (О.А. Бельков):

Смысл моего вопроса состоит вот в чем. Один из основных элементов демократии – это обеспечение сменяемости и выборности властей. Цифры, которые вы приводили, показывают, как растет у нас электронная насыщенность. В концептуальном плане увеличивает ли эта насыщенность ту активность и эффективность участия людей в избрании всех органов власти.

И вторая часть вопроса: все ораторы-докладчики, обсуждая проблемы гражданского общества, однозначно подчеркивали, что сегодня демократия, в том числе и на Западе, переживает кризис. Нарастает политическая индифферентность членов общества. На этом фоне развитие электронной техники устраняет ли эту индифферентность? Повышает ли политическую активность людей, делает ли их действительно заинтересованными участниками процесса формирования власти?

И последний вопрос касается электронного правительства. Он мне совершенно не ясен. Что это за виртуальная организация? Как электронное правительство действует и соотносится с живым правительством? Кто на кого влияет, кто кого формирует, кто кем руководит?

Ответ:

По первому вопросу. Процесс внедрения ИКТ в общество, экономику, политическую систему и деятельность административных структур власти необратим. Со временем, для одних стран раньше, для других — позже, просто не останется политических процессов, в которых бы не использовались ИКТ. Соответственно, при обеспечении свободного доступа к этим ИКТ всех граждан, а это является одним из ключевых положений Окинавской хартии, определение «электронная» к понятию «демократия» исчерпает свое функциональное назначение. Точно так же, как определение «информационное» по отношению к обществу в постиндустриальных странах.

Увеличит ли насыщенность ИКТ «активность» и эффективность участия людей в избрании всех органов власти? ИКТ — это всего лишь технологии, которые создают потенциальные возможности расширить вовлеченность людей в политическое участие и интенсифицировать этот процесс. Демократия предполагает не только выборы власти, но и общественный контроль за ее деятельностью, и непосредственное участие в принятии политических решений, и формирование общественного мнения, которому должно следовать в своей политике государство. ИКТ позволяют делать это более эффективно, чем традиционные формы и методы участия. В какой мере эти возможности реализуются, зависит, прежде всего, от искренности намерений власти и человеческого капитала общества. Власть не везде и не всегда может оставаться безразличной к проблеме собственной легитимности. Участие в парламентских выборах в Великобритании, например, в 2001 г. было самым низким за весь период времени с 1918 г. Скепти-

цизм по отношению к политическим партиям и политикам растет. Это волнует власть, поскольку последствия усиления негативных тенденций могут иметь катастрофические последствия и для управляющих, и для управляемых. Вернуть доверие к власти, сделать так, чтобы люди ощутили, что они влияют на процесс принятия решений – конечная цель, которую ставят перед собой практически все программы *E-democracy*.

Относительно последнего вопроса. *Electronic government* означает буквально «электронное правление» или «электронное государственное управление». В современном русском языке «правительство» означает исключительно «совокупность органов государственной власти» или «исполнительный и распорядительный орган государственной власти в стране». Таким образом, использование словосочетания «электронное правительство» в качестве русского эквивалента *electronic government* не вполне точно отражает смысл данного понятия. Как я уже говорил в своем сообщении, *e-government* как концепция и практика – это *формы и методы деятельности (реформированных) государственных структур по обеспечению доступа различных групп граждан к оказываемым ими услугам и информации на основе сетевых ИКТ*.

Вопрос (О.А. Бельков):

Но если сейчас правительство ухитряется дезинформировать электорат, то вы считаете, что при электронной власти этого не будет?

А.Н.Кулик:

Противостояние общества и власти, расхождение их интересов всегда было и всегда будет. Но *e-government*, узаконенное в качестве юридической нормы, повышает шансы граждан добиться прозрачности в деятельности государственных учреждений, поставить их под постоянный контроль и влиять на принимаемые ими решения.

Вопрос (Л.Н. Тимофеева):

Я бы хотела поблагодарить докладчика за разработку сложной темы и поддержать его. Известно, что в 70-е годы, когда на Западе в среде чиновников внедряли компьютеры, то появилось движение современных луддитов: чиновники протестовали против сокращений и ломали компьютеры, дабы доказать, что без них правительство справиться не сможет.

У меня следующий вопрос: можно ли говорить о том, что компьютерные технологии внесут принципиальную новизну в систему политических отношений? Об этом собственно говорили коллеги, только я заостряю вопрос. Действительно, принципиальная новизна появляется в системе политических отношений благодаря компьютерным технологиям. Насколько мне известно происходит замена старых тех-

нологий новыми в рамках имеющихся политических ролей. Новые политические роли уже не появляются. Возьмем, например, Италию, где появились новые медиа-партии Берлускони, Ж.Поло. Последний придумал медиа-партию и помогает нашей «Партии жизни» утвердиться во власти. Что же происходит по сути: бабушку Берлускони агитировали в свое время следующим образом – приходили домой и говорили, что если она не проголосует за кандидата, то будет гореть в аду. Сейчас это заменили политической рекламой на телевидении. Помеялись технологии.

Второе. Не происходит ли на самом деле формализация отношений между управляющими и управляемыми? Интересный эксперимент провела общественность Америки: в Белый дом было отправлено 10 совершенно пустых писем на имя Президента. И было получено 10 ответов: спасибо за сотрудничество. Разве не показательно?! Вопрос мой связан с тем кто кого больше контролирует в связи с внедрением электронной демократии – правительство общество или общество правительство?

Ответ:

В 1997 г. Дж. Уильямс получила Нобелевскую премию Мира за свой вклад в кампанию за запрещение противопехотных мин. Ей удалось привлечь к участию в кампании более 1 тыс. экологических, женских, детских, религиозных, врачебных и других неправительственных организаций из 55 стран мира. Когда ее спросили, как ей удалось объединить такое количество столь различных организаций, она ответила: «С помощью e-mail». Сегодня e-mail — уже самая элементарная ИКТ. В Великобритании в 2003 г. два студента, не обладающие никакими материальными ресурсами, но имеющие выход в Интернет, организовали кампанию, направленную на то, чтобы привлечь внимание властей к проблеме платы за учебу. В течение года они собрали через Интернет порядка 100 тысяч подписей под петицией, которую направили в правительство. Как вы считаете, это — новые формы и способы политического участия, или ИКТ ничего не меняют в политических отношениях? То же самое с движением антиглобалистов, которое стало возможным только благодаря Интернет. Разве оно не влияет на политическую повестку и подход к обсуждению проблем глобализации?

Если от частных примеров перейти к обобщениям, то политический процесс — это процесс коммуникации между управляющими и управляемыми по поводу распределения власти и ресурсов, и технологии коммуникации оказывают не него существенное воздействие. Появление Интернет как качественно новой информационно-коммуникационной среды и расширения доступа к нему на все дееспособное население может иметь последствия для эволюции политической

системы информационного общества, сопоставимые по своей значимости с последствиями расширения избирательного права на все дееспособное население в индустриальном обществе.

Последнее привело в конце XIX – начале XX вв. к созданию массовых политических партий, артикулирующих и представляющих групповые интересы граждан. Они взяли на себя роль основным посредников между обществом и государством и стали важнейшим политическим институтом иерархически организованной представительной демократии. Но в информационном обществе начала XXI в., устроенном по сетевому принципу, функция выявления и артикуляции интересов общества, являвшаяся изначально прерогативой политических партий, перешла к многочисленным СМИ, общественным организациям, организованным группам интересов, независимым социологическим центрам и самим структурам государственного управления, – обязательной принадлежностью публичных интернет-сайтов становится **Форум**, где посетители могут выразить свое мнение по тем или иным проблемам общества и поучаствовать в открытой дискуссии. В *e-government* посредническая функция политических партий становится во многом излишней, что радикально меняет парадигму политического участия, гражданского общества, и, в конечном счете, партийной демократии в целом. Не случайно, идея прямого народовластия, постоянно присутствовавшая в политическом дискурсе в качестве оппонента представительной демократии получает сегодня новое дыхание. Прямая демократия как форма правления возникла в античных полисах. Физическим критерием ее применимости в отсутствии коммуникационных технологий (если не считать таковой акустические качества амфитеатра) служило расстояние, на котором собравшиеся одновременно на площади полиса граждане могли общаться с обращающимся к ним оратором. Этот критерий ограничивал величину социума, в котором возможна прямая демократия, несколькими тысячами человек. Интернет как инфо-коммуникационная среда снимает пространственно-временное ограничение коммуникации и усиливает позиции сторонников плебисцитарной демократии, которые считают, что чем больше вопросов выносится на всенародный референдум, тем больше демократии в системе правления. И хотя утверждения, что *e-democracy* тождественна *прямой демократии* носят скорее спекулятивный характер, я не стал бы говорить, что содержательная сторона политического процесса не изменилась с появлением новых ИКТ.

И наконец, кто кого контролирует в *e-democracy* и *электронной демократии*. Эта тема постоянно присутствует в большинстве вопросов. Очень много зависит от *человеческого капитала*, о котором я говорил. Представим себе гипотетически, что можно одновременно перенести в Россию все ИКТ, задействованные в *e-democracy* на За-

паде, и обеспечить 100%-ный доступ населения к Интернет и Рунет. Кто тогда будет контролировать политический процесс? Для меня ответ однозначен – администрация президента. Но я не уверен, что в Эстонии в 2005 г., когда там должен быть обеспечен бесплатный 100%-ный доступ к Интернет, будет то же самое.

Что касается эксперимента с десятью письмами в Белый дом. Обратиться с письмом президенту через его портал может свободно любой пользователь Интернет. В 2000 г. в США был запущен проект по созданию портала, объединяющего порядка 20.000 сайтов государственных учреждений (проблема «одного окна») и рассчитанного на ежедневное посещение 100 млн. пользователей. И вопрос, как с помощью технологий обрабатывать в режиме он-лайн поступающие в массовом порядке письма, стоит очень остро во всех национальных проектах e-government. Вы можете представить себе Президента США, который сам отвечает на сотни, если не тысячи писем, отправляемые ему ежедневно через открытый Интернет-портал?

Вопрос (А.Л. Андреев):

Власть – это тайна, мы не все знаем ее закулисные противоречия. Захочет ли она искренне делиться всей информацией или может быть здесь выстроена контригра? А если контригра, то какая? Это может быть какой-то другой контур информационный, который недоступен, в Интернете не вывешенный, не засвеченный и т.д. Но может быть здесь другие стратегии и противодействия. Возможна ли такая стратегия противодействия и если да, то какой она будет? Когда я слушал доклад, то вспоминал некоторые ходы нашего пенсионного фонда, который предложил гражданам ужасно демократическую процедуру: состоящую в том, что гражданам представлен свободный выбор вклада той жалкой пенсии, которую они получают. Можно уделять этому время, всерьез обсуждать куда 500 рублей положить – в ту или иную фирму, причем набор фирм определяется этим же пенсионным фондом. Так вот не получим ли мы и в этой сфере то же самое? Мы будем оживленно обсуждать вопросы, которые не имеют никакого реального политического значения. Та информация, которая циркулирует и становится доступной, на самом деле ничего не определяет по большому счету.

Ответ:

Мы опять возвращаемся к теме, которая, очевидно, волнует всех нас больше всего, теме отношений между управляющими и управляемыми. Конечно, ни одна власть не захочет добровольно быть абсолютно прозрачной. Но Интернет, который власти гораздо труднее контролировать, чем телевидение и традиционные СМИ, является более благоприятной средой для того, чтобы закулисные тайны власти, ставшие известными, например, в ходе частного журналистского рас-

следования, сделать достоянием всего общества. Даже в России Рунет не попадает под законодательство о СМИ и не зависит в такой степени как СМИ от расположения власти. Но и власть может и попытается использовать ИКТ для манипулирования общественным мнением. Основная проблема все таки не в ИТК, а в потенциале общества. Вспомните скандал вокруг Тони Блэра с связи с вовлечением Великобритании в войну в Ираке. Как власть не пыталась скрыть связанную с этим информацию от общества, ей это не удалось. В конце сентября я наблюдал в Лондоне демонстрацию за возвращение английских войск из Ирака и отставку Блэра. Демонстрация длилась более шести часов, и в ней приняло участие несколько сотен тысяч человек, всех возрастных категорий и всех социальных слоев (включая панков). С таким обществом власти справиться трудней.

Вопрос (С.П. Перегудов):

Доклад мне понравился. Но у меня возникает ощущение некой неопределенности. Докладчик сказал, что если в России общество будет полностью оснащено информационными технологиями, таким как на Западе, то и эффект будет таким же – президент и вся государственная структура будет все контролировать. В докладе не очень учитываются объективные факторы – оснащение технологиями идет не только благодаря программе «Электронная Россия». Вы сказали, что наука не может существовать без Интренета, бизнес тоже и не только крупный, но и средний и какая-то часть мелкого бизнеса, не может существовать без Интернета сфера услуг, я уже не говорю о государственном аппарате и т. д. Идет объективный процесс интернетизации. Этот объективный процесс приводит к тому, что какая-то часть общества, причем наиболее активная, вовлекается в эту сеть. Одновременно существует правительственная программа, которая нацелена на то, чтобы использовать сеть в определенном направлении. Таким образом, налицо система, которую мы называем управляемой демократией. Это может привести к определенным противоречиям. В докладе я этого не почувствовал. Как вы считаете, эти объективные факторы, о которых я сказал, играют существенную роль, или наше общество настолько пассивно, что никакой роли это играть не может?

Ответ:

Я говорил о том, что если **сегодня** в России предоставить всему населению свободный доступ в Рунет, то это никак не отразится на текущем политическом процессе. Проблемы формирования *электронной демократии* в России кроются, прежде всего, не в сфере *электроники и ИКТ*, а в сфере *демократии*, в том состоянии российского общества, к которому оно пришло в процессе перехода от советской

декоративной демократии, через ельцинскую демократию беспорядка, к управляемой демократии. Для этого состояния характерны политическая апатия, порожденная отсутствием реальной возможности повлиять на политический процесс и отсутствием веры в такую возможность, персонификация политики и государства в фигуре президента, патерналистские ожидания по отношению к государству в лице президента и низкая поддержка демократии даже на вербальном уровне. По оценкам ВЦИОМ, существенных изменений в состоянии политических установок общества в ближайшее время ожидать не приходится.

Безусловно, процесс интернетизации России нельзя ни остановить, ни повернуть вспять. Безусловно, он идет неравномерно, при общем отставании России от Запада на 3-5 лет в сфере крупного и среднего бизнеса, связанного с мировой экономикой, уровень оснащения ИКТ адекватен степени вовлеченности в международные экономические процессы.

Противоречивость формирования *электронной демократии* в России определяется тем, что, с одной стороны власть, подписывая Окинавскую хартию, берет на себя обязательства по реализации основополагающих принципов и ценностей демократии, а с другой — реальный политический процесс демонстрирует сужение демократии по большинству основных показателей при безразличном как минимум отношении общества.

¹ *Internet, Political Organisations and Participation Project, 2001-2003*
<http://www.ipop.org.uk>

² <http://www.grajdanin.ru/>

Выступления

Что нас ждет: расцвет электронной демократии или всплеск электронного тоталитаризма?

А. А. Галкин, доктор исторических наук

Доклад очень информативен и в этом смысле заслуживает самой высокой оценки. Но, как всякий информативный доклад, он побуждает к размышлениям, которые не обязательно совпадают с принципиальными установками докладчика.

Очевидно, что любое общество или, если сузить рамки рассмотре-

ния, любое гражданское общество, может развиваться лишь при наличии достаточно интенсивных информационных потоков. И чем эти потоки насыщеннее, тем быстрее развитие. Отсюда неизбежная аберрация. Нередко усиление информационных потоков воспринимается как непосредственное свидетельство восхождения общества (гражданского общества) на новую, более высокую ступень развития. Но это не обязательно так. Может быть и совсем иначе.

Общественные перемены (особенно масштабные) обычно вызывают неоднозначные последствия. Одни могут быть интерпретированы как позитивные, другие — как нейтральные, третьи — как негативные. Они возникают параллельно, пересекаются, взаимодействуют, стимулируя или элиминируя друг друга. В результате возникает множество «ловушек», выход из которых далеко не очевиден.

Все это в полной мере относится к рассматриваемой проблеме. Электронная революция, составную часть которой образует информационная революция, воздействует на демократическое устройство социума не так однолинейно, как это можно подумать, слушая докладчика. То, что он говорил, полностью соответствует действительности. Но есть и другая сторона медали.

Остановлюсь лишь на одной проблеме — одной из многих. Электронная революция создала беспрецедентные возможности контроля над каждым, отдельно взятым индивидом, а, следовательно, и за их совокупностью. И если этот контроль попадет в руки групп, располагающих властными функциями, ни о какой демократии говорить не придется. Каждый член общества будет как бы просвечиваться насквозь, любой его шаг фиксироваться заинтересованными инстанциями, а его личная жизнь становится достоянием любых любопытных глаз — подобно тому, как это происходит с «героями» телепередач «За стеклом».

И это не фантастика, а реальная перспектива, стоящая на повестке дня дискурса современного общества, объект политических баталий.

Можно ли говорить в этих условиях о свободе мысли, свободе слова, свободе самоопределения, свободе поведенческого выбора и т.д., без которых невозможна любая, даже усеченная демократия. Иными словами, если исходить из этой перспективы, то дальнейшее углубление информационной революции обещает нам не столько расцвет электронной демократии, сколько всплеск электронного тоталитаризма.

Разумеется, эту тенденцию не следует абсолютизировать. Но и игнорировать ее тоже не стоит.

Информационные технологии: новые возможности и новые опасности

Г.И. Вайнштейн, доктор исторических наук

Хотел бы всячески приветствовать докладчика, вынесшего столь важную тему на наше обсуждение. Тема эта для нас, как и в целом для российской политологии, новая. В отличие от западных политологов, давно уже активно анализирующих проблематику информационных технологий и информационного общества, мы только недавно начали разговор по этому кругу вопросов и в общем-то большого прогресса в этом отношении у нас пока не наблюдается. Между тем, речь идет о проблемах, несомненно заслуживающих внимания. Тема представляется мне тем более важной, что она сопрягается с проблематикой гражданского общества.

С этой точки зрения, доклад для нашего семинара весьма полезен — в нем содержится большой объем мало известной нам информации, дается трактовка ряда новых для нашей политологии понятий. В то же время, думаю, что доклад грешит определенным перекосом в сторону информативности и явно «не добирает» по части постановки ряда проблем, связанных с тематикой гражданского общества и соотношения между информационными технологиями и общественно-политическими сдвигами в современном мире. Именно на это обстоятельство, по сути дела, и обратили внимание коллеги, задавая вопросы докладчику.

Конечно, то, что я сказал об информационном «перекосе» доклада, не означает, что в нем вовсе не затронуты важные проблемы. Мне, в частности, показалась совершенно справедливой постановка одного очень серьезного вопроса — а именно, вопроса о том, что информатизация и интернетизация современного общества ведет к усилению его фрагментированности. Об этой проблеме очень много пишут зарубежные политологи и социологи, и мне кажется, что докладчик поступил совершенно правильно, подчеркнув эту сторону процесса информационной революции.

В то же время, существует и ряд тем и проблем, не получивших в докладе нужного освещения. Однако прежде чем сказать о них, хотел бы отметить, что многие, участвующие в современном дискурсе, касающемся взаимосвязей между информационными технологиями и демократией, зачастую путаются «в двух соснах» — между оптимизмом и пессимизмом. Между тем, в сегодняшних рассуждениях на эту тему

оформились три направления. Поначалу, все процессы, связанные с интернетизацией, дали толчок тому, что можно охарактеризовать как «технооптимизм» или даже «техноутопизм». Акцент был сделан на тех позитивных тенденциях и тех позитивных перспективах, которые возникают в связи с информатизацией общества. Однако, как правильно подчеркнул А.А.Галкин, любое технологическое открытие, любая модернизация общества противоречивы и несут в себе как позитив, так и негатив. И по мере развития процессов интернетизации, по мере их изучения и накопления соответствующих эмпирических данных стали акцентироваться негативные аспекты. Возник некий перекося в другую сторону — в сторону подчеркивания негативных явлений информационной революции. Направление «техноутопизма» оказалось потесненным направлением «техноскептицизма». Я думаю, что в рамках как одного, так и другого направления, интересующие нас процессы подвергаются упрощенной оценке. И мне лично представляется гораздо более перспективным и содержащим более адекватный анализ набирающее сегодня все большую силу направление «технореализма». Оно видит одновременно и позитивные и негативные аспекты информационной революции, трезво смотрит на эти процессы, трезво их анализирует, не вдаваясь ни в ту, ни в другую крайность.

Теперь, по существу доклада. Автор говорит о проблеме востребованности политического контента Рунета и отмечает, с одной стороны, скромные ресурсы этого контента, а с другой, — низкий спрос российской аудитории на эти, и без того небогатые, ресурсы. И с первым, и со вторым утверждением я совершенно согласен (хотя должен отметить, что ресурсы «политического контента» Рунета расширяются очень быстрыми темпами). Однако у меня вызывает возражение трактовка автором сложившегося положения. Мне кажется, что объяснять низкую востребованность политических ресурсов Рунета особенностями общественного сознания россиян или же спецификой российской политической системы неверно. Ведь совершенно аналогичная ситуация с низкой востребованностью политического контента Сети существует и в других страновых сегментах Интернета, в том числе и в наиболее «продвинутых». Все зарубежные авторы, рассуждающие на эту тему и анализирующие политическую роль информационных технологий, приходят к выводу, что политическое значение Интернета не велико и что богатые возможности, содержащиеся в Интернете, реализуются в том, что они еще больше обогащают тех, кто и без того политически активен. Те же, кто политически пассивен, не становятся благодаря Интернету политически активными. Иногда их политическая активность, действительно, ненадолго возрастает, но чаще она остается на прежнем, низком уровне. И в этом смысле разницы между

Россией и Западом нет. Везде, конечно, существует своя специфика, о которой можно говорить, но принципиальные тенденции и у нас, и на Западе одинаковы. Интернет не вывел массовое политическое участие на новый, более высокий уровень, он лишь дал некие новые средства проявления политической активности тем, кто и без информационных технологий принадлежит к числу политически активных. И в этом факте, я думаю, заключается для нас некоторое «лекарство» от излишних надежд и иллюзий по поводу политической роли Интернета. Автор совершенно справедливо говорит о «закате публичной политики». Но это, судя по всему, отнюдь не только наша российская проблема. Причем, в решении ее вряд ли стоит уповать на новые инструменты активизации политического участия, то есть на информационные технологии. Гораздо большее значение имеют не технологические, а содержательные компоненты политического процесса.

Второй момент, о котором хотелось бы сказать. Из доклада следует, что информационные технологии несут только позитивное значение для гражданского общества и вся проблема заключается лишь в том, чтобы позитивные возможности, открываемые этими технологиями, были в полной мере использованы. Мне кажется, что такая трактовка несет на себе очень сильный отпечаток упомянутых мной техноутопических, технооптимистических тенденций, свойственных некоторым западным авторам. Мне все представляется гораздо более сложным и противоречивым. Говоря о сути информационных технологий в плане их влияния на демократию, докладчик высказывает тезис о том, что интернет-сообщество становится продолжением общества гражданского. Полагаю, что Интернет не просто количественно «расширяет» гражданское общество. Он создает некое новое качество гражданского общества, принципиально меняет характер взаимосвязей граждан с властью, лишая власть одного из ее главных ресурсов – монополии на информацию. Благодаря Интернету каждый гражданин получает возможность не только потреблять информацию, которая прежде была для него мало доступной, но и распространять информацию. Тем самым, с одной стороны, принципиально меняются властные ресурсы, а с другой стороны, разрушаются прежние иерархические модели организации общества, которые были характерны до информационной революции. Возникают сетевые модели общественной организации, при которых главную роль играют не вертикальные, а горизонтальные связи. Но в этом смысле гражданское общество, получая благодаря новым технологиям огромные ресурсы и огромный потенциал, в тоже время выявляет свою собственную неоднозначность и собственную противоречивость. Этими ресурсами могут воспользоваться в равной степени как хорошие сегменты гражданского общества, так и пло-

хие. То есть информационные технологии создают не только новые возможности для гражданского общества, но и порождают новые опасности, связанные с использованием этих возможностей экстремистскими, антидемократическими силами.

И в связи с этим вырисовывается еще одна весьма важная проблема — проблема регулирования «электронной демократии». Обычно вопрос о регулировании воспринимается в негативном ключе, в контексте рассуждений о так называемой «управляемой демократии», которую принято считать своеобразной деградацией подлинной демократии. Но дело в том, что реальной альтернативой управляемости, регулируемости процессов в сфере информационных технологий может быть только хаос. И этот хаос в транснациональных сетях Интернета чреват самыми негативными последствиями. Все это — достаточно сложная тема, поскольку пути эффективного и в то же время не наносящего ущерба Интернету регулирования его содержания в настоящее время просматриваются плохо (учитывая его транснациональный, вне-страновой характер). Вместе с тем, хотелось бы подчеркнуть, что сам факт сложности решения задачи регулирования Интернета, не снимает вопрос о необходимости этого регулирования.

И последнее: два кратких конкретных замечания по докладу. Во-первых, докладчик говорит о том, что с развитием доступа масс к информационным сетям отпадет определение «электронная» демократия, поскольку никакой другой демократии не будет. Мне такая постановка вопроса кажется утопической. Думаю, что помимо возможности проявлять свою активность в Сети (и благодаря Сети), массы по-прежнему будут использовать возможности проявления традиционных форм общественной активности. И во-вторых: в докладе приведены данные о том, что лишь 14% россиян считают Россию демократической страной. Недавно РОМИР получил совершенно другие цифры. Согласно обследованию, проведенному в сентябре этого года, 46% россиян считают Россию демократической страной. Но дело даже не в том, что разные исследовательские центры, применяя разную методологию, получают разные данные. Дело в том, что российское общество, по-моему, совершенно уже запуталось в своем отношении к демократии и в своем понимании демократии. Присутствующая на этот счет путаница в головах россиян достигла уже такого уровня, что пользоваться эмпирическими данными подобного рода следует с особой осторожностью.

Противостояние политического реализма и электронной демократии

Б.Г. Капустин, доктор философских наук

Я бы не хотел, чтобы мое выступление восприняли как некие «Заметки луддита об Интернете». Но, я думаю, верно то наблюдение, что каждая эпоха драматизирует и героизирует себя, производя тем самым аберрацию своего исторического сознания. Нам Интернет видится эпохальным, беспрецедентным прорывом. В действительности это — очередной шаг в способах передачи, накопления, систематизации информации. Полагаю, что по сравнению с этим шагом «изобретение» глиняных табличек, с которыми работала шумерская администрация, было гораздо более значительным прорывом, ибо впервые воплощало саму идею накопления и упорядочения информации на «внешних» по отношению к мозгу человека и «независимых» от него носителях. Вспомним и о том, как Макс Вебер описывал значение изобретения бухгалтерской книги. Она, действительно, была переворотом, во многом сделавшим возможным сам капитализм. «Тянет» ли «информационное общество» (мне, честно говоря, оно вообще видится надуманным концептом) с Интернетом в качестве своего символа и квинтэссенции на ту же эпохальность, что и капитализм?

Многие сегодня говорили о плюсах и минусах Интернета и даже о «ловушках», которые он ставит современной политике. Я думаю, не менее опасные ловушки он ставит и науке, хотя обычно считается, что в отношении последней он выступает абсолютным благом. Разве мы можем не замечать, что у студентов развивается склонность к компилятивности, граница между которой и открытым плагиатом постепенно размывается, как механическое тестирование приходит на место вдумчивому собеседованию, как вообще деградирует культура рефлексии, самостоятельного творческого поиска, уступая месту циркуляции байтов информации? Что вообще произойдет с фундаментальной наукой (я уже не говорю о философии, этике, эстетике) в «эпоху Интернета»?

Однако сфокусироваться я хочу на другом. Надо перейти от трезвого учета плюсов и минусов Интернета, от того подхода, который коллеги назвали «технореализмом», к тому, что я называю «политическим реализмом». Мой главный тезис заключается в следующем: ложно представление о том, что технологии сами по себе прямо влияют на политику (в логике такого представления мы и обсуждали то, КАК Интернет сказывается на демократии, на функционировании административных механизмов и т.д.). Любое влияние технологий на политику — не прямое. Оно всегда ОПОСРЕДОВАНО политическими проектами и «интенциями» тех сил, которых их (технологии) ТАК или ИНАЧЕ используют. И это относится к любым технологиям и орудиям — от

ножа до кораблестроения и Интернета. Представление о «прямодействии» технологий на политику есть мифология господствующего класса, который за ней, за создаваемой ею иллюзией ОБЪЕКТИВНОСТИ роли техники в обществе скрывает собственный политический проект именно ТАКОГО (а не иного) её использования (как того же Интернета).

Мифология «электронной демократии» в этом отношении очень показательна. Виртуальная (потенциально безбрежная) дискуссия подставляется на место практического *действия*, которым только и может быть жизнеспособное гражданское общество. Представлять, будто *говорить* (тем паче — обмениваться электронными посланиями или «эсэмэсками») о чём-то — уже достаточно для проведения нужной (обществу) политики, что проблема власти — это всего лишь проблема доведения до власти имущих соответствующей информации о «нуждах общества», есть верх политического инфантилизма и восстановление самых наивных образцов просветительского мышления, явленных в обращениях радетелей Просвещения монархам Европы. Разве распространение таких иллюзий не обессиливает демократию в её необходимой оппозиционности любым властям имущим? Господствующая идеология и будет всячески поощрять подобные иллюзии, ярким примером которых оказываются и «электронная демократия», и «e-government» (в любом другом смысле, кроме замены бумажной работы электронной, что само по себе важно). Этим иллюзиям можно противопоставить только тот политический реализм, который не позволяет смешивать *действующий* политический субъект с «сообществом говорунов», какими бы средствами общения последние не пользовались.

Кстати, пример антиглобалистов, приведённый докладчиком, не очень удачен в свете его тезисов. Антиглобалисты стали политическим явлением нашего времени не потому, что обменивались посланиями по Интернету (что было лишь техническим моментом координации их действий), а именно потому, что действовали — в Сиэттле, Праге, Генуе и т.д., т.е. всё же оказались способны различать говорение и практику.

Политический реализм ставит прежде всего вопрос о том, КТО участвует в политике и только «во-вторых» — вопрос о том, в каком количестве участвуют в политике и какие объёмы информации доступны участникам политики. Вопрос «КТО» подразумевает — «граждане или частные лица». Этот вопрос со всем множеством его импликаций занимал центральное место в классической политической теории, но оказался почти стёрт в современной политической науке. По существу, его отзвуком можно считать суждение Йозефа Шумпетера о том, что в современном обществе рядовые обыватели (т.е. те, кто являются

ТОЛЬКО частными лицами) в сфере политики оказываются только «примитивами». Не потому, что не имеют доступа к неким объёмам информации и не могут перебрасываться некоторыми порциями информации между собою или даже с (секретарями) власть имущих. Они — «примитивы» потому, что не могут *мыслить политически*, в категориях коллективных действий, властных отношений, идеологических стратегий и т.д., т.е. всего того, что составляет «ткань» политической жизни. Вместо этого они рассуждают в неполитических категориях — будь то «вечное и прекрасное» (что было более характерно для «до-Интернетовских» времён) или измеряемая в килобайтах «электронная демократия», что более типично для наших дней.

Проблема со всей этой аполитичностью заключается только в одном: возможна ли в таких условиях демократия, хоть сколько-нибудь отличная от правления элит *над* народом, превратившимся в манипулируемый электорат?

Технологии и политика

Ю.А. Красин, доктор философских наук

Вопрос об «электронной демократии» не новый. Он уже не раз был предметом дискуссии. В частности, в 70-х годах эта тема широко обсуждалась в США. Многие участники дискуссии полагали, что появление электронных СМИ ведет к торжеству демократии, так как каждый гражданин как бы автоматически оказывается в поле политики: получает обилие информации и просто нажатием кнопки может выразить свое мнение относительно принятия того или иного политического решения. Иными словами, как будто бы на новом витке спирали к нам возвращается прямая демократия.

В дискуссии принимал участие известный американский социолог Амитаи Этциони. Он даже издал книгу, посвященную критике «электронной демократии».

Какие аргументы были выдвинуты против утопии «электронной демократии»? Формально электронные технологии создают возможность получения всесторонней информации, позволяющей гражданину сделать свободный выбор. На деле же, оставаясь один на один с компьютером, человек уподобляется атому, оказавшемуся в безбрежном потоке информации. В одиночку он просто не в состоянии сориентироваться в этом океане сведений, тем более выработать некую объективную позицию. Он вынужден следовать случайному путеводителю, каким для него окажутся либо бытующие в близлежащей среде предрассудки, либо опять-таки случайно попавшие ему на Интернет

сайтах интерпретации.

В результате формально вроде бы свободный выбор граждан на телереферендумах по существу вовсе не будет свободным. Он, как отмечает А.Этциони, будет нести на себе печать «импульсивности, неграмотности и крайней поляризации».¹ Миллионы атомизированных граждан, замечает другой американский социолог Джеймс Фишкин, «возвращают назад полученные из средств массовой информации неосмысленные предпочтения».²

Кстати, ставлю под сомнение тезис докладчика о том, что пользователи Интернета — это наиболее активная часть населения. Может быть, это в какой-то мере верно по отношению к научному сообществу, но отнюдь не ко всему населению. Активная часть населения России занята практическими делами. У нее просто нет времени для путешествий по Интернету. Значительная часть постоянных Интернет-пользователей — это люди, располагающие свободным временем или склонные к созерцательности, а не к активной деятельности, особенно в сфере политики.

Политические решения и политическая деятельность всегда и обязательно связаны с реальными жизненными интересами. А интересы формируются не за компьютером, а в социальной практике, в процессе активного участия в политической борьбе, в общении с другими людьми. Как осознание своих социальных интересов, так и особенно их обоснование и защита требуют профессионализма, который тоже вырабатывается в процессе практического решения жизненных политических проблем. Решения, принимаемые нажатием кнопки компьютера, открывают дверь дилетантизму в политике.

Один из отцов основателей американской Конституции Джеймс Мэдисон полагал, что при республиканских порядках «общественное мнение, выражаемое представителями народа, скорее окажется сообразным общественному благу, чем при демократических, где оно выражается самим народом, собираемым для этой цели».³ «Электронная демократия» несет в себе опасность депрофессионализации политики.

Все-таки необходимо четкое разграничение технологии и политики. Электронные СМИ, какие бы чудеса они нам не сулили, — это все же технология, а не политика. Что касается демократии, то она относится к сфере социальных и политических отношений.

¹ Etzioni A. «Minerva: An Electronic Town Hill», «*Policy Sciences*», 1972, №3, p. 459.

² Fishkin G. *Democracy and Deliberation*. New Haven and London. 1992, p. 19.

³ Федералист. М. 2000, с.84.

Электронная демократия и российская ментальность

В.В. Журавлев, доктор исторических наук

Присоединяюсь к прозвучавшей здесь оценке доклада А. Кулика как новаторского в своих постановках. Захлестнувшие современный западный мир процессы и явления виртуализации действительности, очень часто представляющие собой своеобразную форму ухода от ее тревожных, неприятных простому человеку реальностей, неизбежно должны были затронуть и сферу политики. Как и всякое нововведение, данная инновация способна как придать современному политическому процессу новые черты и возможности, так и обернуться очередным псевдополитическим фарсом. Для нашей страны перспективы внедрения E-демосгасу упираются еще в один ограничитель, имя которому российская ментальность, исторически сложившееся собственное видение здравого смысла, необходимого и излишнего, свое понимание сущности прогресса, добра и зла, своя — национальная — иерархия ценностей.

Простые русские солдаты, вышедшие под началом своих просвещенных офицеров 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь столицы Российской империи, с особым воодушевлением реагировали на обращенный к ним лозунг «Да здравствует Конституция!», искренне полагая, что речь идет о жене великого князя Константина. Сколько раз с тех пор в российской истории проявлялось это стремление просвещенных и радикально настроенных политических сил убедить народ (а попутно и себя) в возможности единым махом перескочить из «царства необходимости» в «царство свободы»! Чем завершались эти благие порывы, к чему они приводили на практике, общеизвестно. Главная причина недостаточной эффективности, а то и просто неудач череды отечественных реформ заключалась не столько во внешних обстоятельствах и коллизиях, сколько в мозгах людей, в том, что современные социологи называют нарушением **закона ментальной идентичности**, выражающего степень соответствия содержания как реформ, так и любых инноваций менталитету российского суперэтноса. (См. об этом, в частности: Попов В.Д. Судьбоанализ реформ в России // Судьбы реформ в России. — М., 1997. С. 28-43).

Ситуации подобного рода в современной России возникают сплошь и рядом, свидетельствуя о неготовности (или о недостаточной готовности) российского социума следовать в русле ритуалов постин-

дустриального, информационного общества. В этой связи трудно не согласиться с мнением М.М. Решетникова: «... До тех пор, пока действует прежняя ментальность, можно сколько угодно спорить о предпочтительных вариантах западных и даже восточных моделей и тратить огромные средства на их реализацию, эта реализация в любом случае будет осуществляться в рамках существующей ментальности... У нее есть собственная динамика, мало сопоставимая с жизнью одного поколения». (Решетников М.М. Современная российская ментальность. — СПб., 1996. С. 4).

Наиболее вероятный результат воплощения в жизнь возможностей Рунета в качестве инструмента совершенствования российской демократии и характер проистекающих из этого последствий нетрудно спрогнозировать уже сегодня. Исходные данные для этого дает нам сегодняшний доклад. Число регулярных пользователей Интернета к настоящему времени не превышает 2-3 процента населения. При этом 3/4 из них — жители крупных и средних городов и 2/3 — двух наших столиц. Это в основном, как подчеркивает докладчик, молодые, хорошо образованные, обеспеченные, мобильные и амбициозные лица мужского пола. То есть те, кто рано или поздно составит костяк нового поколения отечественной элиты, в том числе и политической, взгляды, интересы и цели которой, конечно же, не будут по отношению к основной массе населения носить репрезентативного характера.

Надежд на кардинальные изменения сложившегося на данный момент status quo утопичны. Даже если исходить из того, что программа «Электронная Россия» к 2010 году будет реализована в полном объеме и все учреждения, предприятия, вузы и средние учебные заведения будут подключены к Интернету (что, с учетом опыта уже имевших место прожектов, представляется маловероятным), то наличие такого рода общественных пунктов вряд ли существенно изменит ситуацию. Ибо только находящаяся в индивидуальном распоряжении (так сказать, на собственном столе) система способна сделать ее пользователя реальным участником, актором электронной модификации политического процесса.

Вывод очевиден: практика внедрения начал электронной демократии в российскую политическую действительность в реальных условиях нашей страны способна обернуться очередным парадоксом. Вместо того, чтобы стать стимулом к обновлению общества на демократических началах, Е-демосгасу скорее всего выявит свою действенность в прямо противоположном — антидемократическом, олигархическом — смысле, став новым, дополнительным средством обеспечения диктатуры меньшинства, осуществляемой за счет интересов большинства.

Констатация подобного рода неутешительных перспектив вновь

обращает нас к проблеме сущности, содержания, форм и методов заимствований в российской политической практике передового зарубежного опыта. То, что такие заимствования необходимы, бесспорно. Но как при этом вырваться из порочного круга возникающих в таком случае парадоксальных последствий, проистекающих из подобного рода нововведений, когда общество оказывается в ситуации грибоедовского Молчалина: «Шел в комнату, попал в другую!»?

Выдающийся отечественный историк, правовед и социолог Максим Максимович Ковалевский исходил из необходимости отличать заимствование как простое *копирование* чужого образца от заимствования как *освоения* иного опыта, видя в нем «творчество второго уровня».

В плане применения данного положения к проблемам типологии исторической эволюции отдельных стран можно сказать, что на первое (копирование) общество нацеливают условия и требования модернизации своих структур в режиме *догоняющего* развития. Второе же (творческое освоение) является неперенным атрибутом модернизации социума в рамках *органического* развития. Если понимать под последним тип эволюции, наиболее соответствующий взятым в диалектическом единстве трем параметрам: действительным, насущным, а не умозрительным **потребностям** социума; реальным его **возможностям** в реализации этих потребностей, а также господствующим в нем в каждый конкретный момент массовым **ментальным представлениям** об общественном прогрессе и социальном благе. (Специально об этом см.: Журавлев В.В. Россия XX века: тип, этапы и механизмы модернизации // Россия в условиях модернизаций. Историко-политологический семинар. Материалы. Выпуск № 7. — М.: ФРПЦ. 2001. С.4-23).

Преодолеть сложившийся в процессе модернизации России парадокс, когда результаты нововведений оказываются подчас прямо противоположными их замыслу, возможно лишь на путях органического развития страны. Процесс поиска Россией своей модернизационной идентичности невозможен без использования опыта передовых стран, вступивших на стезю постиндустриального развития. Но при этом каждый раз требуется, осваивая этот опыт — в условиях перманентного диалога власти и гражданского общества, одним из инструментов обеспечения которого может стать и E-democracy, — искать и находить механизмы адекватного, органичного, а, следовательно, и наиболее эффективного воплощения в практику российского социума идущих от Запада новшеств.

По известной формуле: «Изменяя себя, не изменяй себе».

«Рамки» информационного общества

В.В. Серебрянников, доктор философских наук

Докладчик и предыдущие ораторы убедительно говорили о колоссальных возможностях информатики для развития обществ, их экономики, социальной сферы, науки и техники, человеческого потенциала. Особое внимание уделялось тому, как воздействует информатика на политику, политические отношения и процессы, саму систему демократических политических ценностей и т.п. Справедливо отмечалось, что информатика, как могучее средство (подобное атомной или ядерной энергетике) в руках различных сил может использоваться для достижения прямо противоположных целей: прогрессивных и реакционных, демократических и тоталитаристских, мирных и милитаристских, гуманных и античеловечных.

К сожалению, никто не обращает внимания на социальные ограничители, сдерживатели, преграды и рамки информатизации, ее глубинный социальный смысл. Преувеличиваются возможности западных демократических обществ для прогрессивного использования информатики, в том числе для углубления и реализации демократии, обращения его принципиально нового качества чуть ли не подлинно всенародной демократии. Достаточно, мол, осуществить стопроцентную информатизацию (100-процентное подключение к интернету) на Западе (а такая цель уже поставлена в США, Японии и других западных странах). Как общество станет совершенно открытым, граждане активными в социально-политическом отношении, общественная жизнь расцветет, политические решения будут приниматься сообща всем народом, качество этих решений и демократия вообще подскочат на новую высоту. Докладчик говорил, что у нас для качественного изменения политической жизни достаточно, чтобы пользователями интернета стали 15% граждан.

Конечно, информатизация сама по себе (стихийна) создает предпосылки для позитивных подвижек и они имеют место. Но в целом, процесс информатизации оказывается под контролем и регулированием иной политики (по сути), которая отражает глубинные интересы господствующих социальных сил и групп. Они определяют, как использовать достижения информатики, зачастую прежде всего в военной сфере (в войнах в Югославии, Афганистане, Ираке), государственном администрировании, политике глобализации («вестернизации») и т.п. Конечно, в обществе есть и те социальные силы, которые за то, чтобы использовать информатику в интересах демократизации, повышения роли народа и каждого гражданина в решении судьбоносных проблем развития. Социальный характер информатизации будет все в большей мере определяться борьбой этих указанных сил и в этом

состоит один из «ограничителей» информатизации обществ. Перспективы ее зависят от хода и исхода этой борьбы.

Другой, не менее сильный ограничитель информатизации и ее эффективности состоит в факторе высокой закрытости западных демократических обществ как и всех других обществ современного мира. Дело в том, что одним из важнейших законов соперничества (соревнования, противостояния, борьбы, особенно конфликтов) различных социальных субъектов, особенно различных государств (коалиций), всегда было, а теперь еще в большей мере, является потребность в секретах, утаиваниях, сокрытиях целей, планов, замыслов, сил и средств и т. п. Закрытая сфера деятельности государств, политических партий и групп в ходе истории разрасталась, удельный вес секретной информации быстро увеличивался. Созданы и действуют чудовищные громадные системы для сохранения тайн, так и для их раскрытия (империи спецслужб, разведок и контрразведок). Еще Макиавели (1469-1527) открыл своего рода закон, согласно которому раскрытый план дает победу тому, против кого направлен, полагая величайшую роль секретов прежде всего в политической борьбе. Этот закон проявляется не только в деятельности каждого государства, правительства, но и каждого политического объединения (партии), что хорошо видно на примере нынешних российских политических партий, тщательно оберегающих свою «конфиденциальную информацию». Степень такой закрытости может быть измерена и для того существуют определенные критерии.

Хотелось бы отметить, что закрытость не есть один из законов лишь политической жизни, а проявляется во всех сферах жизни: экономической, коммерческо-торговой, бытовой и т.п. На жесточайшей закрытости основаны терроризм, преступность, «теневая» деятельность (более 60% в российской экономике).

Я уж не говорю о военной сфере. Военные намерения, замыслы, планы в западных демократических государствах вырабатываются и еще долго будут вырабатываться сугубо авторитарно-тоталитаристским методом.

Военная информация на высшем уровне в значительнейшей мере является строго секретной, не может быть предметом публичной сферы, находится вне контроля и осмысления общества. Имеется широчайший конституционно-правовой простор для принятия высшим руководством военно-политических решений, отвечающих исключительно эгоистическим интересам отдельных групп, реализации просто иррациональных намерений. Осуществление воли большинства народа в военных делах не гарантируется, тем более демократически выраженной воли большинства человечества (последние войны США и других

государств НАТО).

Замыслы, планы, решения по ведению холодной войны против СССР американская высшая власть скрывала не только от народа, но даже парламента и правительства. Так происходит по многим вопросам и сейчас.

Прорыв к информационному обществу на Западе используется для обмана и дезинформации народа, как было в обосновании войны против Ирака.

Западная модель демократии переживает глубокий кризис, демонстрируя неспособность дать ответы на новые вызовы, страдает отрывом власти от общества, монополизацией ее богатейшими группами, отстраненностью большинства граждан от разработки и принятия ключевых решений.

Имея в виду ограниченные возможности западных обществ в использовании информатики Д. Белп назвал одну из своих работ — «Социальные рамки информационного общества». Именно рамки, о которых нам следует говорить во весь голос. Ибо это намек на историческую ограниченность строя.

Таким образом, судьба информатизации определяется социальной природой обществ и государств. Западная модель общества направляет использование результатов в русло эгоистических интересов «золотого миллиарда» во главе США. Степень закрытости информатизации в них критически высока и будет долго сохраняться.

Переход человечества к более справедливому строю, утверждение подлинно народной демократии открывает действительный простор для использования информатизации во всей мере для человека и человечества.

Электронная демократия — демократия для избранных

О.А. Бельков, доктор философских наук

Докладчик представил впечатляющую картину расширяющихся технических возможностей электронных средств массовой коммуникации и Интернета, прежде всего. Он привел множество интересных цифр, убедительно свидетельствующих о том, что мир стоит на пороге использования принципиально новых инструментов и системы, которая была бы механизмом политического участия, а вместе с тем формирования новой, электронной демократии. Иными словами, нам предложено посмотреть, в каком направлении эволюционирует мир

политики под неодолимым воздействием меняющихся технологий. Обращение к этой теме открывает новые сюжеты в проблематике нашего семинара и потому хочется поблагодарить докладчика за инициирование этого обсуждения. Моя признательность тем более естественна, что докладчик предложил логически стройную и целостную теоретическую концепцию становления практически новой политической системы.

Вместе с тем, рисуя по-веберовски понимаемую идеальную модель грядущей электронной демократии, автор по необходимости был вынужден оставить за скобками разговора многое из того, что составляет контртенденции рассматриваемого процесса, затрудняет ее практическое становление или даже создает возможность альтернативных решений. В этой связи я хотел бы в тезисной форме обратить внимание на несколько позиций.

Позиция первая. Приведенные в докладе цифры телефонизации, тем более «интернетизации» нашей страны пока настолько малы, что отнюдь не создают достаточную техническую базу для поголовного включения всех граждан в процесс выработки и принятия политических решений. К тому же хорошо известно, что нарастающая политическая индифферентность населения, которая наблюдается во всем мире, включая страны развитой демократии, связана не только и даже не столько с техническим обеспечением политического участия. В силу этого — опять-таки говорилось в докладе — удельный вес активных потребителей политической информации среди всех пользователей Интернета остается крайне низким. Следовательно, развитие и распространение информационно-коммуникационных технологий является необходимым, но недостаточным условием утверждения электронной демократии. Последняя требует другого уровня материального благосостояния масс, социального согласия в обществе, политической культуры граждан и другого, что не достигается на путях повышения технической грамотности людей. Таким образом, при всем уважении к Окинавской хартии и программе «Электронная Россия» следует согласиться с тем, что полная реализация заложенных там идей вряд ли возможна в обозримом будущем.

Позиция вторая. Интернет способен резко усилить взаимную информированность граждан за счет их сетевого взаимодействия. Однако то, что официальные структуры захотят сохранить в тайне (государственной, коммерческой, служебной и т.д.) останется закрытым для общественности. К тому же возможность отслеживать процесс принятия решений и ход событий сама по себе не гарантирует возможность влиять на них. Между тем, контроль — в данном случае электронный контроль — это не просто проверка или наблюдение с целью провер-

ки, но способ воздействия на политические процессы, придания им желательной направленности, характера, динамики. Однако технические средства продвигают информацию, но не определяют порядок и характер реагирования на нее. Появление новых каналов доступа граждан к политической информации исключает ли старые способы стремления власти к определенной закрытости и самодостаточности? Для меня безусловно положительный ответ на этот вопрос отнюдь не является аксиоматичным.

Позиция третья. Информационно-коммуникационные технологии жизненно необходимы для современного общества. Здесь говорилось, что без Интернета не могут нормально функционировать политика, бизнес, наука. Но коль скоро в этих и многих других сферах жизни имеют место соперничество и борьба, Интернет, как и средства массовой информации, служат источником не только информации, но и дезинформации. К этому можно добавить, что организованная преступность и международный терроризм, различные экстремистские силы также являются их активными пользователями, причем их активность в Интернете направлена отнюдь не на укрепление демократических начал в обществе и власти. Нельзя не считаться и с тем, что с конца 20 в. ряд государств приступил к разработке концепций информационных войн, предусматривающих создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира, нарушение нормального функционирования информационных и телекоммуникационных систем, сохранности информационных ресурсов, получение несанкционированного доступа к ним. Все это говорит о том, что развитие информационно-коммуникационных технологий и расширение круга причастных к ним может иметь не только конструктивные последствия.

Позиция четвертая. (Здесь я перекликаюсь с тем, о чем говорил Б.Г. Капустин Интернет открывает возможность, если можно так сказать, заочного участия в политике, когда человек становится членом своего рода «диванной партии» — оставаясь в домашнем уюте, в масштабе реального времени охотно вникает и эмоционально реагирует на ленту новостей. Но почти ничего практически значимого он не может сделать с помощью клавиатуры. Политическое участие такого «кибериндивида» может приобрести виртуальный характер, означающий на деле его отлучение от реальной политики. К тому же с помощью информационно-коммуникационных технологий распространяется огромная масса материалов, потребление которых ведет к девальвации духовных ценностей, снижению нравственного и творческого потенциала населения.

Позиция пятая. Все сказанное позволяет утверждать, что электрон-

ная демократия — демократия для избранных, для тех, кто имеет средства, время и обеспечиваемые ими знания и навыки электронной вовлеченности в политический процесс. Она способна расширить систему народовластия, но в то же время таит в себе опасность деформирования демократии, ее скукоживания. Вот почему, обсуждая возможности и перспективы электронной демократии, нельзя отворачиваться от того, что в мире есть силы и режимы, которые вовсе не заинтересованы в разворачивании демократических процессов. И если, по докладчику, электронная демократия — чаемое будущее человечества, то, разрабатывая пути и способы ее утверждения, необходимо одновременно продумывать меры, исключающие возможность возникновения каких бы то ни было элементов электронной диктатуры.

Электронная демократия: величина общественного проигрыша

**С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук**

Я бы хотел разделить два проблемных поля — электронного администрирования и электронной демократии. Есть такая обзорная книга «Электронное правительство: опыт США», выпуск торгово-промышленной палаты Америки в России, в которой нас опять учат умозуму. Она содержит любопытный документ: «Закон об электронном правительстве США» от ноября 2002 г. В законе перечисляются примерно 15 нормативных тезисов и только три связаны со словосочетаниями: граждане; взаимодействие с правительством; доступ граждан к ориентированному на них услугам информации; улучшение деятельности ведомств, с применением практики, выработанной общественным и частным сектором; предоставление улучшенного доступа к правительственным услугам информации в области защиты частных интересов и т. д. Все остальное посвящено исключительно бюрократическим процедурам — снижению стоимости деятельности административных органов и т. д.

Мне представляется, что есть три пространства для анализа, в которых возникают разные следствия, разные сочетания плюсов и минусов и угроз. Нам необходимо делать разные выводы по поводу электронизации общественных отношений. Первое пространство — это пространство бюрократии, государственного администрирования. Второе — это собственное общество, совокупность индивидов и личностей, граждан, гражданское общество, некое слабопознаваемое простран-

ство, пространство мистерии в связи с вмешательством человеческой природы. И третье пространство — это система взаимоотношений и взаимодействий между первыми двумя. В первом бюрократическом пространстве очевидна целесообразность, очевидна функциональная позитивность применения новых технологий, технократизации администрирования — все, казалось бы, хорошо. И любопытно, что американский подход тяготеет к применению в этой области электронных технологий в большей мере. Закон об этом говорит, и вообще, американцы, как известные прагматики знают, что делают. В отличие от этого, российский подход, по-моему, демонстрируется наилучшим образом последними проявлениями председателя ЦИК А. Вешнякова. Действительно, в стране мало денег, в стране в повестке административная реформа, поскольку очень неэффективна устаревшая система федерального администрирования. Но вместо использования этих копеечек на электронную Россию, в области действительных потребностей, деньги расходуются на создание беспрецедентной в мире системы «ГАС выборы». Зачем? И тут я вспоминаю дремучее время первого съезда народных депутатов СССР, когда 2 тысячи делегатов пришли в зал и голосовали поднятием руки. Ходила по залу зондер-команда, пересчитывала голоса, в зале стоял гудеж — «не верим!». И действительно, невозможно подсчитать правильно волеизъявление сообщества в 2 тыс. человек. В первом же перерыве службы притащили филипповскую систему, проволочками опутали все кресла в зале Кремлевского дворца съездов и после этого процедура голосования стала быстро проводиться, но гудеж-то сохранился! «Не верим, сидят за стенкой манипуляторы и результаты электронного подсчета корректируют».

Технократизирование процедуры не поменяло сущности, мистерии отношений внутри сообщества психологической первоосновы индивида. И точно так же внутри общества. Правильно говорилось, что Интернет позволяет доступ к информации, но посмотрите на политические предвыборные сайты. Ни одному слову нельзя верить. То ли это сайт «за» эту партию выпущен ее штабом, то ли это контрсайт, который ее противниками талантливо изготовлен для того, чтобы отвратить от этой партии. Исчезает сам позитивный смысл привнесения нового качества в коммуникации индивидов. Такое впечатление, что общество или гражданское общество от приобретения электронных коммуникаций не выигрывает.

Пример с ГАС-Выборами Вешнякова я все-таки завершу. Все независимые наблюдатели уверены, что ГАС создается для подтасовки результатов, для ухода от демократии, от доверия к волеизъявлению большинства. Может быть даже к тотальному манипулированию этим волеизъявлением. Вытекает вывод, и он коррелирует с мнением пре-

дыдущих выступающих, что в диалоге власть — общество, бюрократия — гражданское общество у гражданского общества нет шансов выиграть в процессах технического прогресса. Есть какая-то мистерия в человеческом пространстве, которое инвариантно по отношению к техническому прогрессу. В нем должны быть свои способы совершенствования эффективности, коммуникаций, достоверности интегрального волеизъявления по отношению к миллионам воль и векторов. Соревнование проиграно заранее, бюрократия выиграет.

Величина общественного проигрыша зависит от качества и внутреннего механизма самоконтроля бюрократии, которые различаются в Америке и в России. Последствия этого проигрыша будут для России более трагичны. Таким образом, если в России электронная демократия и может быть, то это скорее будет электронная антидемократия. В отличие от этого электронизация администрирования, по-видимому даст позитивный результат, но это другая проблема и я бы их разделил.

Электронные технологии и трансформация современной политики

О.В. Гаман-Голутвина, доктор политических наук

Я хотела бы отреагировать и на доклад и на не менее интересную дискуссию.

В частности, хочу обратиться к обсуждению прозвучавшего в дискуссии локального тезиса: использование электронных технологий не оказывает значимого влияния на политику. Этот тезис достаточно спорен. Мое возражение основано на гегелевской позиции, согласно которой *средство есть средний термин умозаключения*, являющийся связующим звеном между исходным тезисом и логическим результатом умозаключения. И в этом качестве средство несет некий отпечаток как исходного тезиса, так и логического вывода, синтезирует характеристики двух сторон, средним термином которого является.

По аналогии можно предположить, что электронные технологии оказывают значимое влияние на политику как минимум в качестве «среднего термина умозаключения» — в качестве инструмента (средства). Полагаю, что электронные технологии оказывают значимое влияние на политику, в том числе, таким образом, который в некоторой степени затрагивают и сущностные качества политики, трансформируя ее важнейшие характеристики. Аргументы Б.Г. Капустина основаны, в частности, на примере выборов в Калифорнии и, если я правильно понимаю, его тезис заключается в том, что все происходившее

в Калифорнии не являлось политикой как минимум потому, что участники этого процесса превратились из *граждан* в сообщество *частных лиц* или, используя термин Ю. Хабермаса, в сообщество болтунов.

Мое возражение основано на том, что существуют различные интерпретации политики. Если понимать политику как взаимодействие традиционных политических институтов (классические партии, классическое государство и т. д.), то действительно, можно предположить, в современном мире «классическая политика» исчезает. Однако ситуация мне представляется иной: не политика исчезает, а ее классическое понимание. Точнее, не исчезает, а дополняется новыми формами реализации. Если рассматривать политику в ее сущностном изменении — как процесс обретения власти, то нельзя не признать, что политика в современном пространстве не уходит, а существенно трансформирует «форму реализации». Классическая политика в современном мире дополняется новыми формами реализации сущностных качеств политики. В качестве таковых я бы отметила два существенных изменения. Первое — *маркетизация политики*, вследствие которой политика превращается в разновидность рынка. При этом на политический рынок распространяются законы и технологии рынка, в том числе и электронные технологии. Вторая существенная трансформация современной политики — это превращение ее в *шоу-политику*. В данном контексте я понимаю шоу-политику не как использование шоу в публичной политике в качестве одного из элементов (средств, технологий, инструментов), а как *трансформацию сущности политики посредством конституирования шоу в качестве ядра, сердцевины политики*. Иначе говоря, речь идет о *виртуализации политики* в сущностном изменении этого процесса. И в этом контексте хорошо работает пример выборов в Калифорнии. Полагаю, что в ходе калифорнийских выборов политика не ушла вследствие того, что *граждане* в выборном процессе стали *сообществом частных лиц*, — изменилась форма реализации политики: она виртуализировалась, превратилась и шоу-политику. Однако изменение формы не «отменило» сущность политики, ибо реальным результатом этой политики стало достижение конкретного политического результата, коим стала легитимация победы одного из кандидатов. Реальным содержанием виртуальной политики стал вполне материальный результат — обретение власти реальным кандидатом.

Отсюда — значимость обсуждения еще одного аспекта. Совместимы ли электронные технологии с демократией? Очевидно, электронные технологии не являются атрибутом демократии. Совершенно очевидно, электронные технологии — равно, как и любые другие технологии — могут как способствовать демократизации, так и торпедировать ее. И в этом смысле они не отличаются не только от других тех-

нологий, но и от самой демократии в целом. Сошлюсь на Карла Мангейма, который еще в конце 30-х годов писал, что демократизация сама по себе не является ни положительным, ни отрицательным изобретением человечества, а подобно любым другим достижениям современной техники, радио и прессы, может способствовать усилению как негативных, так и позитивных сил.

Интернет усугубляет неравенство политического представительства

К.Г. Холодковский, доктор исторических наук

Может ли возрасти под влиянием Интернета политическое участие? Интенсивность политического участия зависит, как мы знаем, от того, насколько потребности человека проецируются в политическую сферу. Пассивность многих представителей «верхнего класса» во многом связана с наличием у них иных, кроме публичной политики, рычагов, позволяющих влиять на ситуацию и отстаивать таким образом свои интересы. Что касается рядового гражданина, его интерес к политике во многом определяется оценкой своих возможностей воздействовать на эту сферу. Эта оценка складывается под влиянием всей совокупности личного и общественного опыта, в его рациональном и эмоциональном преломлении. Известно, что российский опыт не благоприятствует высокой оценке возможностей, скорее может сформировать стойкое предубеждение против политики. Если Интернет способен создать впечатление сократившегося расстояния между гражданином и миром политики, между гражданином и государством, а все остальное убеждает его в обратном, то вряд ли результат с точки зрения политического участия будет положительным.

Нет сомнения, что Интернет увеличивает возможности объединения и мобилизации граждан. Однако и здесь возникает проблема потребностей. Объединение и мобилизация—для чего? Появление движения «flash mob» свидетельствует о потребности преодолеть разобщенность, объединиться, но с точки зрения содержательной это движение представляет собой пустышку. Наполнить эту пустую форму реальным содержанием может лишь какой-то существенный социальный или политический интерес, возникший помимо Интернета.

Наконец, еще одно замечание. Докладчик в ответе на один из вопросов сказал, что Интернет не устраняет неравенство политического представительства. На мой взгляд, он может даже его увеличить, особенно в России, где до 100%-ной интернетизации еще может прой-

ти очень много времени. Недавно в нашей печати были опубликованы данные опроса интернет-аудитории о политических симпатиях, которые, естественно, резко отличаются от данных ВЦИОМ и ФОМ, относящихся ко всему населению, что не удивительно, учитывая «продвинутый» социально-демографический состав пользователей Интернета. Известно, что некоторые наши политологи и публицисты, недовольные политическими настроениями масс, мечтают о цензовой демократии (то есть о возвращении в XIX век), и эти мечтания выплескивались даже на страницы прессы. Так вот, если наша власть захотела бы опереться на аудиторию Интернета, то мы получили бы не столько «прямую», сколько цензовую демократию. Насколько это опасно с точки зрения взаимоотношений между властью и обществом, думаю, не стоит говорить.

Власть народа или власть электроники?

Л.Н. Тимофеева, кандидат политических наук

Доклад А.Н. Кулика интересный вызвал у меня двойственное чувство, как, наверное, вызывает любая встреча нового со старым. И это естественно. Новый головокружительно емкий технологичный язык коммуникации; бесконечные сетевые связи, имеющие безбрежные, буквально планетарные возможности для общения, получения новой информации; новый параллельный университет знаний — все это Интернет, который не может не волновать, не будоражить воображение, не расширять наше мировоззрение. Но ведь как и всякое явление, электронная революция имеет две стороны. С одной стороны, она дает нам новый шанс в общении, в управлении, образовании, обучении и т.д., а с другой — предлагает суррогат, с которым трудно согласиться и практически нельзя бороться. В связи с этим у меня возникло три вопроса.

1. *Сможет ли Интернет заменить в общении человека?* После почти семилетнего общения с Интернетом, мне, например, абсолютно ясно, что заменить живого человека, не смотря на всю правдоподобность т.е. виртуализацию человеческой коммуникации он не может. Коммуникация предполагает не только обмен информацией, но и обмен отношениями и взаимодействие. В полной мере мы этого от Интернета не получим. Человеку нужен человек. Человеку политическому нужен такой же живой «гомо политикус». Это как с математиками, предлагающими социологам и политологам все в обществе объяснить языком цифр и формул. Когда берутся во внимание общие, унифицированные ситуации, тогда все становится понятным. Когда же задача усложня-

ется, появляется субъективизм (без него человека не бывает, тогда все рушится).

Кроме того, общение — это не только слово. Семьдесят процентов информации поступает к нам из невербального объективного общения, с помощью которого мы улавливаем любую фальшь в слове произнесенном. Но Интернет скрывает собеседника. Скрывает то, что он на самом деле думает, когда признается в своем уважении к нам — его потенциальным избирателям, например...

2. *Что принципиально нового принес Интернет, электронная демократия в систему уже существующих политических отношений?* Все те же политические роли: управляющих и управляемых. В Новое время в Европе впервые появились новые политические роли. Из поданных человечество превратилось в граждан голосующих, выбирающих (электорат) и граждан протестующих, не согласных (легальная оппозиция), возникли политические права, появились политические партии для агрегации и артикуляции интересов народа, общественно-политический контроль за властью. Интернет в конце XX века облегчил эту задачу только и всего. Сможет ли Интернет заменить партии, власть, живое общение с политиками, оппозицию? Поможет ли он обществу строже и действеннее контролировать власть? Не думаю. Открытость власти от усовершенствования видов связи не зависит. Зато создается суррогатный образ открытости и доступности власти. «Съест-то он съест, да кто ж ему даст...» Спросить власть можно о чем угодно, вот получить ответ — это уже как придется...

3. *Изменится ли качественно демократия от того, что появилась «электронная демократия»?* Как всякая система отношений электронная демократия должна иметь точные правила и нормы, по которым будут играть все, принимающие ее за реальность. Но где эти нормы и правила и как их можно защитить? Что делать, если Интернет используют для заурядных манипуляций с общественным мнением, сливают в него всякую «казуху», занимаясь информационным и политическим киллерством? Да, Интернет это, пожалуй, первое средство информации, которое родилось без цензуры. Но ведь никто не застрахован от суррогатной информации, исходящей от власть предержащих и других групп интересов. Настала пора в международном и в национальном масштабах институционализировать *четвертое поколение* прав человека — в Интернете. Совсем еще недавно мы были свидетелями закрепления *третьего поколения* прав человека: *первое поколение* прав человека, как известно, касалось утверждения либеральных ценностей — индивидуальных и политических свобод граждан и родилось в процессе буржуазных революций XVII — XVIII веков. Тогда и было сформулировано право граждан на сопротивление угнетению; *второе поколе-*

ние прав человека связано с борьбой за улучшение экономического, социального и культурного положения людей и относится к периоду конца XIX — начала XX веков, когда обострилась проблема противостояния богатых и бедных и высветилась необходимость социального реформирования общества; *третье поколение* прав человека сформировалось после второй мировой войны и именуется они в отличие от предыдущих *коллективными* правами, поскольку связаны с требованием людей жить в мире, в здоровой окружающей среде, развиваться социально и экономически, а реализовать эти задачи возможно только целым сообществом, а не отдельным человеком. Кроме того, правовой статус индивида зависит скорее не от уровня провозглашенных прав, а от реального его обеспечения другими индивидами, коллективами, организациями, обществом, государством, т.е. от фактического исполнения прав человека. А это все находится за пределами рамок монитора. Как бы мы на очередном витке истории не столкнулись с оппозицией «электронной демократии», подменившей изначальную ее суть «власть народа», на власть электронной связи?

Электронная демократия — явление весьма неустойчивое

А.И. Соловьев, доктор политических наук

Наша дискуссия как-то сместилась лишь на анализ интернет-коммуникаций. Однако, следовало бы отметить, что интернет это только один — пусть и крайне принципиальный для современного этапа политического развития — элемент формирования поля публичной власти. Как известно, нарастающая в условиях глобализации плотность информационных потоков, формирование нового институционального дизайна (подразумевающего выход на первые роли в системе представительства гражданских интересов СМИ), создание единого информационного пространства (постепенно уничтожающего замкнутые на себя политические локалитеты) и ряд иных явлений свидетельствует о качественном изменении политических порядков, начавшейся трансформации сущностных параметров политики как таковой. В этом плане я одновременно хотел бы возразить тем коллегам, которые ставят под вопрос принципиальность этих начавшихся под воздействием новых информационных технологий видоизменений поля политики, а также еще раз подтвердить зависимость данных преобразований от сугубо технологических факторов, и в частности, от появления в политическом пространстве источников цифровой информации.

Именно этот — опять-таки подчеркну, чисто технократический — компонент в конечном счете и создал возможность для возникновения гиперреальности, т.е. той виртуальной формы политических объектов, которые способны обладать полностью сфабрированным характером (а, следовательно, и дали шанс для искусственного конструирования и режиссирования массовых политических отношений). Архитектура киберсети обеспечила проникновение в политический дискурс акторов, не представленных в публичной сфере, едва ли не окончательно уничтожила контроль за политическими сообщениями, создала предпосылки для качественно нового уровня открытости органов официальной власти. И я уже не говорю о том, что именно эти явления, если и не породили, то как минимум существенно увеличили кризис всех форм представительной демократии.

Можно и дальше приводить уже подтверждаемые практикой современных — причем не только — постиндустриальных государств факты изменения базовых черт и свойств политической материи. Однако, важно осознать временной контекст начавшихся трансформаций. Понятно, что заявленная нынешней эпохой логика политгенеза требует определенного времени для своего окончательного утверждения в социуме (кстати, с учетом преодоления и иных, в том числе и противодействующих ей тенденций). Однако, ясно и то, что такой феномен, как «электронная демократия» является — в контексте этой исторической эволюции — весьма неустойчивым явлением, которому «на роду написано» служить промежуточной формой перехода от представительной демократии к организации власти в информационном обществе. Так что сегодня уместнее спорить не о том, будет или не будет, состояться или не состояться эта кибердемократия (начальные формы существования такой системы государственного управления — уже реальность), а каковы факторы отмирания и превращения этого симбиоза представительства и прямого участия в некую медиакратическую (?) систему организации власти будущего информационного общества.

В то же время ясно и то, что в России эта стадия полураспада наступит позже, чем в странах Запада. И до тех пор будут сосуществовать как минимум два типа построения медиакратии: постдемократической и протодемократической. Думаю, будет очень интересным отслеживание взаимоотношений этих двух родственных, но качественно различных форм организации власти в будущем. Так что мы еще не раз сможем обратиться к этой увлекательной сфере политических отношений.

Заключительное слово докладчика

То, что мое сообщение вызвало такую живую дискуссию, свидетельствует о действительной актуальности темы. То, что дискуссия несколько вышла, как мне кажется, за пределы, обозначенные в названии сообщения — *западная концепция в российском контексте*, говорит о том, что сама тема *электронной демократии* имеет множество аспектов. Многие сюжеты, которые поднимались в дискуссии, заслуживают отдельного обсуждения в качестве самостоятельного предмета. Поэтому открывать полемику по ним под занавес нашего сегодняшнего заседания было бы лишено всякого практического смысла.

Единственное замечание, я бы, пожалуй, не стал торопиться так категорически уничижать Интернет. Сколько тысячелетий понадобилось для того, чтобы оценить значение шумерских глиняных табличек, о которых говорил Б.Г.Капустин? А Интернет зародился всего лишь каких то три десятка лет назад, а «Всемирной паутиной» стал и того позже...

поскольку основная функция демократического государства — защита граждан, их конституционных прав и свобод, а также национальных ценностей общества от неблагоприятных внутренних и внешних воздействий. Но государство может быть не только гарантом безопасности своих граждан и общества. От него могут также и исходить основные угрозы. В недавнем прошлом органы государственной безопасности заботились о безопасности правящего режима, но никак не граждан и не общества, что и привело к краху этот режим. То же замечает В.Серебрянников (в докладе «Политическая безопасность» Инф.-анал. Бюл.Клуба «Реалисты», №29,1997.), когда говорит о том, что одна из главных внутренних политических опасностей может простекать из подмены национальных интересов (на которых строится концепция безопасности) корпоративными интересами правящей элиты.

Очень важным принципом построения ЭП практически во всех странах является открытость процесса разработки программы и отчетности о выполнении планов. Сущность ЭП заключается в том, чтобы открывать доступ населения к информации. Выполнение программы создания ЭП должно следовать принципам работы будущего «электронного правительства».

Уже на самых ранних этапах осуществления программы население не только информируется о целях, задачах, ожидаемых результатах программы и способах ее осуществления.

Граждан приглашают к сотрудничеству и участию, к обсуждению различных аспектов программы. Можно сказать, что степень открытости программы ЭП для граждан является одним из важных критериев оценки этой программы.

Сущностные характеристики современного общества, как они определены, в частности, в той же Окинавской хартии, — *глобальное информационное* общество, а основная тенденция мирового развития — интернационализация национальных экономик, универсализация принципов международных взаимодействий в различных сферах человеческого общежития, и, прежде всего, — в экономике, политике и праве, в науке и образовании, культуре и социальной сфере. Таковым современное общество стало благодаря появлению Интернет и развитию ИКТ. Мир уже не может существовать без «всемирной паутины», но с ростом его зависимости соответствующим образом растут и риски, связанные с неустранимой возможностью использования «всемирной паутины» в деструктивных целях, в частности, международными криминальными сообществами и террористическими организациями.

Второе, существует такой сетевой проект в Америке, который посвящен электронной демократии и в частности эту электронную демократию связывают с прямой демократией, ну это на уровне спекуляции по крайней мере, существует такая идея, что электронная демократия заменит представительную демократию, потому что все люди могут, нажимая кнопки на своих компьютерах голосовать и выбирать себе правительство. И существует такой американский проект, его энтузиасты доказывают, что если бы выборы американского конгресса проводились через Интернет, то свои места там сохранили бы голоса порядка 8% конгрессменов, а всех остальных народ избрал бы других. Но это не серьезное исследование, на мой взгляд, а на уровне спекуляции. Потому что более серьезные исследования на уровне философии и политики доказывают, что проблемы при электронной демократии и проблемы при представительной демократии, неравенство представленности различных социальных групп в политическом процессе сохраняются. Здесь ничего не меняется. С точки зрения эффективности использования интернет-технологии политическими партиями и организациями для увеличения мобилизационного потенциала и вовлечения в политический процесс новых граждан — это в общем-то одна из целей электронных демократий. Был такой исследовательский проект трехгодичный в Великобритании, он еще не закончен, такой основательный и дорогостоящий. Вот они исследовали каким образом главные партии, второстепенные партии, протестные движения, различные структуры гражданского общества — как они используют Интернет и какие у них результаты. Интернет они используют, создают сайты и через сайты происходит общение и это способствует повышению эффективности работы самих организаций, то есть на сайтах информация где какие акции и собрания, какая требуется помощь, участие, волонтеры и т. д. Что касается вовлечения населения

в политическое участие, то результаты более чем скромные. Один из результатов в использовании электронных технологий – принимает 17% населения из тех кто принимает участие и в традиционных формах и в традиционных политических акциях. То есть на сегодня в этом плане очень скромные результаты. Что касается России, я говорил, что как бы посещаемость этих политических ресурсов минимальная в процентом отношении, наиболее продвинуные и посещаемые сайты – это СПС и «Яблоко», это их категория избирателей молодых, образованных и достаточно обеспеченных, которые интересуются технологиями и обращаются на этот сайт. Вы знаете, что СПС на своем сайте проводил голосование «Вы за военную реформу», «Вы против военной реформы» и поскольку этой реформой интересуется в основном молодежь, то конечно же вся молодежь скажет «Да» отмене обязательной военной службе. Но это скорее манипулирование общественным мнением.

Правительство Великобритании предложило семь принципов электронного правительства⁹:

1) *Выбор* – сделать получение услуг в электронном виде предпочтительным для пользователей вариантом.

2) *Конфиденциальность* – обезопасить информацию, полученную от граждан и фирм, и обеспечить, чтобы граждане осознавали эту безопасность.

Политический центризм: как он есть в России *

Л.Н. Тимофеева, кандидат политических наук

Хочу поддержать тех, кто выразил осторожный оптимизм относительно наличия элементов политического центризма в России.

Во-первых, действительно, политический центризм признан нашей политической элитой и воспринят общественным сознанием. Кстати, во многом благодаря дискурсу ученых-обществоведов здесь присутствующих еще в 1992-1993 гг. Место дискуссий – Горбачев-Фонд, редакция журнала «Свободная мысль», пресс-клуб «Гражданского союза» и т.д. И в этом я нахожу положительный момент.

Во-вторых, он воспринят и нашими политическими партиями. Кто только не называл себя центристом накануне последних выборов в Думу в 1999 году: ЛДПР, НДР, «Отечество», «Вся Россия», «Единство», «Женщины России» и т.д. и т.п.. Значит, у партийно-политической элиты тоже есть понимание необходимости формирования политического центра с помощью партийного строительства.

В-третьих, он воспринят нашей властью как элемент политики, как позиция медиатора между правыми и левыми в России.

Поддерживаю тезис докладчика, что центризм есть согласие (по поводу ценностей, норм и т.д.) в обществе и не могу поддержать тех участников дискуссии, кто полагает, что центризм и консолидация общества – разные вещи. Причем, замечу, что центризм как политика власти в качестве результата в обществе должен получить пусть и молчаливое, но добровольное согласие большинства с ее курсом. В этой связи для многих посткоммунистических государств одной из самых серьезных является проблема политико-культурной медиации в условиях сосуществования двух различных моделей ценностных систем. Характерна она и для России. Главный ценностный разлом в стране сегодня по-прежнему проходит по линии рынок или государственный патернализм, свобода или равенство. Борьба идет между сторонниками постиндустриальной индивидуалистической модели ценностей западного типа и последователями противоположной модели, связан-

* В предыдущем сборнике «Проблемы становления гражданского общества в России (№3, 2003 г.) опубликован обширный материал по тематике политического центризма. В дополнение к вышеданным публикациям печатаем статью Л.Н. Тимофеевой, в которой автор продолжает поднятую на семинаре дискуссию.

ной с носителями традиционалистской российской ментальности и тяготеющей к патриархально-коллективистской модели ценностей.

По данным российских социологов примерное количественное соотношение двух моделей таково: приверженцы индивидуалистической системы ценностей составляют 25-30 %, носители традиционной модели ценностного сознания — 35-40%. Остальные — 30-35 % группа людей с противоречивым типом ценностного сознания¹. Именно в ней сосредоточен основной слой людей, для которых свойственно раздвоенное сознание, сочетание несочетаемого и отсюда, мучительное желание примирить в себе эти начала, этот дуализм. Именно сюда перемещаются прежние носители индивидуалистической системы ценностей западного типа. Из этой же группы пополняется та часть населения, которая привержена в целом традиционной системе ценностей. Можно предположить, что именно она и является основой для центристских взглядов в обществе, но над этим еще нужно потрудиться. И, прежде всего, борясь с бедностью, т.е. устраняя экономические причины, но не только.

Мне представляется важным управление этим процессом, чтобы уберечь Россию от необоснованных крайностей политического радикализма справа и слева. Управлять им важно еще и потому, чтобы снизить уровень неопределенности и конфликтности, а значит и порог социально-политических и экономических рисков для общества в будущем. В связи с этим весьма актуальным представляется проблема приближения к политическому центризму через *управляемую демократию*.

Как известно в основе демократии стоит проблема консенсуса, т.е. относительного согласия в отношении чего-либо. С точки зрения теории демократии необходимо четко различать хотя бы три объекта возможного размежевания и соглашения: 1) конечные цели (такие как свобода и равенство), которые составляют структуру системы представлений; 2) правила игры, или процедуры; 3) конкретные правительства и правительственная политика. Эти объекты консенсуса — неконсенсуса согласно Д.Истону, могут быть трансформированы на три уровня: а) консенсус на уровне сообщества или основной консенсус; б) консенсус на уровне режима или процедурный консенсус; в) консенсус на уровне политики.

Основной консенсус, по мнению Г.Алмонда, Дж.Сартори² и др., хотя и не необходимое, но благоприятное условие демократии. Он помогает установить ее правомерность. Хорошим индикатором «успешной демократии» является ответ на вопрос — приобрела ли она или нет основной консенсус.

В связи с ранее приведенным мониторингом основных ценностей

россиян становится очевидным, что в России базовый консенсус только намечается и задача № 1 — создать его хотя бы в политическом сообществе. Отсюда и востребованность управляемой демократии, что означает управляемого консенсуса среди сформировавшихся политических институтов. Вот почему такое значение придается активизации «партии центра» или пропрезидентской партии в современном парламенте, которая может стать медиатором в политических конфликтах «правых» и «левых» в России. Сегодня в стране сложился такой расклад партийных сил. У нас действуют партии западничества, радикальной модернизации и элитизма в лице СПС (и смыкающегося с ним по отдельным вопросам «Яблока») и почвенничества, консерватизма, государственного патернализма и социальности в лице КПРФ. Центризм — правый и левый — отстаивают фракции «Единство» и «Отечество». К ним примыкают депутатские группы «Регионы России» и «Народный депутат». При этом одни претендуют на неоконсервативную, а другие на — социал-демократическую идеологию в западном понимании, т.е. центр как таковой только оформляется. Объединительный съезд «Единства», «Отечества» и «Всей России» 1 декабря 2001 года положил начало работе над общим вектором их политической программы. Основные ценности этих политических организаций: свобода, демократия, закон, социальная справедливость и т.д. дают основания полагать, что это есть политическая платформа чисто российского неоконсерватизма, содержащего в себе и идеи патриотизма и государственничества, и свободы предпринимательства, и равенства возможностей т.е. понимание справедливости в рамках российского менталитета. В этом смысле известную поговорку: «Англия любит свободу, но не любит равенство. Франция любит равенство, но не любит свободу», можно дополнить так: Россия любит и свободу и равенство, но предпочитает справедливость». А в этой самой «справедливости» и зарыта собака российского менталитета: бедность не порок, порок — богатство, богат значит вор. Рождено эпохой первоначального накопления капитала конца XIX, XX веков.

Недостаток или утрата основного консенсуса может стать губительным для демократии, но еще важнее процедурный консенсус, который устанавливает основные правила игры. Именно с помощью них регулируются все конфликты в обществе. Фактически, революции и гражданские войны заканчиваются с установлением победителем правил, которые помогут мирно решать конфликты. В условиях демократии — это «правила игры» большинства, или принцип большинства. Если принцип большинства не принимается, то эта демократия как режим, как политическая форма не признается. По сути дела, процедурный консенсус является неперемнным условием демократии. Дж.Сартори

остроумно заметил: «Афоризм о том, что в условиях демократии мы соглашаемся по поводу того, с чем мы не согласны, фактически означает, если его расшифровать, что а) мы должны, прежде всего, выработать согласие в отношении правил, регулирующих несогласие и рассматривающих конфликтные ситуации; б) расхождение во мнениях в рамках таких правил — это несогласие, защищаемое и стимулируемое демократией»³. При этом необходимо понимать, что принцип большинства в переходный период от одной политической системы к другой затруднительно воплотить в силу неоднозначности, шаткости самого периода, «переходности» общественного сознания, которое, как мы установили, весьма амбивалентно, противоречиво. Значит, требуются определенные импульсы «сверху», чтобы добиться хотя бы видимости общих правил игры. Выступая на третьем съезде Общероссийской общественно-политической организации «Отечество», где было принято решение о создании совместной с «Единством» политической партии Ю.М.Лужков предложил одну из таких технологий. Он заметил, что в стране сложилась абсурдная картина, которую не увидишь больше ни в одной стране мира: «в Государственной Думе абсолютное большинство составляют депутаты центристских фракций. В это самое время, в экономическом блоке Правительства работают исключительно ультра либералы, действующие в соответствии с программными установками Союза правых сил, за который, кстати, голосовало всего 8,5% избирателей. А в Думе большинство руководящих постов, в том числе — ключевые комитеты, в руках другого меньшинства — коммунистов»⁴. Чтобы выйти из нее необходимо предпринять целый ряд ответственных шагов. И это было сделано. В результате — коммунисты лишились части комитетов, отдав их руки фракций, поддерживающих президента. Рабочая группа Госсовета — совещательного органа при Президенте Российской Федерации — под руководством Лужкова подготовила предложения по масштабной административной реформе. Смысл ее состоит в том, чтобы сделать правительство тем самым медиатором, способным мягко балансировать между правыми и левыми настроениями в обществе. Правительство должно стать *коллегиальным органом власти и управления*, политически и юридически ответственным за реализацию внешней и внутренней политики страны. А для этого необходимо произвести рекогносцировку на партийно-политическом поле страны. При наличии сегодня в Думе организованного конструктивного большинства в лице союза четырех фракций и групп: ОВР, «Единства», «Народного депутата» и «Регионов России» Правительству предложено заключить *Соглашение о сотрудничестве* с этими силами, где будут названы ключевые программы и приоритетные законодательные акты. Оно должно предусматривать участие этих цен-

тристских сил в подготовке правительственных законопроектов.

Следующий шаг — формирование *ответственного правительства* руками Президента, но на основе консультаций с этими силами и на их кадровой базе. По сути дела предлагается де-факто изменить конституционную норму по формированию правительства: победившая на выборах 2003 года партийная коалиция имеет право сформировать свое правительство. Иными словами, по мысли реформаторов, высшие руководители страны должны быть ответственны перед выдвинувшей их партией, которая в свою очередь отвечает перед народом за результаты их деятельности.

Третий уровень консенсуса — консенсус в отношении политики и правительства выдвигает на передний план постоянно идущий политический дискурс между правящей элитой и контрэлитой, стремящейся к власти. Это фактически тот контекст, в котором несогласие, неконсенсус и оппозиция появляются, как характерные элементы демократии. Причем несогласие по вопросам политики и оппозиция правительствам — это неконсенсус по отношению к членам правительства, а не по отношению к форме управления. Если под вопросом последнее, тогда на карту поставлен или основной или процедурный консенсус, а, возможно, и тот и другой.

В этой связи необходимо не только не исключать политическую оппозицию из политического соревнования, а, наоборот, стремиться сделать ее постоянным оппонентом, постоянно пускать в оборот ее разумные идеи.

Если теперь обратиться к нашей политической практике и проанализировать три цикла избирательных кампаний в России, то можно прийти к выводу о том, что в условиях главного кливажа — основного ценностного конфликта между модернизаторами и консерваторами в течение всего это времени предпринималась попытка вначале добиться процедурного консенсуса. Затем через него — прийти к базовому, а уже потом — к постоянно действующему дискурсу о политическом курсе и его изменениях. Кто был инициатором этих отношений? Вначале сама общечеловечность, объединившаяся в составе «Гражданского союза», и параллельно — правящая элита, или вернее — принимающая политические решения высшее чиновничество. Именно оно стала «архитектором» процесса «управляемой демократии». «Управляемая демократия» началась с создания основных инструментов дирижирования избирательным процессом, так называемых «партий власти». Впервые они приняли участие, как было уже отмечено, в выборах 1993-го года и представлены были Партией российского единства и согласия (ПРЕС) вице-премьера правительства Сергея Шахрая и «Выбором России» бывшего и.о. премьер-министра Егора Гайдара, набрав-

шими соответственно 6,76 % и 15,38 %. Их задача была вместе с либеральным «Яблоком» (7,83 %) противостоять антиреформаторским силам в Думе. Затем «партии власти» стали постоянными участницами избирательного процесса. Правда, каждый раз — новые, поскольку решали «сиюминутные», тактические задачи, новые задачи, и не имея достаточной укоренённости внизу, в обществе, а также успев дискредитировать себя как несамостоятельные политические игроки к следующим выборам сходили на нет.

В 1995 году было создано движение «Наш дом — Россия», перед которым стояла задача стать правоцентристской политической силой с опорой на субъекты федерации, способной поддержать усилия правительства по реформированию страны. Возглавил его премьер В.С.Черномырдин, а в состав совета вошли главы 36 регионов России. Тогда же «партии власти» вели свою политическую агитацию с прицелом на президентские выборы. Более того, в марте 1996 года сторонниками Б.Ельцина было создано общероссийское движение общественной поддержки первого президента России Бориса Ельцина, основу которого и составили «Наш дом — Россия», «Реформы — новый курс», «Союз реалистов», «Женщины России» и др., которое проводило активную президентскую избирательную кампанию, в результате чего Ельцин был переизбран на второй срок.

В 1999 году в предвыборную борьбу за места в парламенте включились новые центристские акторы в лице «партий власти» — вначале «Отечество», а затем «Единство», причем впервые «партии власти» боролись друг против друга. Особая интрига заключалась в следующем. В 1998 году с отставкой В.С. Черномырдина была разрушена «партия власти», являвшаяся корпоративной поддержкой Правительства. Последовавшие вскоре финансовый и политический кризисы «отодвинули» Президента и его команду от непосредственного формирования политического курса (что выразилось, например, в том, что Президент вынужден был согласиться с кандидатурой Председателя Правительства, предложенной Думой — Е.М. Примакова) и сделали призрачными надежды на восстановление централизованной «партии власти». В этой связи ее воссоздание началось «снизу», с регионов. О создании блоков объявили губернаторы отдельных регионов-доноров, так возникли «Отечество» и «Вся Россия». На протяжении почти всего 1999 года фаворитами на будущих президентских выборах виделись лидер КПРФ и представитель вновь созданного блока губернаторов. Однако благоприятная экономическая конъюнктура и снижение социальной напряженности в стране создали условия сначала для реабилитации президентской власти и возвращения ею контроля над правительством, а затем и для восстановления, пусть и не без потерь, централи-

зованной «партии власти». На выборах депутатов Государственной Думы «соревновались» избирательные блоки — «региональный» «Отечество — Вся Россия» и «пропрезидентское» «Межрегиональное движение «Единство». Фактически, борьба велась вокруг решения вопроса, кто и как будет восстанавливать «партию власти» снизу, т.е. региональные «бароны», или сверху, т.е. президентская администрация. Победившая сторона получала право выдвинуть кандидата в президенты от «партии власти». Победу с разгромным счетом (23,32% у «Единства» («Медведя») против 13,33% у ОВР) одержала исполнительная федеральная власть и единым кандидатом стал ее представитель Владимир Путин.⁵

Если все предыдущие выборы решали вопрос только удержания власти, а затем вновь перед правящей элитой появлялась опасность ее потери, и потому возникала необходимость конструирования новой «партии власти», то в 1999 году были заложены основы ее безопасного существования на более длительный срок. Потому что опора была сделана на традиционные и новые ценности россиян: государственность, патриотизм, закон, порядок, демократия. Вернув себе образ влиятельной силы, Кремль создал условия для объединения вокруг себя тех сил, которые не имеют собственной четкой политической ориентации и группируются вокруг победителя, кем бы он не был. Это так называемое «болото» или потенциальный центр.

Благодаря «управляемой демократии» в России действует вполне конкурентная многопартийная политическая система. Это позволяет несколько сгладить противоречие между двумя разломами ценностного и социально-экономического характера. Однако, чтобы добиться редуцирования деструктивной конфликтности и добиться базового консенсуса в обществе, необходимо достигнуть вначале процедурного. Процедурный консенсус или принимаемые большинством общества «правила игры» — Конституция РФ, избирательная система, ее тип, способы нарезки избирательных округов, качество всех избирательных процедур, законодательство о выборах и т.д. — все это оказывает серьезное влияние на то, какую форму примет социальная структура общества завтра, какие группы и какое групповое самосознание сформируют, каковы будут связи между ними, какие политические субкультуры получат наибольшее распространение, что в сумме означает — каким будет ближайшее будущее.

К примеру, только один элемент из процедурного консенсуса — пропорциональная система выборов ведет к формированию многих *независимых* партий, а мажоритарная — в два тура — к образованию многих партий, которые *связаны* друг с другом и т.д. Россия избрала смешанный тип голосования, который помог сначала оформиться пер-

вым небольшим альтернативным партиям, затем подтолкнул их к выстраиванию коалиций и блоков, а потом и заставил объединяться в более крупные партийные образования. Сейчас в России действует пять-шесть партий-лидеров, способных бороться за места в парламенте.

Как известно, различают многопартийность: двухпартийную, двухблоковую, трехпартийную, а также систему многопартийной раздробленности. Классическим образцом двухпартийной системы являются США, когда при наличии и многих других партий соперничество за власть практически происходит только между двумя партиями. Франция являет пример биполярной, двухблоковой системы. Здесь правые партии (Объединение в поддержку республики, Союз за французскую демократию и другие) образуют правый блок, а социалистическая, коммунистическая и партия «зеленых» — левый. Италия показывает практику работы системы многопартийной раздробленности, где ни одна партия или группа партий не имеет явного преимущества, а власть осуществляется коалициями, изменяющимися по составу.

Подписание В.В. Путиным закона о политических партиях означало начало серьезной перестройки партийной системы в направлении укрупнения партий и формирования в перспективе трехпартийной системы. По всей видимости, левый сегмент партийного спектра будет занят КПРФ, правый — «Яблоком» и Союзом правых сил, а на роль центра обоснованно претендует «Единая Россия». Что дает трехпартийная система? Смягчает радикализм в условиях дуализма «правые — левые». Преимущество центристских партий в том, что с ними сотрудничают и правые, и левые, в то время как друг с другом они не взаимодействуют. Одновременно «центр» то и дело забирает у них электорат. Трехпартийная система создает возможность для создания блоковой системы правящих партий в условиях, когда одна партия не в состоянии прийти к власти или долго удерживать ее. Во Франции, например, на протяжении всей истории Третьей республики радикал-социалисты (левый центр) постоянно переходили от центристской солидарности (которая приводила к концентрации) к гошистской (которая породила Картель, Народный фронт и т.д.).

Правда, попытка создания центристской коалиции из нескольких пропрезидентских партий, стержнем которой может стать новая политическая партия, актуализируют вопрос о технологиях взаимоотношения между ними. Мощная центристская партия может стать серьезным стимулом к началу объединительных процессов в других сегментах партийного поля. В этой связи «партии власти» придется определить свою политику в отношении потенциальных партнеров и соперников. Главными политическими оппонентами центристов мо-

гут стать: КПРФ, способная поглотить более мелкие левые партии и движения, и блок правых партий (СПС и «Яблоко»), заявляющих о себе как об идейных сторонниках Президента в связи с объявленным им либеральным курсом экономических реформ.

Можно ли говорить сегодня о реальном вкладе «пропрезидентской партии» в продвижение реформ? Поскольку эту роль выполняло «Единство» С.Шойгу – Б.Грызлова, то, можно сказать, что определенный вклад она, несомненно, внесла, особенно на первоначальном этапе формирования Думы третьего созыва. Прежде всего, сумела обеспечить нормальный процесс формирования комитетов, вступив в переговоры с крупнейшей фракцией в Думе – КПРФ; принятие пакета федеральных законов о реформировании вертикали власти, договорившись с другими «центристами» и «правыми», сумев преодолеть даже вето верхней палаты. По инициативе «Единства» внесены поправки ко второй части Налогового кодекса, смягчающие налоговое бремя. Фракция выступила с инициативой об уменьшении срока давности по подаче исков на проведенную приватизацию с целью обеспечить гарантии собственности и оживить инвестиционный климат. Разработала основные положения об экономической амнистии. Внесла предложение о существенном сокращении налога с прибыли. Кроме того, фракция заявила о своей позиции по основным дебатлируемым законопроектам, инициируемых Президентом и Правительством.

Понятно, что отношение электората к партии связано с ее участием в принятии непопулярных, но крайне важных для оживления экономического климата в стране, решений. А здесь у центристов есть явные ошибки. Возьмем, к примеру, вопрос о *жилищно-коммунальной реформе (ЖКХ)*. 83% населения, по данным ВЦИОМ, считают, что после повышения тарифов на жилищно-коммунальные услуги оплата жилья станет для их семей слишком высокой. 81% населения убежден, что в ходе реформы жилищно-коммунального хозяйства качество коммунальных услуг, содержание жилья, подъездов, придомовых территорий не улучшатся. Так вот фракция «Единство» голосует за реформу, а в это время партия «Единая Россия» выходит с плакатами в регионах против такой реформы ЖКХ.

Вывод. Центризм в России — свой, специфический, русский. С одной стороны, он основывается на вполне понятных, к примеру демократической Европе, принципах: политический и экономический плюрализм, терпимость, хотя и ограниченная к инакомыслию, гражданский мир, переговоры как ведущий метод политики, о чем говорил В.М. Межуев, но с другой — это характерный для России порядок его утверждения — «сверху», не дожидаясь пока он вызреет снизу. Хотя, справедливости ради, еще раз повторю — попытки самоорганизации

центристов «снизу» все же были. Еще до «Гражданского союза» весной 1991 года был создан первый политический блок «Гражданское согласие», а осенью 1993 возник комитет «Согласие ради Отечества», чьи девизом стали слова «Достоинство, справедливость, здравый смысл и созидание». Возглавили комитет представители различных политических сил: Н.Травкин, Л.Вартазарова, Р.Абдулатипов, Д.Рогозин, Ю.Скоков, Н.Федоров, О.Попцов. И это была общественная самодеятельность, не нашедшая, правда, отклика у большинства, ведь затем последовали события сентября — октября 1993 года.

Потом за дело взялась власть. Да, она попутно, а может быть, и в первую очередь, решает свои собственные задачи самосохранения, но и пытается объединить общество. Читайте Манифест партии «Единая Россия». Центристской партии или партии-медиатору в рамках «управляемой демократии» придется в будущем выполнить следующие функции: *реформаторскую функцию* — стать партией, помогающей Президенту РФ проводить социально-либеральные реформы в стране; *функцию просвещения и убеждения* — ей надлежит приложить немало сил, чтобы разъяснить населению смысл реформ и принимаемых законов и тех благ, которые они им сулят, а также смысл непопулярных пока решений и причины их принятия, перспективы их пересмотра; *идеологическую функцию* — четко сформулировать центристскую систему ценностей; *переговорную функцию* — ей придется научиться быть медиатором между правыми и левыми партиями, вести с ними постоянный «круглостольный процесс»; *созидательно— организационную функцию* — в качестве противовеса радикалам слева и справа призвать на помощь институты нарождающегося гражданского общества в лице неполитических и некоммерческих организаций, способствовать их скорейшему развитию. Как показал 1-й Гражданский форум в России и активизация гражданских сил после него, в стране формируется мощная «гражданская партия», которая как раз могла бы оказать поддержку политической партии центра или партии реформ. И здесь я совершенно согласен с С.П. Перегудовым, который говорил о новом социальном партнерстве, складывающемся в обществе между государством, бизнесом и институтами гражданского общества.

И еще. Мне тоже неприятны те «центристы» в лице «партии власти», которые только и ждут, что «отложенного вознаграждения» в виде постов, наград, денежных вливаний, но, поверьте, что среди них есть люди, уверенные, что работают они ради России и идеи ее объединения.

¹ См.: Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: РОССПЭН. 2000.

² По мнению профессора Колумбийского университета, лауреата премии А.Швейцера Дж.Сартори, консенсус – не реальное согласие, он не подразумевает активного согласия каждого гражданина в отношении какого-либо вопроса, а потом это «общее признание, которое «отчасти объединяет».

³ См.: Sartory G. Governed Democracy and Governing Democracy. The Theory of Democracy Revisited. Part I. New Jersey, 1987

⁴ См.: О социально-политической ситуации в стране и задачах «Отечества» по преобразованию в партию» Доклад Ю.М.Лужкова на заседании Третьего съезда ОПОО «Отчество» 13 октября 2001 г.

⁵См.: Коргунюк Ю. Конец Великой Российской революции. Президентская кампания 2000 г. в контексте партийно-политических процессов. Партиформ, 3.05.2000.

Трансформация структуры и приоритетов развития ядерного комплекса и «закрытых городов»

(Задачи лоббирования «согласованного развития»)

**Иванов В.В., аспирант Академии труда и социальных
отношений, г. Москва**

В условиях либерализации экономики и перехода к рыночным отношениям, характеризующимся общим экономическим кризисом в стране, а также обвальным падением производства во многих отраслях, предприятия ядерного оружейного комплекса, в первую очередь, расположенные в закрытых административно-территориальных образованиях, попали в сложную ситуацию. Немаловажную роль в падении производства сыграла политика, направленная на приватизацию многих ключевых отраслей экономики.

Резкое сокращение объема государственного заказа по основной тематике (фактическое сужение рынка военной продукции) повлекло за собой не только серьезные финансовые затруднения, но и создало сложные проблемы социального, научно-технического и экономического характера.

В «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» отмечается, что в современном мире динамично трансформируется система международных отношений. После окончания эры биполярной конфронтации возобладали две взаимоисключающие тенденции. Первая проявляется в укреплении экономических и политических позиций значительного числа государств и их интеграционных объединений, в совершенствовании механизмов многостороннего управления международными процессами. При этом все большую роль играют экономические, политические, научно — технические, экологические и информационные факторы. Вторая проявляется через попытки создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США и рассчитанной на односторонние, прежде всего военно-силовые, решения ключевых проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права.

Формирование международных отношений сопровождается конкуренцией в сфере экономики, а также стремлением ряда государств усилить свое влияние на мировую политику, в том числе путем создания и использования оружия массового уничтожения. Значение военно-силовых аспектов в международных отношениях продолжает оставаться существенным.

Именно поэтому в Концепции отмечается, что «...пока неприменение силы не стало нормой международных отношений, национальные интересы Российской Федерации требуют наличия достаточной для ее обороны военной мощи ... Российская Федерация должна обладать потенциалом ядерных сил, способных гарантировать нанесение заданного ущерба любому государству-агрессору либо коалиции государств».

Однако в реальной жизни происходит ослабление научно-технического и технологического потенциала страны, сокращение исследований на стратегически важных направлениях научно-технического развития, отток за рубеж специалистов и интеллектуальной собственности. Это угрожает России утратой передовых позиций в мире, деградацией наукоемких производств. Усиливается внешняя технологическая зависимость России и происходит подрыв ее обороноспособности.

В этих условиях единственно возможный и экономически оправданный путь сохранения военной безопасности России и обеспечения стратегической стабильности состоит в поддержании на достаточном уровне национального ядерного потенциала и соответствующих научно-производственных мощностей в ядерном комплексе.

Российская Федерация обязана обладать ядерными силами, способными гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому государству — агрессору или коалиции государств при любых условиях, в любой обстановке.

В то же время страна не должна утрачивать и перспективу — более широкую интеграцию своей экономики в мировую экономику, расширение сотрудничества с международными экономическими и финансовыми институтами.

В последние годы в ядерном комплексе России происходят радикальные изменения, обусловленные целым рядом как объективных, так и субъективных причин. Осуществляется фактическое ядерное разоружение силовых структур до минимально необходимого уровня. Это обуславливает сокращение не только ядерного оружия, но и сокращение отрасли, создающей и производящей ядерный комплекс, в том числе ведущих предприятий по разработке ядерного оружия, соответствующей инфраструктуры.

Изменения в политической системе страны и экономический кри-

зис привели к тому, что государство больше не в состоянии на прежнем уровне (в сопоставимых ценах) финансировать ядерный оружейный комплекс.

Ранее перед предприятиями ядерного оружейного комплекса ставилась задача любой ценой сохранить военно-технический паритет или добиться преимущества над потенциальным противником. Решение этой задачи обеспечивалось многими факторами: функциональной, иерархической структурой, административным стилем управления, сосредоточением власти и ресурсов в руках руководителя. Критериями успеха в управлении предприятием считалось достижение поставленных целей, выполнение масштабных задач и способность освоить финансовые ресурсы.

Сегодня, в условиях ограниченного финансирования, затратные методы управления должны уступить место управленческим технологиям, ориентированным на экономически эффективную деятельность предприятия, на достижение целей с минимальным расходом ресурсов. Новые структура и методы управления должны обеспечить организации гибкость и приспособляемость к динамичному внешнему окружению, к деятельности в условиях жесткой конкуренции, способствовать инновациям и мотивировать наиболее деятельных и предприимчивых работников.

С этой точки зрения идея сохранения научно-технического потенциала предприятий ядерного оружейного комплекса рациональна лишь при осуществлении указанных выше изменений. Консервация организационной культуры, структуры управления и управленческих технологий, характерных для экономики социализма, вряд ли способна положительно повлиять на их состояние.

Необходимо иметь в виду, что процесс фактического разоружения проходит в условиях либеризации экономики. Идет объективный процесс приватизации и акционирования предприятий, еще недавно игравших существенную роль в производстве оборонной продукции. При этом руководству отрасли и предприятий необходимо оперативно решать не только проблемы конверсии оборонных производств, но и целый ряд проблем, связанных с переподготовкой и социальной реабилитацией персонала, экологической реабилитацией территорий, освобождаемых предприятиями ядерного комплекса и передаваемых для народнохозяйственной деятельности. Можно назвать и другие важные проблемы, требующие своего решения.

При проведении оценок перспектив развития ядерного оружейного комплекса на ближайшую перспективу необходимо учитывать ряд факторов.

Политические факторы :

1. Высокая степень политической нестабильности; и, соответственно, трудно прогнозируемая политическая ситуация.

2. Постепенное сворачивание в ближайшие 5 лет работ в области ядерного оружия, несмотря на провозглашенный в Концепции национальной безопасности России курс на сохранение ядерного оружия и ядерно-оружейного комплекса.

3. Отсутствие влиятельного, компетентного ядерного лобби в президентских, правительственных и парламентских структурах, способного к активному формированию реальных представлений о подлинной научно-технической перспективе экономических и социальных преимуществах ядерных технологий. Это, скорее всего, не позволит создать в ближайшее время законодательную и нормативно-правовую базу, обеспечивающую не только устойчивое функционирование ядерного оружейного комплекса в настоящее время, но и поддержку программ его реструктуризации и конверсии в будущем.

Примером может служить проект системообразующего федерального закона для ядерного оружейного комплекса «О создании, эксплуатации, ликвидации и обеспечении безопасности ядерного оружия». Он до сих пор не подписан Президентом России, хотя уже более трех лет назад принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации РФ.

4. Тенденции государственной политики, направленные на последовательное свертывание государственного сектора даже в такой важной отрасли как ядерная энергетика. Допущение же на ядерные объекты частной собственности уже в ближайшее время может создать предпосылки для частичной дезинтеграции ядерно— и радиационно-опасных производств.

Важность учета политических факторов особенно наглядно демонстрирует опыт работы Лос-Аламосской национальной лаборатории США, где проводится четкая грань между участием в политической деятельности и изучением политических факторов. Это является допустимым. В целом такая работа строится по направлению подготовки научно-технического обеспечения перспективных политических решений по вопросам оборонной и научно-технической политики и по направлению работы с местными органами власти и общественностью.

Подобное политическое сопровождение научно-технической политики предприятий (безусловно, с учетом финансовых реалий) должно являться важнейшей составляющей деятельности и предприятий ядерного оружейного комплекса.

Исходя из этого, вероятно, необходимо проанализировать соответствующие разделы политических программ основных российских политических партий (движений) и выделить их содержание в плане

взглядов на обеспечение национальной безопасности.

Таким образом, с одной стороны, с большой долей уверенности можно говорить о том, что исключительно важная роль ядерного оружия для России в обозримом будущем сохранится, а предприятия, играющие ключевую роль в поддержании эффективности, надежности и безопасности ядерного оружия, в определенной мере сохраняют свой статус.

С другой стороны, с той же долей уверенности, можно утверждать, что на государственном уровне, по прежнему, неуклонно проводится политика по постепенному сокращению государственного оборонного заказа на традиционные виды деятельности предприятий, связанные с разработкой новых типов и модернизацией существующих типов ядерного оружия.

В этих условиях решения, принимаемые на государственном уровне, как в отношении самих субъектов ядерного оружейного комплекса, так и в отношении закрытых административно-территориальных образований, должны быть адекватны условиям и процессам российских реформ.

Экономические факторы:

1. Экономическая политика западных стран и контролируемых ими международных организаций на мировом рынке направлена на недопущение России к выходу на мировой рынок высоких технологий и ядерного сырья, а деятельность в области ядерного оружия ограничена еще и международными договорами.

Наглядным примером может служить участие России, и в частности, Минатома России, в проекте постройки в Иране ядерного реактора или совсем недавно только законодательно решенную проблему переработки на предприятиях ядерного оружейного комплекса России отработавшего ядерного топлива с зарубежных атомных электростанций. Мы наблюдаем резкое противодействие со стороны ряда западных стран, в частности, Франции и Великобритании, которые не заинтересованы в потере этого сегмента рынка.

Для России же эти проекты и вырученные за них деньги — возможность дополнительного финансирования и развития ядерного оружейного комплекса.

2. Проблема нераспространения ядерного оружия решается не путем прозрачного вовлечения российских институтов в мировые научно-технические программы, а путем индивидуального отвлечения сотрудников, способных заниматься проблемами ядерного оружия, на международные договора и гранты с высокой, по российским меркам, оплатой труда.

3. Объемы конверсионных производств вряд ли будут значительны

из-за высокой стоимости конверсии (по имеющимся данным, стоимость одного рабочего места при создании нового высокотехнологического производства, составляет до 10 тысяч \$).

4. Отсутствие экономически надежных (платежеспособных) заказчиков на продукцию конвертируемых производств.

5. Ограничения на коммерческую деятельность предприятий, связанные с ограничениями по экспортному контролю, спецификой функционирования, обеспечения режима сохранения государственной тайны и нераспространения ядерного оружия, в своей совокупности могут оказывать значительное отрицательное влияние на конкурентоспособность продукции, прежде всего, в связи с повышенным уровнем затрат. Кроме того, такие закономерности современной экономики, определяющие успех в конкурентной борьбе как глобализация рынка, интернационализация разработки и производства, тотальная информатизация и динамичность кооперационных связей и т. д., требуют гораздо большей открытости.

С учетом сказанного выше, можно предположить, что программы конверсии, особенно в том виде, в котором они существуют сейчас, не смогут обеспечить выживание и сохранение большинства предприятий ядерного комплекса и не могут, скорее всего, являться в долгосрочном плане главным направлением их развития как структур, отвечающих за научно-технический прогресс и уровень ядерных оружейных технологий в стране, как в оборонных, так и мирных целях.

Технологические факторы:

1. Фундаментальное сокращение возможностей (как финансовых, так и интеллектуальных, в силу целого ряда причин) развития научно-технической, экспериментальной и производственной базы.

Следствием этого явилось то, что за последние 10 лет, по сути дела, не было реализовано ни одного действительно крупного, требующего привлечения всего научного и производственного потенциала отрасли проекта в области экспериментальной и производственной базы. (например, в Российском Федеральном ядерном центре – ВНИИ экспериментальной физики последний такой проект был осуществлен в конце 80-х).

2. Серьезные проблемы могут возникнуть при проведении изменений в связи с имеющейся, на взгляд автора, «определенной переоценкой» имеющегося технологического и производственного потенциала предприятий, именно в части создания на его основе действительно конкурентоспособных и самокупаемых (что принципиально важно!) разработок и, соответственно, производств народнохозяйственного, прикладного и научного значения.

Социальные факторы:

1. Неопределенность перспектив и снижение престижности и выгоды, как материальной, так и моральной, работы по оборонной тематике.

2. Резкое снижение объемов работ, вызывающее неполную загрузку не только у отдельных работников, но и у целых коллективов, что создает условия для снижения уровня квалификации, падения дисциплины.

3. Отсутствие, на данный момент, реальных возможностей для трудоустройства работников в случае принудительного сокращения (отсюда преобладание у основной массы работников психологии — не хотим перемен(!), а вдруг будет хуже!).

4. Появление реальной возможности для использования высококвалифицированных работников вне института, причем за существенно большую зарплату, с одновременным сохранением рабочего места в институте.

5. Необходимо соотнести оживление интереса молодежи к естественным наукам и технике с реальными возможностями привлечения в институт талантливой молодежи. Необходимо не понижение планки среднего возраста специалистов, а привлечение талантливой молодежи. Однако, «общее старение» коллективов предприятий может этому серьезно препятствовать.

Процессы политической и социально-экономической конверсии поставили в сложное положение не только предприятия ядерного оружейного комплекса, но и закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), созданные по роду деятельности градообразующих предприятий и образующие, фактически, по сути своей, вместе с градообразующими предприятиями, своего рода «федеральные оборонные социально-экономические комплексы».

Отметим, что в закрытых административно-территориальных образованиях Минатома России на начало 1998 года проживало 730.2 тыс. человек, численность экономически активного населения составляло 419.6 тыс. человек, из них на градообразующих предприятиях и организациях работает свыше 135 тыс. человек, что составляет около 32 % от общего числа работающих в городах ЗАТО.

С учетом этого, крайне важное значение для политической и социально-экономической стабильности ядерного оружейного комплекса имеет четкое определения статуса ЗАТО в системе федерального управления и их взаимодействия на административно-территориальном поле (включая уровень субъекта Российской Федерации).

В этих условиях, решения, принимаемые на государственном уровне, как в отношении самих субъектов ядерного оружейного комплекса, так и в отношении ЗАТО, должны быть адекватны условиям и про-

цессам российских реформ.

Развитие института цивилизованного лоббирования интересов «федеральных оборонных социально-экономических комплексов» в условиях российских реформ

(на примере закрытых административно-территориальных образований)

Иванов В.В., аспирант Академии труда и социальных отношений, г. Москва

Как показал анализ проведенных автором исследований [1,2], в современных условиях единственно возможным и экономически оправданным способом сохранения военной безопасности России и обеспечения стратегической стабильности является поддержание на достаточном уровне национального ядерного потенциала и соответствующих научно-производственных мощностей в ядерном оружейном комплексе.

При этом нельзя не учитывать состояние и направленность политических и социально-экономических процессов конверсии субъектов деятельности ядерного оружейного комплекса, трансформацию структуры и приоритетов его развития, а также перспективы развития закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), созданных по роду деятельности градообразующих предприятий и составляющих фактически вместе с предприятиями, своего рода «федеральные оборонные социально-экономические комплексы».

Переживаемый Россией период системных общественно-политических перемен с особой остротой ставит вопрос об отношениях между государством и обществом, о характере и динамике этих отношений в решении проблем, имеющих ключевое значение для обеспечения национальной безопасности, в том числе и проблем сохранения и развития ядерного оружейного комплекса.

С учетом этого крайне важное значение для политической и социально-экономической стабильности ядерного оружейного комплекса имеет четкое определение статуса ЗАТО в системе федерального управления и их взаимодействия на административно-территориальном поле (включая уровень субъектов Российской Федерации).

Отсутствие правовых норм в указанной сфере деятельности, адекватно отражающих изменившиеся общественно-политические условия в стране, при изменившейся структуре государственной власти может привести к нарушению устойчивого функционирования ядерного оружейного комплекса, ухудшению экономической, экологической и социально-психологической обстановки в целом ряде регионов страны. Чтобы этого не случилось необходимо создавать и затем опираться на институт лоббирования интересов.

В самом общем виде лоббизм — это способствование принятию органами государственной власти неких решений или нормативных документов, защищающих интересы определенных групп населения, или, например хозяйствующих субъектов, какими являются и предприятия ядерного оружейного комплекса, не связанное с подкупом должностных лиц. Причем понятие «группа» здесь принципиальное, потому что деятельность, направленная на защиту или реализацию чьего-то отдельного частного интереса — одного человека или одного предприятия, — лоббизмом в общепринятом понимании этого термина не является. Это вовсе не означает, что инициировать лоббирование не может отдельное предприятие. Однако цель, которая при этом преследуется, должна работать и на других участников этой отрасли (рынка).

Лоббирование как социальное явление имеет несколько аспектов, и один из главных — институциональный. Конкретное взаимодействие между обществом и государством осуществляется преимущественно через институты. Со стороны государства участвуют государственный аппарат и органы политической власти, со стороны общества — организации, группы и иные объединения, составляющие его институциональную инфраструктуру.

Как известно, эта инфраструктура в широком системном плане распадается на два принципиально отличных друг от друга типа образований — политические партии и «группы интересов». Причем каждое из этих образований взаимодействует с государством по своим собственным каналам и своими собственными методами.

Движущим мотивом действий групп, а значит и движущей силой лоббизма, является стремление реализовать специфический интерес.

В советские времена формально лоббизм оставался политически и классово «чуждым» явлением в обществе. Но он существовал реально, правда, в своеобразных административных формах. Представители каждой отрасли защищали свои, «специфические» интересы.

Не был исключением в этом плане и военно-промышленный комплекс, стоявший во главе угла развития всей экономики. И дело здесь было не только в сложной международной обстановке и «гонке воору-

жений». Можно утверждать, что в партийных и правительственных органах существовало, по сути, неформальное «ядерное лобби», и в этих условиях, решения, принимаемые на государственном уровне, как в отношении субъектов ядерного оружейного комплекса были адекватны стратегии его развития.

Если говорить о современном российском лоббизме (его последних десяти годах), то за этот срок многое изменилось: приемы, способы их применения. Не говоря уже о том, что изменилось и отношение к атомной отрасли.

Специфика сложившегося в России лоббизма в период с 1991-1999 гг. определялась особенностями политического режима, в это время характерной чертой которого было отсутствие четкого понимания целей государственной политики. А в условиях, когда нет осмысленной и целенаправленной воли, отдельные части государственного механизма остаются как бы предоставленными сами себе и становятся легкой добычей наиболее могущественных «групп давления», к примеру, тех же самых олигархов. Эту ситуацию многие называют «приватизацией государства».

Бизнес как наиболее экономически активная часть общества сильнее других заинтересован в лоббировании. Однако практика лоббизма показывает, что спрос на него не является значительным. Это вызвано тем, что социальные группы в массе своей пока не осознали единства интересов и не имеют отработанных механизмов их защиты и продвижения.

Отсутствие четких целей государственной политики в области обеспечения национальной безопасности в вышеупомянутый период, отсутствие в президентских, правительственных и парламентских структурах влиятельного и компетентного «ядерного лобби», способного к активному формированию реальных представлений о подлинной научно-технической перспективе экономических и социальных преимуществах ядерных технологий привело к потере отраслью целого ряда лидирующих позиций в мире, к результату, когда ядерный оружейный комплекс и его потенциал, стали «добычей» вышеупомянутых «групп давления».

До осени 1993 года — времени разгона Верховного Совета РФ — лоббирование осуществлялось на трех основных «участках»: администрация президента, правительство, парламент. Причем и в парламенте упражнялись не столько в законодательном лоббизме, сколько в выбивании вполне практических выгод и предпочтений.

Объясняется это тем, что Верховный Совет, во-первых, кроме законодательных, обладал и распорядительными функциями, имел собственные фонды и был довольно мощным «хозяйствующим субъек-

том». Во-вторых, несмотря на огромные возможности для лоббирования в законодательной области (практически все законы приходилось писать либо заново, либо радикально их перерабатывать), эффективно пользоваться этим инструментом еще не умели (речь не идет о постановлениях, кои и были одним из главных объектов для приложения лоббистских усилий). Наконец, Верховный Совет был органом излишне идеологизированным, и большинство депутатов увлекались большими политическими играми, а не решением «конкретных» экономических и хозяйственных вопросов.

После «падения» Верховного Совета и до становления Федерального Собрания лоббисты большей частью действовали в Правительстве и Кремле. Причем в условиях не то что белых пятен, а огромных дыр в законодательстве возможности решать вопросы в индивидуальном порядке были колоссальны. Разнообразные льготы, квоты, ссуды, субвенции, субсидии, получаемые путем издания отдельных указов, правительственных постановлений и распоряжений, в какой-то момент перешли все мыслимые и немыслимые границы. Естественно, это сказывалось на экономике весьма плачевным образом.

Борис Ельцин, разъезжая с агитационными поездками по стране, щедро сыпал авансами, порою подписывая указы буквально на спине тогдашнего министра финансов Владимира Панскова.

Автор, в то время работавший помощником директора одного из ведущих предприятий ядерного оружейного комплекса, был непосредственным свидетелем и участником именно такого процесса подготовки и принятия решений, имеющих жизненно важное значение для предприятий. Сначала такая практика была в правительстве Гайдара, затем Черномырдина и в администрации Ельцина.

С 1994 года бурно стал развиваться и парламентский, прежде всего думский, лоббизм. Поскольку Конституция 1993 года лишила парламент возможности всерьез заниматься политикой, Дума довольно быстро стала превращаться в «экономическое торжище».

Именно в это время бюджет, становящийся из года в год все более подробным, превратился в документ основного лоббистского спроса. Строка в бюджете и сам бюджет превратились почти в универсальное средство торговли не только по экономическим, но и политическим вопросам.

Во второй Думе (1996-1999), активные действия уже наблюдались не только в ходе обсуждения бюджетных законов, но и в ходе обсуждения налоговых законов. Кроме того, в это время пошла «мода» на отраслевые законы — о такой-то промышленности, о поддержке такой-то отрасли.

Не могло оставаться в стороне от реалий того времени и руковод-

ство предприятий ядерного оружейного комплекса.

Учитывая то, что действующее законодательство, по сути, запрещает участие представителей федеральных органов исполнительной власти в лоббировании интересов своих отраслей в структурах Федерального Собрания, оставляя эту прерогативу непосредственно за правительством, эта деятельность «легла на плечи» представителей самих предприятий, которые через специально сформированные «группы давления» начали напрямую работать в комитетах и комиссиях Государственной Думы и Совета Федерации.

Активную позицию в этих вопросах заняло руководство предприятий ядерного оружейного комплекса, по роду деятельности которых были созданы закрытые административно-территориальные образования. К тому времени, особенно в период 1994-1998 гг., ситуация в ядерном оружейном комплексе была близка к критической.

Напомним, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации наиболее важные вопросы, среди которых ядерная энергетика, оборона и безопасность, оборонное производство, находятся в ведении федеральных властей Российской Федерации.

Именно поэтому важнейшие стратегические производства и военные объекты в Российской Федерации исторически были сконцентрированы в особых научно-технических, военных и оборонных комплексах, включающих в себя не только указанные объекты, но и собственно инфраструктуру, жилищный фонд и объекты социально-культурного назначения. Таким образом, комплексы обладали всеми признаками отдельного населенного пункта, однако, отличались особой важностью предприятий (объектов), по роду деятельности которых и были созданы закрытые административно-территориальные образования с особым режимом обеспечения безопасности страны.

Следовательно, такие комплексы решали две основные группы задач: во-первых, задачи связанные с функционированием предприятия (объекта), во-вторых, задачи, связанные с нормальным функционированием населенного пункта, с учетом специфики повышенного уровня обеспечения безопасности и вытекающими отсюда ограничениями.

С целью законодательного регулирования проблем такого разнотипного комплекса 11 лет назад был принят Закон Российской Федерации «О закрытом административно-территориальном образовании». В соответствии с данным Законом Правительство Российской Федерации приняло ряд постановлений по обеспечению особого режима безопасного функционирования, упорядочивании льгот по налогам и сборам с юридических лиц, зарегистрированных в качестве налогоплательщиков на территории ЗАТО. Издано более 20 Указов Президента Российской Федерации и другие нормативные акты.

Однако практика применения закона, постановлений, указов и опыт функционирования ЗАТО выявил ряд недостатков правового и управленческого характера, требующих законодательного решения. Урегулировать возникающие проблемы в данной области способно только государство. Но кто-то должен ставить перед государством требующие решения вопросы. В этой ситуации ставка делается на лоббизм, представляющий собой важный механизм принятия взвешенных государственных решений, отражающих интересы как предприятий ядерного оружейного комплекса, по роду деятельности которых были созданы ЗАТО, так и самих «закрытых городов».

В этот период основные усилия руководства предприятий и администраций «закрытых городов» были направлены на лоббирование интересов в области бюджетного и налогового законодательства, что позволило стабилизировать сложную, порой взрывоопасную, обстановку в ЗАТО. В какой то мере это удалось, в первую очередь за счет создания в ЗАТО так называемых «инвестиционных зон».

Однако вносимые в закон изменения и дополнения никоим образом не создавали правовой основы для полноценного функционирования предприятий ядерного оружейного комплекса, по роду деятельности которых создавались ЗАТО, и населенных пунктов, расположенных на территории ЗАТО, с учетом новых реалий начала XXI века.

На сегодняшний день требуют законодательного решения вопросы, связанные с:

— созданием правовых основ государственного управления и регулирования деятельности в области обеспечения деятельности предприятий ядерного оружейного комплекса;

— ответственностью государства за последствия создания ядерного оружия;

— ответственностью государства за последствия создания ядерного оружейного комплекса;

— ответственностью государства за деятельность ядерного оружейного комплекса;

— ответственностью государства за ликвидацию последствий деятельности ядерного оружейного комплекса;

— разграничением полномочий органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления при осуществлении деятельности предприятий ядерного оружейного комплекса, по роду деятельности которых созданы ЗАТО;

— сохранением потенциала ядерного оружейного комплекса в объеме, необходимом для обеспечения защиты национальных интересов Российской Федерации.

— сохранением критических технологий, утрата которых приводит к потере Российской Федерации обладания ядерным оружием.

— определением особенностей реструктуризации и конверсии предприятий ядерного оружейного комплекса по роду деятельности которых созданы ЗАТО;

— созданием механизма государственного финансирования и экономического стимулирования предприятий ядерного оружейного комплекса по роду деятельности которых созданы ЗАТО;

— созданием правовых основ социальной защиты граждан как работающих, так и проживающих на территориях, на которых расположены предприятия ядерного оружейного комплекса.

— соблюдением баланса интересов государства, прав и охраняемых законом интересов граждан и участвующих в указанной деятельности организаций.

Приход В.В. Путина к президентской власти ознаменовал начало новых подходов практически во всех сферах, в том числе и в области лоббизма. Провозглашенный Президентом курс на равноудаленность всех (и прежде всего представителей бизнеса) от власти заставляет задуматься о новых способах и методах достижения своих «специфических интересов» и руководителей предприятий ядерного оружейного комплекса.

В этой ситуации, создание и развитие института цивилизованного лоббирования интересов «федеральных оборонных социально-экономических комплексов» является объективной необходимостью, важным элементом системы взаимодействия общества и власти, направленной на защиту государственных интересов в области обеспечения национальной безопасности.

ТЕМАТИКА

**постоянно действующего научного семинара
«Проблемы становления гражданского общества в России»**

(январь — декабрь 2003 г.)

Январь — Гражданское общество: понятие и российские реалии.

Февраль — Роль политической культуры в становлении и развитии гражданского общества в России.

Март — Становление гражданского общества и обеспечение политической стабильности в современном государстве. (Роль гражданского общества в обеспечении политической стабильности: проблемы «молодых демократий»).

Апрель — Политический центризм как механизм формирования гражданского общества.

Май — Конституционное и законодательное обеспечение становления гражданского общества в России.

Июнь — Гражданское общество и развитие российской государственности.

Сентябрь — Социальные основы формирования гражданского общества.

Октябрь — Судьбы гражданского общества в информационную эпоху.

Ноябрь — Армия как фактор стабильности гражданского общества.

Декабрь — Военная реформа и развитие гражданского общества в России.

*В помощь ученым и преподавателям:
Библиография*

**Новые поступления книг по тематике семинара
в Российскую государственную библиотеку
(сентябрь — октябрь 2003 года)**

Гуманитарные науки: в поиске нового. Вып. 2: Межвуз. сб. науч. тр. — Саранск: Ковылкин. тип., 2003. — 255 с.

Философия. Наука. Культура. Вып. 1: Сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 2003. — 232 с.

Устойчивое развитие юга России: состояние, проблемы, перспективы: Сб. тез. выступлений на конф. — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. — 390 с.

Социальные взаимодействия в транзитивном обществе: Сб. науч. трудов. Вып. 5. — Новосибирск: НГАЭиУ, 2003. — 466 с.

10 лекций по культурологии: Хрестоматия. Т. 1. Ч. 2. — Пермь: ЗУ-УНЦ, 2002. — 195 с.

Бояркин Г. Н. Государственное регулирование и системное моделирование миграционных процессов в России: Монография. — Омск: Изд-во ОмГТУ, 2001. — 471 с.

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — 2-е изд., доп. — М.: Наука, 2003. — 486 с.

Распутин К. В. Возрождение России. Взгляд с Дальнего Востока. — Хабаровск: Изд-во РИОТИП., 2003. — 267 с.

Петухов Ю. Д. Норманы. Русы Севера. — М.: Метагалактика, 2003. — 319 с.

Умбрашко К. Б. М. Т. Каченовский и «скептическая школа» об особенностях истории России: Монография. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001. — 356 с.

Россия в мировой политике. Ч. 1 / Под ред. В. А. Михайлова. — М.: Изд-во РАГС, 2002. — 223 с.

Усов В. Н. КНР: от «культурной революции» к реформам и открытости (1976 — 1984 гг.) Институт Дальнего Востока РАН. — М., 2003. — 180 с.

Трудовая народно-социалистическая партия: документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2003. — 623 с.

Вера как ценность : Материалы Всероссийской научной конференции, Великий Новгород, 25 — 27 июня 2002 г. / Шестопал А. В. и др. — Великий Новгород: Новгородский гос. университет им. Ярослава Мудрого, 2002. — 251 с.

Современные стратегии и перспективы социально-экономического развития: Межвузовский научный сборник/ Саратовский гос. техн. ун — т. Саратов, 2003. — 182 с.

Сорвина Г. Н. И др. Развитие теорий государственного регулирования экономики в трудах экономистов России. Взгляды Туган-Барановского, Н. Кондратьева, Л. Юровского: Лекции. — М.: Изд-во РАГС, 2002. — 146 с.

Экономика и обеспечение устойчивого развития хозяйственных структур: Сборник науч. тр. Вып 2 (Ч. 1)/ И. В. Штефан и др. — Воронеж, 2003. — 324 с.

Современное управление: проблемы и пути их решения: Международный сборник научных трудов/ Под ред. А. М. Поповича. — Омск: Изд-во Омского гос. техн. ун-та, 2002. — 294 с.

Регионы и власть: Экономика, управление, кадры: Сб. труд. Четвертой ежегодной Всероссийской конференции, Москва, кампус «Кунцево»; 20-21 сентября 2002 г. — М.: Международный университет (в Москве), 2003. — 221 с.

Леонтьев С. В. Модели и методы управления разработкой и реализацией программ регионального развития. — М.: Изд-во физико-математической лит., 2002. — 203 с.

Семанов С. А. Стратегическое планирование: выбор стратегии отраслей экономики. — М.: Издательство РАГС, 2002. — 202 с.

Лафитский В. И. Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. — М.: Тихомиров, 2003. — 375 с.

Процессуальное право: конституционный процесс, административный процесс, уголовный процесс: Энциклопедический словарь / Абова Т. Е. и др. — М.: Изд-во НОРМА, 2003. — 607 с.

Васильева М. И. Публичные интересы в экологическом праве: Монография. — М.: Изд-во Московского ун-та, 2003. — 424 с.

Конституционное правосудие и социальное государство: Сб. докл / А. Бланкенгель и др. — М.: Институт права и публичной политики, 2003. — 207 с.

Шахрай С. М. Глобализация в современном мире: политико-правовые аспекты: Монография: СПб: С.— Петербургский ун-т МВД РФ, 2003. — 174 с.

Глобализация: реальность, противоречия, перспективы. Т. 2 Глобализация — право — права человека: Влияние человека на экономику России: Тез. докл. 5 ежегод. Научно-практической конф., 15 мая 2002. Г. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. — 261 с.

Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб: Изд-во «Речь», 2003. — 624 с.

**СПИСОК
постоянных участников научного семинара
«Проблемы становления гражданского общества в России»**

1. Алексеева Татьяна Александровна — доктор философских наук, профессор МГИМО МИД РФ.
2. Андреев Андрей Леонидович — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра Российского независимого института социальных и национальных проблем.
3. Бельков Олег Алексеевич — доктор философских наук, профессор Военного университета.
4. Вайнштейн Григорий Ильич — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.
5. Галкин Александр Абрамович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.
6. Гаман-Голутвина Оксана Викторовна — доктор политических наук, профессор РАГС.
7. Дмитриев Анатолий Васильевич, доктор философских наук, профессор, член-корр. РАН, заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН.
8. Журавлев Валерий Васильевич — доктор исторических наук, директор Центра политической и экономической истории России.
9. Кочетков Александр Павлович — доктор философских наук, профессор, помощник первого вице-спикера Совета Федерации РФ
10. Красин Юрий Андреевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.
11. Кузьмин Алексей Сергеевич — доктор философских наук, профессор, заместитель директора Международного института гуманитарно-политических исследований.
12. Кулик Анатолий Никифорович — кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.
13. Лапина Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.
14. Медушевский Андрей Николаевич — доктор философских наук, профессор Государственного университета — Высшей школы экономики.
15. Межуев Вадим Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

16. Никовская Лариса Игоревна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

17. Перегудов Сергей Петрович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

18. Пшизова Сусанна Нурбиевна — кандидат исторических наук, доцент МГУ им. Ломоносова.

19. Ракитянский Николай Митрофанович — кандидат психологических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова.

20. Серебрянников Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель руководителя Центра социологии национальной безопасности ИСПИ РАН.

21. Соловьев Александр Иванович — доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

22. Сулакшин Степан Степанович — доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, председатель Фонда развития политического централизма.

23. Тимофеева Лидия Николаевна — кандидат политических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой РАГС.

24. Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН.

25. Холодковский Кирилл Георгиевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений.

26. Черников Евгений Леонидович — доктор исторических наук, профессор.

27. Шестопал Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

**Получателям сборников
«Россия в условиях трансформаций» и
«Проблемы становления гражданского общества в России»**

Уважаемые господа!

Фонд развития политического центризма (ФРПЦ) сообщает Вам о своем намерении издать весь объем материалов историко-политологического семинара «Россия в условиях трансформаций» и семинара «Проблемы становления гражданского общества в России»

Как Вам известно, первый семинар проходил при участии крупнейших российских ученых в течение 2000-2002 гг. и по его итогам вышло 27 сборников общим объемом 180 п. л. На семинаре рассматривались самые актуальные вопросы современного развития России, концептуальные пути ее демократических преобразований и трансформаций. Следует отметить, что наряду с актуальностью содержания сборники отличались своеобразием и оригинальностью форм подачи материалов, что особенно приветствовалось в многочисленных откликах ученых, получавших сборник.

Издание «Россия в условиях трансформаций» будет издано в двух томах во втором квартале 2004 г., общим объемом 80 п. л. Книга будет представлена СМИ и разослана представителям администрации Президента РФ, руководителям министерств и ведомств РФ, лидерам политических партий России, губернаторам и главам администраций областей и краев.

Книга «Проблемы становления гражданского общества в России», составленная на основе публикаций материалов соответствующего семинара (2003 -1 кв. 2004 г.) будет издана объемом 50 п. л. в третьем квартале 2004 г.

Учитывая научную заинтересованность Вашей организации (учреждения, ВУЗа) предлагаем Вам приобрести названные издания.

Просим заранее указать необходимое для Вашей организации количество экземпляров.

Для предварительного оформления заказа заполните приведенную ниже подписную карточку и направьте ее на наш факс: (095) 249-07-03, (095) 249-80-42 или по e-mail: frpc@cea.ru

**ПОДПИСНАЯ КАРТОЧКА
предварительного заказа**

(заполните и отправьте по факсу: (095) 249-07-03; (095) 249-80-42,
e-mail: frpc@cea.ru)

Двухтомное издание «Россия в условиях трансформаций» – 320 рублей каждый том.
Количество экземпляров _____

Издание «Проблемы становления гражданского общества в России» – 280 рублей.
Количество экземпляров _____

Платежные реквизиты покупателя
Покупатель _____

_____	ИНН _____
ФИО _____	должность _____
телефон _____	факс _____
e-mail _____	_____
адрес _____	_____

Карточку заполнил _____

